

4

2013

РОСССНЯ XXI

4. 2013 июль–август

Геоглобалистика

Вячеслав Зимонин

«Холодная» война зарождалась
в войне «горячей»
(окончание) _____

6

Ярлыки и мифы

Юрий Бит-Юнан, Давид Фельдман

Технологии мифостроения:
к истории публикации романа
В.С.Гроссмана «Жизнь и судьба» _____

26

Владимир Дегоев

Шейх-Мансур с расстояния веков.
Размышления историка
(продолжение) _____

54

Россия в мире

Михаил Ковалев

«На этих съездах мы растем и в своих,
и в чужих глазах...».
Из истории научных коммуникаций
русской эмиграции (1921–1930) _____

76

Пути духовных исканий

Владимир Глебкин

От христианина к дворянину.
Системы базовых ценностей
«Домостроя» и «Юности честного
зеркала» _____ **96**

Дмитрий Антонов

Царь избранный и царь сверженный:
трансформация представлений
о власти в России конца XVI—
XVII века _____ **114**

Страницы истории

Анна Зернова

«Власть без доверия нации — ничто».
Губернская реформа Екатерины II
в проповедях на открытие
наместничеств _____ **136**

*Анастасия Готовцева,
Оксана Киянская*

К истории русской армии
начала XIX века:
К.Ф.Рылеев на военной службе _ **160**

РОССИЯ XXI

Contents in English look at the page 184

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Как только война становится
реальностью, всякое мнение,
не берущее ее в расчет,
начинает звучать неверно.

Альбер Камю

**Люди не воевали бы, если бы
у них не выработалась привычка
воевать и если бы им в какой-то
мере не нравилось воевать.**

Найл Фергюсон

Вячеслав Зимонин

**«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА
ЗАРОЖДАЛАСЬ
В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»¹**

УДК
327.54

The middle and the second half of last century of Second Millennium were noted for unprecedented acuteness of comprehensive confrontation of two extremely hostile to each other social systems. This phenomenon, called "cold" war, also has a big impact on people's fates now, in Third Millennium. The background of such a way of society life since World War II should be founded in quite impartial events, in actual of world war, especially its final stage, and in its conclusions. Is the international society in ability to change the paradigm of international relations in a way of refusing "hot" and "cold" war thinking?

Ключевые слова: холодная война; Вторая мировая война; идеологическое противостояние; социальная система; парадигма, мышление.

Key words: Cold war; Second World War; ideological confrontation; social system; Paradigm; thinking.

E-mail: vp-zimonin@mail.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2013. №3.

II. ОТРЫЖКИ «ГОРЯЧЕЙ ВОЙНЫ»

Свою роль в создании атмосферы конфронтации на исходе Второй мировой войны сыграло применение Соединенными Штатами атомного оружия против населения городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г., не оправданное с точки зрения принуждения Японии к капитуляции. Применение этого варварского оружия не дало и не могло дать необходимый военный эффект.

Как свидетельствует бывший офицер императорской ставки полковник Н.Такаяма, у тех офицеров, которые знали об атомных ударах по Хиросиме и Нагасаки, это не вызвало ничего, кроме усиления ненависти к противнику². Основной же массе военнослужащих и населению Японии о последствиях атомных бомбардировок стало известно лишь после войны. Кроме того, применение американцами атомных бомб лишь подтолкнуло японцев к ускорению собственной программы («Проект N») создания аналогичного оружия, завершить которую намечалось через 6 месяцев. Это явилось одной из причин того, что правительство Японии все еще не соглашалось на капитуляцию и оккупацию страны войсками противника и пошло на это, лишь ощутив катастрофические для себя результаты первого, решающего этапа стратегического наступления советских войск против основы всей системы обороны Японии на материке – миллионной Квантунской группировки войск³.

Трагедия, в которую мир повергло применение атомного оружия, толкнула бывших союзников на тропу взаимной ненависти, что неизбежно привело их, по выражению профессора Д.А.Волкогонова, «к историческому ядерному тупику, в котором политики, ощутив, наконец, угрозу реального уничтожения жизни на планете, должны будут возвыситься над своими классовыми, идеологическими интересами и вновь обратиться к общечеловеческим ценностям, как в годы ушедшей войны»⁴.

Интересно рассмотреть саму логику развития «атомной стратегии» Соединенных Штатов во Второй мировой войне, приведшую, в конце

² См.: Гундзи кэнкю (*Военные исследования*). 1977. № 8. С.28.

³ *The Japan Times*. 1984. August 15.

⁴ Волкогонов Д.А. *Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина*. В 2-х книгах. М., 1989. Кн.2. Ч.2. С.18–19.

концов, к решению применить атомное оружие на исходе этой войны. Конечно же, изначально работы по созданию атомной бомбы были ответной реакцией на сведения об урановых разработках немцев, и американцев мало беспокоило, известно об этом Советскому Союзу или нет. К середине 1943 г. появились обнадеживающие результаты собственных исследований в рамках «Манхэттенского проекта», и в ходе совещания в Квебеке в августе того же года Ф.Рузвельт и У.Черчилль подписали секретное соглашение об объединении усилий США и Великобритании в области создания атомной бомбы. Но ни Рузвельт, ни Черчилль не проинформировали И.В.Сталина об этом секретном решении, хотя советская разведка и сообщила об этом в Центр уже 3 сентября 1943 г.⁵

Не желали союзники делиться и имеющимися у них данными о разработках в этой области в Германии. За океаном всерьез восприняли информацию (оказавшуюся ложной) о готовности применения немцами «радиологического» оружия против союзных войск в ходе подготовки к операции («Атлантический вал») по открытию второго фронта во Франции. И американское командование приняло некоторые меры, позволявшие, как считали в штабе Д.Эйзенхауэра, своевременно выявить применение немцами нового оружия. Это означало, что союзники не могли не предполагать готовность германского военного командования применить это оружие и против советских войск. Однако ни руководитель американского атомного проекта генерал Л.Гровс, ни генерал Д.Эйзенхауэр не сочли необходимым предупредить советское командование, полагая, что СССР ничего не знал о ведущихся в Германии (что было верно) и в США разработках, и не желая делиться секретами. К счастью, у немцев радиологического оружия не оказалось⁶.

Летом 1945 г. американский президент Г.Трумэн ожидал результатов испытания первой атомной бомбы, которая значительно увеличивала военную мощь американских вооруженных сил. Обретение столь мощного оружия, которое вначале создавалось совместными усилиями США и Великобритании, а затем стало собственностью только США, давало Трумэну, по его мнению, невероятное превосходство не только

⁵ См.: Лота В.И. ГРУ. Испытание войны. Военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С.648.

⁶ См.: Там же. С.488–492.

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

над И.В.Сталиным, но и над У.Черчиллем. Поэтому Трумэн уже мог рассматривать США в качестве единоличного лидера обескровленного войной мирового сообщества. Несомненно, Трумэн хотел стать первым, и амбициозный Черчилль являлся для столь же амбициозного Трумэна нежелательной помехой. Вскоре в период Потсдамской конференции эта проблема разрешилась сама собой: Великобританию возглавил новый лидер, который более трезво соотносил возможности своей страны со значительным экономическим и военным потенциалом США.

Руководство США, санкционировав применение атомной бомбы, проявило, таким образом, политический и военный авантюризм. Атомная бомбардировка Хиросимы в условиях, когда Советский Союз был готов по многочисленным просьбам союзников вступить в войну против Японии, что, как понимали в Вашингтоне, предотвратить уже было невозможно, хотели бы этого американцы или нет⁷, не диктовалась военной необходимостью. Именно так считал и генерал Д.Эйзенхауэр. Вспоминая разговор (затрагивавший тему атомной бомбы) с военным министром США Г.Стимсоном, генерал свидетельствует: «Я сказал ему о своих тяжких опасениях. Это в первую очередь касалось моей уверенности, что Япония уже потерпела поражение, и поэтому применение атомной бомбы не представляло никакой необходимости. Во-вторых, я полагал, что наша страна не должна шокировать мировое общественное мнение использованием атомной бомбы, поскольку это оружие утратило право считаться средством спасения американских жизней»⁸. В 1960 г. главнокомандующий союзными силами в войне против Японии генерал Д.Макартур также признал, что в применении атомного оружия «не было никакой военной необходимости»⁹.

Совершенно очевидно, что, сбрасывая атомные бомбы на японские города, вашингтонские руководители фактически «целились» в Совет-

⁷ А.Гарриман предупреждал, что «Россия вступит в войну вне зависимости от того, что мы (США. – Прим. ред.) можем сделать» (*Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K.Greenfield. Wash., 1987. P.504*).

⁸ *History of the Second World War. L., 1968. Vol.6. №16. P.2648.*

⁹ См.: Савин А.С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. С.192.

ский Союз. К такому выводу пришли японские ученые во главе с лауреатом Нобелевской премии физиком Х.Юкавой в «Белой книге о последствиях атомной бомбардировки». В разделе «Жертва – Япония, противник – Советский Союз» они отмечают: применение атомных бомб было не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой операцией по устрашению в начинавшейся «холодной войне» против СССР. «Жизни трехсот тысяч невинных людей, погибших в Хиросиме и Нагасаки, – заключают авторы, – были, таким образом, жертвой, принесенной Соединенными Штатами на алтарь "холодной войны"»¹⁰.

«НЕМЫСЛИМОЕ» И НЕИЗБЕЖНОЕ

Наиболее чудовищным по отношению к своему союзнику по Антифашистской коалиции следует, однако, признать разработку (во время еще продолжавшейся Второй мировой войны) в военном ведомстве Великобритании по распоряжению премьер-министра У.Черчилля плана войны против СССР. По указанию Черчилля, уже после подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, началась тайная разработка плана внезапного англо-американского удара по советским войскам, дислоцированным в Германии и странах Восточной Европы. Разработкой этого плана в экстренном порядке занялись специалисты Штаба объединенного планирования военного кабинета Великобритании. Им предстояло создать план операции, которую Черчилль с полным пониманием дела назвал *Unthinkable* («Немыслимое»). Против СССР предполагалось использовать и войска бывшего общего врага – Германии¹¹.

Несмотря на фундаментальную разработку в Лондоне сценария войны с Советским Союзом и согласование деталей с Вашингтоном¹², со-

¹⁰ Цит. по: Зимонин В.П. *Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане*. М., 1993. С.298.

¹¹ См. об этом подробнее: Ржевский О.А. *Секретные военные планы У.Черчилля против СССР в мае 1945 г.* // *Новая и новейшая история*. 1999. №3; Лота В.И. *Указ. соч.* С.656–666.

¹² План операции “*Unthinkable*” был рассекречен в Англии в 1999 году, но был раскрыт советской разведкой уже в мае–июне 1945 г.

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

юзники так и не осмелились ввергнуть мир в новую «горячую» войну. Наступила эра «холодной войны», лидирующие позиции в которой заняли Соединенные Штаты.

Мир в те годы пережил, к сожалению, не ослабление военной опасности, как того можно было ожидать после кошмаров мировой войны, а ее эскалацию. Но дело не только в росте количества локальных войн и вооруженных конфликтов по сравнению с предшествующими периодами мировой истории. Появились новые виды и формы силового противоборства, менее очевидные, закамуфлированные и потому создающие дополнительные сложности в борьбе с ними (необъявленные войны, войны «по доверенности», балансирование на грани войны, военное устрашение и т.д.). В 1990-е годы – уже за хронологическими рамками окончившейся «холодной войны» в ее идеологизированном варианте – на Евразийском континенте произошла реанимация, казалось бы, давно списанных в историю гражданских войн (Югославия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Грузия).

Первый и самый сложный вопрос, который возникает в связи со сказанным выше: а можно ли было избежать «холодной войны», остановить зародившиеся еще в годы Второй мировой войны опасные тенденции? Многие факторы объективного и субъективного характера дают достаточно оснований полагать, что шансы на это были минимальными, а после занятия президентского кресла Г.Трумэном и вовсе иллюзорными.

Во-первых, к концу мировой войны на отношения СССР и западных держав все большее воздействие стали оказывать разъединительные тенденции, свойственные довоенной обстановке и отражающие глубокие противоречия между странами с различными социально-политическими системами. **Во-вторых**, постоянно росло неприятие Западом советской политики создания «буферной зоны» безопасности из просоветских режимов в Восточной Европе. Причем, несмотря на так называемую «процентную» договоренность И.В.Сталина и У.Черчилля (Москва, октябрь 1944 г.)¹³ о разделе «сфер влияния», как

¹³ *Договоренность достигнута по инициативе У.Черчилля, о чем свидетельствует американский исследователь Д.Бринкли (См.: Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. М., 1992. С.66).*

буквой, так и духом находившуюся в вопиющем противоречии с положениями Атлантической хартии, о которой высокопарно упоминал британский премьер-министр в своих замечаниях по поводу «Послания Дэвиса»¹⁴. **В-третьих**, произошло резкое изменение баланса сил, вызванное монопольным овладением США атомным оружием втайне от СССР как союзника по Антигитлеровской коалиции. Период «холодной войны» охарактеризовался острейшим противоборством СССР и США, вызвал беспрецедентную гонку вооружений, ряд международных кризисов, которые не раз подводили мир к порогу ядерной войны.

Практически с 1945 г. в США стали разрабатываться и готовиться так называемые «ответные» планы (ныне документально подтвержденные) войны против СССР с применением оружия массового уничтожения, захвата и оккупации территории СССР и его союзников. Один из наиболее известных планов – «Дропшот»¹⁵. Но были и менее известные варианты. Например, разработанный в марте 1950 г., еще до войны на Корейском полуострове, план, который предусматривал готовность к тотальной полномасштабной войне с упором на «стратегические военно-воздушные силы, способные нанести массированный атомный удар возмездия» по врагу, представлявшему «абсолютное зло»¹⁶. Советские планы такого рода тогда однозначно отсутствовали.

«Горячие» же всплески «холодной войны», т.е. локальные войны, стали активно проявляться лишь после знаменитой фултонской речи У.Черчилля.

Интерес, однако, представляет не столько то, когда и где в период «холодной войны» возникали очаги «горячих войн» и конфликтов (эта проблема широко освещена и в западной, и в отечественной печати), сколько то, как работал механизм их предотвращения или локализации.

¹⁴ Записка У.Черчилля, направленная в адрес Г.Трумэна 27 мая 1945 г., «Замечания премьер-министра по поводу послания Дэвиса» (о концепции послевоенного мира. – См. об этом в первой части статьи) (Churchill W. *The Second World War: Triumph and Tragedy*. N.Y., 1974. Vol. 6. P. 494–495).

¹⁵ См.: Brown A. *Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957*. N.Y., 1978. P.329.

¹⁶ См.: *Strategy, Politics and Defense Budgets* / Ed. by W.Schilling, P.Hammond. N.Y., 1962. P.288.

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

Вторая мировая война оставила после себя ряд трудноразрешимых международных проблем, периодическое обострение которых требовало выработать компромиссные решения, призванные сдерживать эскалацию конфликтов, грозивших перерастанием в вооруженное противостояние. В какой-то мере в этих ситуациях использовался позитивный опыт нахождения компромиссов лидерами «Большой тройки».

БЕРЛИНСКИЙ ТУПИК

Первым поучительным уроком в этом отношении стал берлинский кризис 1948–1949 гг. Он был вызван введением западными державами новых денежных знаков на оккупированной ими территории Германии, несанкционированным Советским Союзом¹⁷, и введенной советской стороной в ответ на это блокадой сухопутных путей доступа в Западный Берлин. Организованное западными державами воздушное снабжение Западного Берлина существенно снизило эффективность мер советских властей¹⁸. В то же время новая контрмера – силовая блокада воздушных путей – неизбежно могла привести к вооруженному конфликту в Европе с непредсказуемыми последствиями. Это обстоятельство вынудило искать компромисс, достигнутый 5 мая 1949 г. по итогам переговоров СССР, Англии, США и Франции. Блокада Берлина была снята, и угроза военного конфликта устранена.

Однако, как показали дальнейшие события, Советский Союз не добился ощутимых позитивных результатов, а его смелое предложение о выводе всех оккупационных войск из Германии (что СССР односторонне сделал в Северной Корее уже в 1948 г.) было отклонено. Важно вместе с тем подчеркнуть, что угрозу крупного конфликта удалось предотвратить путем переговоров. По свидетельству «отца» американской водородной бомбы Э.Теллера, США не решились пойти на «использование атомной монополии» во время берлинского кризиса¹⁹.

¹⁷ Это наносило, естественно, немалый экономический ущерб советской зоне оккупации.

¹⁸ Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / Пер. с фр. 2-е изд. М., 1994. С.359–360.

¹⁹ Известия. 1994. 31 августа.

В развернувшуюся между двумя мировыми системами «холодную войну» были втянуты и надолго остались на ее передовом рубеже оба немецких государства – ФРГ и ГДР. Возникла взаимная угроза существованию политических режимов в этих странах. Объективности ради все же отметим: в то время опасность исходила, прежде всего, со стороны антикоммунистических и реваншистских сил Федеративной Республики Германии, поддерживаемых странами, входившими в НАТО²⁰.

Второй берлинский кризис возник летом 1961 г. и также угрожал большой войной. Возведение берлинской стены протяженностью 44,7 км объяснялось необходимостью «пресечь подрывные действия против ГДР из Западного Берлина», что в большой степени соответствовало действительности (со стороны ФРГ активизировалось проникновение в советскую зону оккупации разведывательной агентуры).

Экономическое давление Запада на ГДР к тому времени усилилось. По этим, а также политическим и другим причинам сотни тысяч немцев ежегодно переселялись в ФРГ через Западный Берлин, сообщение ГДР с которым не поддавалось контролю.

Возведение берлинской стены под прикрытием советских войск было, по ныне общепризнанным меркам, открытым нарушением со стороны СССР и ГДР межсоюзнических соглашений о статусе Берлина, а нахождение в Западном Берлине войск США, Англии и Франции оправдывало их вооруженное противодействие этому акту. Однако для конкретной ситуации рубежа 1950–1960-х годов позиция Германской Демократической Республики вполне понятна. Совет министров ГДР в августе 1961 г. опубликовал следующее решение: «Для прекращения враждебной деятельности реваншистских и милитаристских сил Западной Германии и Западного Берлина вводится такой контроль на границах Германской Демократической Республики, включая границу с западными секторами Большого Берлина, который обычно имеет место на границах каждого суверенного государства»²¹.

²⁰ Кстати, предложение советского правительства (выраженное в ноте 1952 года) о вступлении СССР в Организацию Североатлантического договора было отвергнуто инициаторами этого военного блока.

²¹ Цит. по: Правда. 1961. 14 августа.

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

Меры, принятые руководством ГДР, были согласованы с правительствами стран Организации Варшавского Договора. Они выступили с совместным заявлением, в котором говорилось: «...На земном шаре нет другого такого места, где бы было размещено столько разведывательных и подрывных центров иностранных государств и где они могли бы действовать столь безнаказанно, как в Западном Берлине. Эти многочисленные подрывные центры засылают в ГДР свою агентуру для совершения различного рода диверсий, вербуют шпионов, подстрекают враждебные элементы к организации актов саботажа и беспорядков в ГДР... Эта подрывная деятельность наносит ущерб не только Германской Демократической Республике, но затрагивает интересы других стран социалистического лагеря. Перед лицом агрессивных устремлений реакционных сил ФРГ и ее союзников по НАТО государства-участники Варшавского Договора не могут не предпринять необходимых мер для обеспечения своей безопасности и прежде всего безопасности Германской Демократической Республики в интересах самого немецкого народа»²².

Когда американские танки подошли к воздвигавшейся стене, их встретили советские танки. Советский лидер Н.С.Хрущев отдал приказ маршалу И.С.Коневу: в случае провокации со стороны американцев открывать огонь боевыми снарядами. Об этом было сообщено президенту США²³. Осуществление контроля за обеспечением акции 13 августа 1961 г. маршалом Коневым должно было подчеркнуть решительный характер действий; напоминало, что войска 1-го Украинского фронта под его командованием в Берлинской операции достигли внушительных результатов.

Как бы то ни было, столкновения не произошло. Позднее стало известно, что берлинский вопрос обсуждался Дж.Кеннеди и Н.С.Хрущевым во время встречи в Вене 3–4 июля 1961 г. Они достигли неформального соглашения, что в любом случае доступ военнослужащим и другим гражданам США, Англии и Франции из Западного Берлина в Восточный останется свободным²⁴.

²² *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения, 1961 год: Сборник документов. М., 1962. С.281–283.*

²³ *Фалин В. Есть стены покрепче берлинской... // Комсомольская правда. 1994. 26 января.*

²⁴ *Shukman H. Stalin's Generals. L., 1993. P.106.*

Это был первый в истории «холодной войны» случай, когда личный контакт руководителей двух государств позволил найти компромиссное решение, которое, в конечном счете, предотвратило сползание к войне. По признанию руководства ЦРУ, пограничные меры в Берлине полностью расстроили функционирование специальных инфраструктур, созданных американской разведкой, минимум на два года²⁵. При этом берлинская стена на многие годы осталась символом идеологической непримиримости двух систем. Лишь с объединением Германии и выводом всех союзнических, включая российские, вооруженных сил с ее территории была окончательно подведена черта под конфронтационным наследием Второй мировой войны в Европе.

В годы «холодной войны» были, к сожалению, и такие политические и военные кризисы (в том числе «горячие войны»), которые не удалось предотвратить и которые грозили перерасти в глобальные ядерные. Например, война в Корее. Однако и здесь удалось найти пути предотвращения мировой войны. Компромиссным результатом корейской войны в итоге переговоров стало создание демилитаризованной зоны, установившейся в результате Второй мировой войны и разделившей страну на две части по 38-й параллели.

В конце 1970-х годов ситуация обострилась. Южнокорейский режим и американцы через весь полуостров вдоль демаркационной линии, без особых на то причин, построили так называемую «стену». Последняя фактически является мощным, полым внутри бетонным фортификационным сооружением, позволяющим южнокорейской стороне скрытно размещать и перемещать войска и боевую технику, что создает элемент непредсказуемости развития обстановки. Создание «корейской стены» лишь усугубило ситуацию на полуострове (и без того сложную) и спровоцировало рост справедливого в данном случае возмущения и подозрительности со стороны северокорейцев. А это отнюдь не способствует мирному разрешению корейской проблемы, отягощенной продолжающимся присутствием в Южной Корее американских войск и усугубленной обострением разногласий вокруг вопроса о наличии ядерного оружия на корейской земле.

²⁵ *Комсомольская правда. 1994. 26 января.*

**УПУЩЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ**

Объективный анализ вышеназванных и других событий «холодной войны», ставший возможным в свете открывшихся новых фактов и документов, позволяет приблизиться к

объективному ответу на вопрос о том, почему же не удалось предупредить дальнейшее негативное развитие развязанной еще в середине 1940-х годов «холодной войны». Для осмысления уроков истории в интересах поиска эффективных путей предотвращения новых войн в наше время чрезвычайно важно не допустить одностороннего подхода к проблеме, не скатиться к поиску «козлов отпущения», который еще недавно преобладал и в нашей, и в западной официальной науке и пропаганде. Вина США, Великобритании и их союзников бесспорна. Известный дипломат и политический деятель США Дж.Кеннан, касаясь ядерной темы, пишет: «Давайте не будем наводить тень на ясный день, сваливая всю ответственность на наших противников. Мы должны помнить, что именно мы, американцы, на каждом повороте пути были инициаторами дальнейшей разработки подобного оружия. Мы первые создали и провели испытания такого устройства, первыми создали водородную бомбу, мы первыми создали многозарядную боеголовку, мы отклонили всякие предложения отказаться в принципе от применения ядерного оружия первыми и мы одни – да простит нам Бог – употребили это оружие против десятков тысяч беззащитных мирных граждан»²⁶.

Но порой недоставало гибкости и политикам Советского Союза. Руководство СССР, например, не смогло реально оценить и использовать в интересах снижения напряженности в советско-американских отношениях те некоторые позитивные моменты во внешней политике Соединенных Штатов, которые открылись с вступлением на пост президента США генерала Д.Эйзенхауэра. Сильной стороной Д.Эйзенхауэра являлось то, что он прошел путь от рядового офицера до главнокомандующего вооруженными силами США и НАТО, умело руководил коалиционными действиями союзников в Западной Европе в войне против Германии, проявляя при этом уважение к интересам Советского Союза.

²⁶ *Цит. по: Некоторые вопросы советской военной истории в освещении западной историографии. М., 1991. С.182–183.*

Генерал Эйзенхауэр одним из немногих выступал против применения атомной бомбы в войне с Японией.

Президент Эйзенхауэр одним из первых заявил о «катастрофических последствиях даже успешной мировой войны». Он был убежден, что единственный путь к победе в третьей мировой войне – это ее предотвращение²⁷.

В период своего президентства Д.Эйзенхауэр выступил с целым рядом военно-политических инициатив, ранее замалчивавшихся советскими средствами массовой информации. Среди них:

- международный контроль за атомной энергией и запрещение атомного оружия, «атом для мира»²⁸;
- взаимное сокращение в США и СССР производства расщепляющихся материалов и числа испытаний атомного и водородного оружия, снижение на 10% военных бюджетов²⁹;
- принцип «открытого неба»³⁰;
- уничтожение химического оружия;
- подписанное в 1959 г. соглашение о мирном статусе Антарктиды³¹ и т.д.

Разумеется, не все в американских инициативах было приемлемо для СССР. Однако бесспорно: предложения Эйзенхауэра не получили с советской стороны даже минимальной поддержки, хотя того заслуживали. Так же, как были проигнорированы американцами в эти и последующие годы и многочисленные предложения советской стороны (не останавливаемся на них лишь потому, что в отечественной печати они подробно описаны).

Безопасность государства, поиски путей к миру во многом зависят от того, насколько объективна оценка военно-политического курса руково-

²⁷ Rosamond R. *Crusade for Peace*. Philadelphia; N.Y., 1962. P.9.

²⁸ *Принципиальные основы теории и политики предотвращения войны*. М., 1993. С.38.

²⁹ *Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower*. 1956. Wash., 1958. P.284.

³⁰ *Логика здесь такова: если у страны имеются добрые намерения, то зачем ей запрещать разведывательные полеты над своей территорией самолетов других государств?* (Иванов Р.Ф. *Дуайт Эйзенхауэр*. М., 1983. С.188–190). *Сейчас принцип «открытого неба» находит в мировой практике все более широкое распространение.*

³¹ *Public Papers... 1960–1961*. Wash., 1961. P.5.

дителей государства – потенциального противника или партнера. В этом отношении Д.Эйзенхауэру явно не повезло. На протяжении всех 8 лет пребывания на посту президента США его клеймили в СССР как империалиста и агрессора. Причем это было характерно не только для пропагандистской машины. Подобные оценки его деятельности давались и в аналитических документах ЦК КПСС и МИД СССР, что можно подтвердить соответствующими архивными данными³². Такие оценки дезориентировали руководство страны, мешали принятию правильных политических решений, что не способствовало окончанию «холодной войны».

Но, отмечая позитивные моменты в политике Д.Эйзенхауэра, нужно отметить, что его образ как президента-миротворца, столь популярный на Западе, не выдерживает критики. Во время президентства Эйзенхауэра США топили в крови освободительную борьбу на Кубе, в Гватемале. Широко известна далеко не однозначная политика США в германском, корейском и китайском вопросах. Мощным имперским зарядом обладали жесткая «доктрина Эйзенхауэра», политика президента на Ближнем Востоке, постоянное стремление сохранить лидирующее положение США в разработке ракетно-ядерных вооружений, что провоцировало СССР на ответные меры и не способствовало смягчению международной обстановки.

Послевоенная история учит: в интересах безопасности страны и поиска путей к прочному миру всегда необходим трезвый, тщательный анализ реального соотношения сил на международной арене. Сиюминутные успехи даже в таких важных областях, как стратегическое оружие, не должны закрывать реальной картины соотношения сил и перспектив развития. Основой правильности такого анализа является учет в первую очередь факторов экономического характера. С точки зрения долгосрочных экономических перспектив, рентабельности социально-экономического устройства Советский Союз, крайне ослабленный жестокой войной, в послевоенные годы явно уступал Америке. Это важнейший объективный фактор, который и тогда играл, и всегда играет в политике, тем более в военной, определяющую роль.

³² См., например: Замечания американского отдела МИД СССР от 5 февраля 1953 г. (Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.0129. Оп.37. Папка 266).

**РЕАЛИИ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
И УРОКИ ИСТОРИИ**

Общепризнано: на рубеже 80–90-х годов XX в. произошел резкий поворот в системе международных отношений. Поворот от двухполюсного (казалось бы, явно конфронтационного)

варианта развития мира к однополюсному – старому, как сама вечность, но все же относительно новому (учитывая своеобразие нынешней ситуации и многовариантность устройства отдельных стран) способу эволюции человеческой цивилизации, с которым многие связывают ее прогресс. Переход к такой системе многие считают выдающимся результатом «холодной войны».

Так ли это? Готовым ли оказался к такому повороту событий мир? Действительно ли способен однополюсный вариант устройства международных отношений уберечь мир от новых военных потрясений? В чем секрет формулы глобальной безопасности: в равнодействии противоположных систем (удерживавших мир от глобальных потрясений в течение полувека после Второй мировой войны) или в неустойчивом равновесии начавшей складываться на рубеже второго и третьего тысячелетий одновекторной системы движения цивилизации в своем развитии? И здесь ли мы ищем подходы к оценкам стоящих перед миром и Россией угроз?

Как представляется, искать ответ на вопрос, возросла или уменьшилась угроза возникновения мировой войны путем анализа преимуществ или недостатков однополюсной или двухполюсной систем развития мира, – дело непродуктивное.

Обратимся к историческим фактам. Первая мировая война, как и все предшествовавшие ей большие и малые войны нового времени, явилась отражением неустойчивости межгосударственных отношений, раздиравшихся межимпериалистическими противоречиями внутри однополюсной (капиталистической, рыночной) системы мирового устройства.

Не дает история однозначный ответ и на вопрос о том, виновато ли в возникновении Второй мировой войны именно двухполюсное устройство мира в послеоктябрьскую эпоху, и о том, вела ли к третьей мировой войне или вводила от нее, сдерживала ее двухполюсность, двухсистемность общественно-политического и экономического устройства послевоенного мира.

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

Классовая идеология нередко приводила к конфронтации, но она же, являясь причиной деления мира на два полюса, две системы, вносила хоть какую-то определенность. Во время «холодной войны» было ясно, кто потенциальный враг, а кто союзник. И это заставляло вырабатывать вполне определенную стратегию недопущения мировой войны. Вместе с тем в канун и в период Второй мировой войны США, Англия и Франция ошиблись в оценке расстановки сил, поисках оптимального решения в борьбе с агрессией и заплатили за это в первые ее годы именно по причине идеологической заданности, зашоренности. Та же причина привела к роковым просчетам и советское руководство. И в том, и в другом случаях врагами оказались не те, кого боялись, а союзниками стали те, которые представлялись агрессорами по своей природе. Фактически на передний план вышли не идеологические и классовые противоречия, а геополитические, геостратегические, геоэкономические и националистические (расовые) факторы.

На рубеже XX и XXI веков противоречия, казалось, стали уходить на задний план или даже в прошлое. Однако это, похоже, не привело к заметному снижению международной напряженности. Взамен идеологического противостояния периода «холодной войны» стала возрастать вероятность возникновения войн и вооруженных конфликтов на основе целого «букета» старых, как это раньше было принято называть, межимпериалистических³³ противоречий, которые прежде терялись на фоне идеологических битв, а теперь все громче заявляют о себе и несут реальную угрозу крупномасштабных войн.

Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали, например, сделал в свое время вывод, подтвержденный дальнейшим развитием событий: конец «холодной войны» привел к расширению межнациональных конфликтов, которые раньше были невозможны из-за идеологической борьбы³⁴. Вот вам и «бесконфронтационная» однополюсность...

Другое противоречие. Казалось бы, следует только приветствовать радикальные сокращения ядерных и постепенное снижение количественного уровня обычных вооружений, осуществляемые Соединенными

³³ *Экономические, геополитические, национальные, расовые, религиозно-фундаменталистские и другие противоречия.*

³⁴ *См.: Правда. 1992. 22 сентября.*

Штатами и Содружеством Независимых Государств, в первую очередь Россией. Но возникает вопрос: а не ведет ли это автоматически к чрезмерному возрастанию военной роли таких экономически мощных и обладающих современными, постоянно развивающимися вооруженными силами держав, как Япония и объединенная Германия? Не несет ли такое изменение соотношения сил новых угроз миру и стабильности на региональных и мировом уровнях? И это, опять же, почти никак не связано с политическим устройством мира и идеологической ситуацией. Ведь, несмотря на то, что эти процессы начались в период двухполюсной «холодной войны», продолжают-то они сейчас, в условиях однополюсного в своей основе мира.

Исходя из этого, не лучше ли мир принимать таким, как он есть, и в этом конкретном мире строить реальную национальную и всеобщую политику безопасности, политику недопущения войн?

«Холодная война», таким образом, – это родившийся в результате крупных военно-политических изменений в мире в ходе и по итогам Второй мировой войны способ конфронтационного сосуществования двух полярных глобальных систем, форма их борьбы с целью не допустить геополитического доминирования противоположной стороны и навязать свои условия социально-политического и экономического развития. В основу «холодной войны» изначально были положены мировоззренческие факторы, непримиримость враждебных идеологий, базирующихся на разных формах собственности и способах производства. В отличие от «горячих войн», основным содержанием которых является вооруженное противоборство, «холодная война» ведется во всех сферах (военно-политической, экономической, научно-технической, культурной, информационной и др.) жизни и деятельности противоборствующих сторон. В последние два–три десятилетия предлогом для конфронтации, как правило, выдвигается несоответствие нормам западной демократии государственно-правового устройства в тех или иных странах.

Обстановка в мире характеризуется остротой и непредсказуемостью. Налицо попытки США обеспечить себе единоличное лидерство в создании нового мирового порядка на условиях и принципах, далеко не во

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

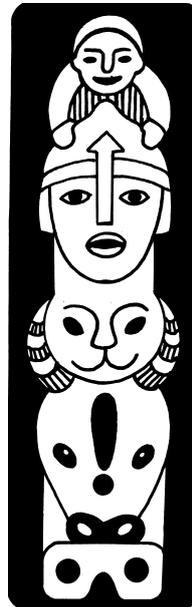
всем удовлетворяющих другие народы, а зачастую и вступающих в вопиющее противоречие с их интересами. При этом Вашингтон и правящие круги некоторых других стран НАТО проводят явно двойственную, двуличную политику, подкрепляя ее осуществление мощной, идеологической по сути, информационно-пропагандистской кампанией в худших традициях «холодной войны». Вероятно, правы те ученые и политики, которые оценивают текущий этап развития военно-политической обстановки в мире как переход от эпохи «холодной войны» к эпохе «холодного мира» с неясной перспективой для существенного «потепления» в ближайшие годы.

Для определения мифа важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается, можно установить формальные границы мифа, субстанциональных же границ он не имеет. Значит, мифом может стать все что угодно? Я полагаю, что дело обстоит именно так, ведь суггестивная сила мира беспредельна. Любую вещь можно вывести из ее замкнутого, безгласного существования и превратить в слово, готовое для восприятия обществом, ибо нет такого закона, естественного или иного, который запрещал бы говорить о тех или иных вещах.

Ролан Барт

**В характере каждого
человека есть нечто такое,
чего нельзя сломать:
это костяк характера.**

Георг Лихтенберг

Юрий Бит-Юнан, Давид Фельдман

ТЕХНОЛОГИИ МИФОСТРОЕНИЯ:

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА
В.С.ГРОССМАНА
«ЖИЗНЬ И СУДЬБА»¹

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
82-43

The authors deal with the history of V.S.Grossman's novel "Life and destiny" publication considered in relation with the history of novel "For the right cause" edition. Relations of Grossman with I.V.Stalin, K.M.Simonov, A.A.Fedeev, A.T.Tvardovski, V.M.Kozhevnikov, A.Yu.Krivitski, S.I.Lipkin and with other coevals. The authors demonstrate that judgments of memoirists on the causes of "Life and destiny" sequestration are not confirmed with documents.

Ключевые слова: В.С.Гроссман; «Жизнь и судьба»; «За правое дело»; И.В.Сталин; Н.С.Хрущев; М.А.Суслов; А.Т.Твардовский; К.М.Симонов; А.А.Фадеев; В.М.Кожевников; С.И.Липкин; «Новый мир»; «Знамя».

Key words: V.S.Grossman, "Life and destiny" novel, "For the right cause" novel, I.V.Stalin, N.S.Khrushchev, M.A.Suslov, A.T.Tvardovski, K.M.Simonov, A.A.Fadееv, V.M.Kozhevnikov, S.I.Lipkin, "The New World" magazine, "The Banner" magazine.

E-mail: dmfeld@inbox.ru

¹ Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

**АРГУМЕНТЫ
И ДОКУМЕНТЫ**

Согласно дневниковой записи К.И.Чуковского, 19 декабря 1960 года, около четырех часов пополудни, бригада «Скорой помощи» приехала в писательский дачный поселок Переделкино.

Заболел главный редактор журнала «Знамя» – В.М.Кожевников².

Внимание автора дневника привлекло даже не событие как таковое. Экстраординарна причина: В.С.Гроссман предложил журналу «Знамя» роман, «к<ото>рый нельзя печатать. Это обвинительный акт против командиров, обвинение начальства в юдофобии и т.д. Вадим Кожевников хотел тихо-мирно вернуть автору этот роман, объяснив, что печатать его невозможно. Но в дело вмешался Д.А.Поликарпов – прочитал роман и разъярился. На Вадима Кожевникова это так подействовало, что у него без двух минут инфаркт».

Стало быть, «разъярился» заведующий Отделом культуры ЦК КПСС. А к нему, судя по дневнику, роман попал без ведома Кожевникова.

Источник сведений Чуковский не указал. Однако известно, что в тот же день состоялось расширенное заседание редколлегии журнала «Знамя». Тема – обсуждение романа «Жизнь и судьба». Расширенным же заседание потому именовалось, что участвовали еще и представители руководства Союза писателей. Гроссман не пришел, но все равно каждый выступавший признал роман «антисоветским», и таково было совместно принятое итоговое решение, что стенограммой фиксировалось³.

Похоже, что сердечный приступ Кожевникова – результат заседания, разговор же с Поликарповым был раньше. Если был.

Гроссмана об итогах заседания сотрудники редакции не раз уведомили официально – по телефону и письмом. Еще и указано было «принять меры к тому, чтобы роман не попал во вражеские руки»⁴.

² См.: Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969. М.: Олма-Пресс, 2003. Т.2. С.353.

³ См., например: Фельдман Д. До и после ареста: Судьба рукописи Василия Гроссмана // Литературная Россия. 1988. 11 ноября. Подробнее см.: «Стенограмма обсуждения романа "Жизнь и судьба" на редколлегии журнала "Знамя"» / Публ. Д.М.Фельдмана // С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. М.: Советский писатель, 1991. С.44–89.

⁴ См.: Фельдман Д. Указ. соч.

Меры приняты были, правда, не Гроссманом. 14 февраля 1961 года три офицера Комитета государственной безопасности СССР «изъяли» отовсюду рукописи крамольного романа, что фиксировалось протоколами⁵.

Автор протестовал: отправил письмо Н.С.Хрущеву. Почему и был приглашен к секретарю ЦК партии М.А.Суслову – для беседы⁶.

Рукописи так и не вернули, зато обошлось без других последствий. Формально ничего вроде бы не случилось. В периодике Гроссман иногда печатался, выпускались книги. Умер 14 сентября 1964 года, статьи о нем помещали справочные издания, где роман объявлен незавершенным⁷.

Слухи об «аресте» и его причинах, конечно, распространялись в среде литераторов. Так, 21 декабря 1964 года Чуковский в дневнике отметил, что Кожевников, беседовавший с ним, «щеголяя своими либеральными взглядами, – тот самый человек, кот<орый> снес в ЦК роман Василия Гроссмана, вследствие чего роман арестовали – и Гроссман погиб»⁸.

Источник опять не указан. Документы же – редакционные материалы, протоколы обысков, копия гроссмановского обращения к Хрущеву, запись сказанного Суловым и т.д. – опубликованы десятилетия спустя. При жизни Гроссмана и вскоре после его смерти об «аресте» знали немногие.

Ситуация лишь с 1975 года изменилась, когда эмигрантские журналы начали публикацию глав романа. Тогда впервые был упомянут и «арест»⁹.

Некоторые подробности читатели вскоре узнали благодаря Б.С.Ямпольскому. В 1976 году парижский журнал «Континент» опу-

⁵ См.: Там же. См. также: *Российский государственный архив литературы и искусства* (далее – РГАЛИ). Ф.1710. Оп.2. Ед. хр.17. Л.1–2.

⁶ Письмо Хрущеву впервые опубликовано: Липкин С.И. *Сталинград Василия Гроссмана*. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1986. С.84–88. Далее цитируется по указ. изд. Запись беседы впервые опубликована: Фельдман Д. Указ. соч.

⁷ См., например: Мунблит Г.М. *Гроссман Василий Семенович* // *Краткая литературная энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т.2. Стлб.298–299; *Его же. Гроссман Василий Семенович* // *Большая советская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т.7. Стб.351–352.

⁸ Чуковский К.И. Указ. соч. С.435.

⁹ См., например: Гроссман В. *За правое дело*. Отрывок из второго тома романа // *Грани*. №97. С.3.

ликовал его статью «Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия)»¹⁰.

По Ямпольскому, обыскивали два сотрудника КГБ. «Изыjali» не только «все копии, но и черновики и материалы, а у машинистки, перепечатававшей роман, забрали даже ленты пишущей машинки».

Мемуарист подчеркнул, что Гроссман избегал разговоров об «аресте» и детали пришлось выяснять по слухам. Но другие события описал Гроссман. Разговаривали в квартире, и он, вероятно, опасаясь «прослушивания», не называл конкретные имена. Ямпольским указано, что «Гроссман написал письмо наверх, и его принимали в самой высокой инстанции, выше уже нет».

Остальное угадать осведомленным современникам было нетрудно. Если «выше уже нет» – письмо Хрущеву, а «принимали» в ЦК КПСС. И Суслов – по гроссмановскому описанию – был узнаваем: «Сердечник, человек понаторевший, все время вращающийся в интеллигентной среде, но сам не ставший интеллигентом. Необаятельный ум, но отменно вежлив, без грубости, но это уже давно известно, что на одном этаже грубо, на другом не грубо, что бы ни сделали с вами».

Разумеется, обсуждалась судьба рукописи. Функционер подчеркнул, что «о возвращении или напечатании романа не может быть и речи, напечатан он может быть не раньше, чем через 200–300 лет».

Срок был определен. И Ямпольский отметил: «Чудовищное высокомерие временщика. Это из той же оперы, что и тысячелетний рейх, десять тысяч лет Мао, дружба на вечные времена, посмертная реабилитация, посмертное восстановление в партии убитого той же партией».

Однако в истории «ареста» и беседы странно выглядят два эпизода, на что мемуарист, похоже, не обратил внимание.

Странно, во-первых, что при обысках «забрали даже ленты пишущих машинок». По ним текст романа заведомо не восстановить.

Во-вторых, странно, что функционер ЦК партии, разговаривая с писателем, определил срок, по истечении которого роман публиковать можно. Но и через триста лет, роман, компрометирующий советский режим, не станет иным. Значит, что-нибудь изменится, если советской власти не будет. Так фразу интерпретировал Ямпольский, написавший о «чудовищном высокомерии временщика». Получается, что Суслов от-

¹⁰ Здесь и далее цит. по: Ямпольский Б. *Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия)* // *Континент. Париж, 1976. №8. С.133–154.*

мерил советскому режиму не более трехсот лет. Идеологи нацизма, согласно Ямпольскому же, оценивали перспективы своего режима гораздо более оптимистично.

Странности можно объяснить, сопоставив мемуары с документами, сохранными Гроссманом.

В протоколах обысков нет сведений о «лентах». И обыскивавших было не двое, а трое, о чем выше упоминалось. Правда, Ямпольский оговорил, что про обыск не от Гроссмана слышал. Вот и про «ленты» – слухи. Ну а причины возникновения именно такого рода слухов мы рассматривали в статье «Интрига и судьба Василия Гроссмана» Напечатана она журналом «Вопросы литературы» в шестом номере 2010 года¹¹.

Что до срока «ареста», фразу такую не фиксировал Гроссман, после беседы подробно записавший высказывания Сулова. Но есть сходная в письме Хрущеву. Как отметил Гроссман, один из его «товарищей», стало быть, писателей сказал, что «напечатать книгу можно будет через 250 лет».

Если к свидетельству Ямпольского относиться не критически, остается лишь верить: Сулов, беседуя с Гроссманом, обосновывал свои тезисы цитатами из гроссмановского же письма. Это маловероятно. Еще менее вероятно, что Гроссман **такую** деталь не заметил или, заметив, не фиксировал. Гораздо более вероятно, что в памяти Ямпольского были контаминированы гроссмановские рассказы о письме и беседе. Фрагмент одного попал в другой. С мемуаристами подобное случается нередко.

Однако странность эпизодов почти незаметна в публицистическом контексте. Потому, надо полагать, рассказы про «ленты» и срок «ареста» вошли также в историографию.

Например, Г.Ц.Свирский их повторил и дополнил. В 1979 году лондонское издательство выпустило его книгу «На лобном месте: литература нравственного сопротивления (1946–1976 гг.)»¹².

По Свирскому, донос на Гроссмана в ЦК КПСС отправил Кожевников. А после обысков бросили сотрудники КГБ «на следовательский "конвейер" больную женщину-машинистку».

¹¹ См.: Бит-Юнан Ю., Фельдман Д. Интрига и судьба Василия Гроссмана // *Вопросы литературы*. 2010. №6. С.153–182. См. также: URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-i-literatura/istoriya-i-literatura/intriga-i-sudba-vasiliya-grossmana.html>

¹² Здесь и далее цит. по: Свирский Г. *На лобном месте: литература нравственного сопротивления (1946–1976 гг.)*. Л.: Overseas publishers, 1979. P.253–255.

У нее отобрали пресловутую «ленту» и не позволяли спать, пока не рассказала о количестве машинописных копий, затем были обыски у родственников и друзей Гроссмана – по всей стране. Ну а Суслов заявил: «Такую книгу можно будет издать, думаю, годиков через двести –триста...».

К теме «ареста» обратился и Е.Г.Эткинд. В 1979 году нью-йоркский журнал «Время и мы» опубликовал его статью «Двадцать лет спустя. О Василии Гроссмане»¹³.

На уровне фактографии различия невелики. Так, донос подготовил не один главред «Знамени», участвовали А.Ю.Кривицкий и Л.И.Скорино, отправили в КГБ, а не ЦК КПСС, «изъяты» не только рукописи вместе с «лентами», но и «листы копировальной бумаги, на которой можно было что-то прочесть "на просвет"».

Разумеется, сведений о «листах» нет в протоколах. Ведь «что-то прочесть "на просвет"» удастся, если каждый из «листов» прошел через печатающее устройство только один раз, а не многократно, как всегда бывает, когда тысячестраничную рукопись копируют. В последнем случае восстановление текста по копировальной бумаге – заведомо абсурдная задача. Причины возникновения слухов о «листах» те же, что и аналогичных слухов о «лентах». Они рассмотрены в нашей статье, упоминавшейся выше.

Сообщил Эткинд и про срок «ареста». Даже Ямпольского цитировал.

Итак, сведения о сроке «ареста» и «лентах» попали в историографию из мемуаров Ямпольского, а про «листы» добавил Эткинд. Сюжет вроде бы выстроен был. Но, как выяснилось, не полностью.

ДОПОЛНЕННЫЙ СЮЖЕТ

Отметим, что писавшие о Гроссмане поначалу не рассматривали обстоятельства, побудившие отдать рукопись именно в «Знамя». Контекст литературного процесса вроде бы подсказывал другой выбор.

Давним приятелем автора считался А.Т.Гвардовский, возглавлявший тогда журнал, по общему мнению, наиболее авторитетный – «Новый мир». Именно там в 1952 году был напечатан роман «За правое дело», первая часть дилогии «Жизнь и судьба»¹⁴.

¹³ См.: Эткинд Е.Г. Двадцать лет спустя. О Василии Гроссмане // *Время и мы*. Нью-Йорк, 1979. №45. С.5–12.

¹⁴ См.: Гроссман В.С. *За правое дело* // *Новый мир*. 1952. №7. С.3–132; №8. С.74–228; №9.

Вопрос был, что называется деликатный, и оба возможных ответа равнонеприемлемы: Гроссман постольку выбрал «Знамя», поскольку уже получил отказ Твардовского или не доверял ему изначально.

Василий Гроссман

О причинах, обусловивших выбор, первой написала Н.А.Роскина. В 1980 году парижским издательством выпущена ее книга «Четыре главы. Из литературных воспоминаний»¹⁵.

Мемуаристка подчеркнула, что книгу завершила в 1970 году и позже не коррелировала с эмигрантскими публикациями. Так ли, нет ли, но, согласно Роскиной, в «Знамя» Гроссман отнес рукопись, потому как «был договор. Роман уже был широко известен».

Объяснять, почему Кожевников заключил договор, не получив рукописи, мемуаристка не стала. Контекст подсказывал: Гроссман регулярно печатался более четверти века, был популярен не только в СССР. На репутацию не повлияло даже то, что в 1953 году роман «За правое дело» подвергли, как позже принято было говорить, разгромной критике. Вскоре ее признали неуместной, роман переиздавали. Читательский успех прогнозировался. Наконец, «Знамя» и «Новый мир» – конкуренты. Удавалось Кожевникову опередить Твардовского, вот и закреплял успех.

А Гроссман опасности не ждал. По Роскиной, у него «было такое представление о возможном ходе дела: Кожевников читает роман, многое ему неприемлемо, он требует изменений, на которые Гроссман пойти не может, и предпочитает взять роман назад. Расторжение договора – вот вариант, который казался ему худшим; следовательно, возможным он считал публикацию романа в том виде, как он его написал, либо с совсем незначительными переделками».

Где договор, там и аванс, т.е. гарантия публикации. Согласно Роскиной, в «Знамени» гроссмановский «роман произвел огромное впечатле-

С.5–123; №10. С.128–210.

¹⁵ Далее цит. по: Роскина Н. // Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С.101–129.

ние, однако Кожевников, человек умный, всегда придерживавшийся одной линии, никогда не шарахавшийся влево, сразу понял, что дело тут серьезное».

Мемуаристка пыталась навести справки у знакомого редактора в «Знамени» – Б.Я.Галанова. Но тот перспективу оценивал скептически: «Уж очень мрачно, все мрачно... Вряд ли...».

Определенности не было. А позже выяснилось, что «вопрос решался не в редакции. Кожевников отнес роман на консультацию в ЦК».

Роскина не обвинила Кожевникова. «На консультацию» все главреды ходили, когда требовалось выяснить, будет ли поддержка в конфликте с цензурой. «Консультировался» и Твардовский: самый известный случай – издание повести А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Инвектива в подтексте – Кожевников с Гроссманом не согласовал «консультацию». Далее же мемуаристка сообщила: «Затянувшаяся неопределенность в "Знамени" стала известной в "Новом мире". Твардовский, хотя у него с Гроссманом отношения перед этим были несколько нарушены (ему не понравился рассказ Гроссмана "Тиргартен", и между ними произошел резкий разговор), позвонил, выразил желание прочесть роман, и Гроссман дал ему один из дублетных экземпляров. Как рассказал мне Василий Семенович, Твардовский ему сказал, что он не спал двое суток, был в необыкновенном волнении от того, что он прочел. Что же касается публикации романа, то Твардовский сказал, что она будет реальной через двести пятьдесят лет».

Из воспоминаний Роскиной следовало, что Гроссман доверял Твардовскому, но в силу размолвки передал рукопись Кожевникову.

Тему подхватил и развивал Б.Г.Закс. В том же 1980 году «Континент» опубликовал его мемуары «Немного о Гроссмане»¹⁶.

Бывший ответственный секретарь «Нового мира» не упоминал о Роскиной. Но утверждал, что по неизвестной ему, однако несущественной причине Гроссман с Твардовским поссорился, когда заканчивал роман, и про завершение работы «мало кто знал. Разве что ближайшие друзья».

Значит, Твардовский просто не мог предложить сотрудничество. И «потому, закончив вторую часть романа, Гроссман не пошел с ней в "Новый мир" к Твардовскому, а отдал в журнал "Знамя"».

¹⁶ Далее цит. по: Закс Б. Немного о Гроссмане // *Континент. Париж, 1980. №26. С.352–363.*

Там, если Заксу верить, не спешили. Ждал Гроссман «почти год».

С Твардовским он по-прежнему не разговаривал. Даже, согласно Заксу, демонстративно бойкотировал, когда оба вместе с женами оказались в Коктебеле «поздней осенью 1960 года».

Бойкот не закончился и позже. Но, пока «роман был в "Знамени", Гроссман и Твардовский случайно встретились в Центральном доме литераторов, где помирились, и Гроссман попросил Твардовского прочитать роман и сказать, может ли его публикация быть возможной».

Гроссман беспокоился. И Твардовский помочь «сразу же согласился. Он прочитал роман сам, дал прочесть нескольким членам редколлегии».

Мнения совпали. По Заксу, «не возникло ни малейших иллюзий. Роман явно непроходим, его не то что в "Знамени", ни в каком другом журнале не напечатать».

Отсюда вроде бы следовало, что репутация «Знамени» хуже других. Вот и Твардовский, согласно Заксу, отчаялся: «Помню, как сидел он у себя в кабинете, облокотившись на письменный стол и, в буквальном смысле слова, схватившись за голову...».

Роскина не упоминала мнение Твардовского о какой-либо опасности. А если Заксу верить, у главреда оно было: «Господи, – с горечью говорил он, – неужели у этого человека нету ни одного друга, который объяснил бы ему, что нельзя, невозможно было отдавать этот роман в "Знамя"!».

Далее, по Заксу, редакция «Знамени» вернула рукопись. А вскоре были обыски, и 14 февраля 1961 года сотрудник КГБ «изъял» экземпляр, хранившийся в новомировском сейфе.

Из воспоминаний Закса следует, что Гроссман доверял Твардовскому, а Твардовский не доверял «Знамени», однако в силу продолжительности размовки не успел предупредить Гроссмана.

Если статью Закса с документами сопоставить, напоминает о реальной ситуации лишь «изъятие» рукописи из редакционного сейфа. Остальное либо не подтверждается, либо прямо опровергается.

С мемуарами Роскиной ситуация иная. Роскина писала о договоре со «Знаменем», и он заключен 23 мая 1960 года, причем аванс выплачен. Окончательный вариант романа надлежало сдать к 1 октября 1960 года.

Значит, не пришлось Гроссману столько ждать, сколько Закс отмерил. Но, допустим, он имел в виду окончательное решение Кожевникова. Все равно, «почти год» – выдумка: Гроссман условия договора выполнил в октябре, а 19 декабря решение официально документировано.

Период определяется и письмом Хрущеву. Там сказано: «В октябре 1960 года я отдал рукопись моего романа "Жизнь и судьба" в редакцию журнала "Знамя". Примерно в то же время познакомился с моим романом редактор журнала "Новый мир" А.Т.Твардовский».

Выходит, рассказ про бойкот «поздней осенью 1960 года» и еще позже состоявшееся примирение – опять выдумка. Аналогично, выдумка, что к осени 1960 года о завершении второго романа дилогии «мало кто знал». С весны публикацию глав начали популярные столичные газеты, роман был анонсирован как подготовленный к печати в журнале «Знамя»¹⁷.

Почти двадцать лет спустя анонс и опубликованные главы, конечно, многими были забыты. Однако Твардовский – по статусу главреда – просто не мог не знать, что новый роман известнейшего писателя уже проходит апробацию. И ответственный секретарь не мог не знать. Равным образом выдумана история о риторических вопросах Твардовского. Ко всему прочему, редакция «Знамени» рукописи не вернула.

Такое количество выдумок не объяснить случайностью. Уместен вопрос о причине, в силу которой они понадобились.

Прагматика мемуаров Закса – полемика с Роскиной.

Да, Роскина сняла проблему разногласий Гроссмана и Твардовского. Однако тут же новая проблема возникла.

По Роскиной, главный редактор «Нового мира» сказал Гроссману, что роман можно издать «через двести пятьдесят лет», а сходную фразу Ямпольский приписал высокопоставленному функционеру ЦК партии.

Если б не ошибка Ямпольского, фраза, воспроизведенная Роскиной, никак бы Твардовского не характеризовала. Ну, ирония. Однако при соотнесении мемуаров не исключен был вывод: с Твардовским функционер чуть ли не консультировался, почему и фактически цитировал. А это уже имело отношение к репутации Твардовского.

Роскина, похоже, не знала, что противоречит Ямпольскому. Похоже, не заметили это в «Континенте». А вот Закс, недавно эмигрировавший из СССР, не заметить не мог. Сказанное Роскиной к его биографии тоже относилось.

¹⁷ Гроссман В.С. *Сталинградские штабы // Литературная газета. 1960. 2 апреля; Его же. Утром и вечером // Литература и жизнь. 1960. 10 июня; Его же. В полку Березкина // Красная Звезда. 1960. 15 июля, 20 июля; Его же. В калмыцкой степи // Литература и жизнь. 1960. 26 августа; То же // Вечерняя Москва. 1960. 14 сентября.*

Опровергать Роскину он не стал. Пройдя по канве ее сюжета, предложил, так сказать, веер новых подробностей. И, можно считать, от противоречия отвлек.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЮЖЕТА

Версия Закса вскоре стала общепринятой.

Таково, в частности, осмысление событий, предложенное Ш.П.Маркишем. В 1985 году иерусалимское

издательство опубликовало его статью «Пример Василия Гроссмана»¹⁸.

Описывая предысторию «ареста», Маркиш контаминировал версии Роскиной и Закса. Утверждал, что «Гроссман закончил роман в 1960 году и отнес его в журнал "Знамя". Логичнее было бы обратиться в "Новый мир", потому что, несмотря на перемену названия, это была все же "вторая книга" дилогии: в конце как журнального, так и книжного вариантов "Правого дела" значилось – "Конец первой книги". Но у Гроссмана вышла размолвка с главным редактором "Нового мира" Твардовским, и еще до окончания работы он заключил договор со "Знаменем". Главный редактор "Знамени" Вадим Кожевников переотправил роман в отдел культуры ЦК, не извещая, конечно, об этом автора».

Характерно, что Маркиш, подобно Роскиной, не инкриминировал Кожевникову доносительство как таковое. Главред «Знамени» роман «переотправил в Отдел культуры ЦК» и ждал «ответ», стало быть, публикация не исключалась, плохо только, что автора не известил.

Автор, соответственно, беды не ждал. Но минули «несколько месяцев – ответа из "Знамени", т.е. по сути дела, из ЦК не было. Тем временем Гроссман помирился с Твардовским и попросил его прочитать роман».

Далее в статью «встроены» версии Ямпольского и Эткинда. По Маркишу, «в феврале 1961 к Гроссману домой явились сотрудники КГБ с ордером на арест рукописи. Они забрали все, что нашли дома, включая черновики, записи, фрагменты, потом спросили (и Гроссман ответил), где находятся остальные экземпляры или их части, какие машинистки перепечатывали рукопись. Объехали всех и вся, изъяли все, включая экземпляр, хранившийся в сейфе "Нового мира". Ходили

¹⁸ Далее цит. по: Маркиш Ш. Пример Василия Гроссмана // Гроссман В. На еврейские темы. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1985. Кн.2. С.501–533.

слухи, что у машинисток отобрали даже ленты машинок и использованную копирку».

Вряд ли случайно Маркиш, сообщая о «лентах» и «листах», ссылался на слухи. Надо полагать, видел, что эпизод странный. Еще отметил противоречие в мемуарах Ямпольского и Роскиной, относительно автора суждения о сроке «ареста», от выводов же воздержался. Ответственность за «арест» возлагал не столько на Кожевникова, сколько на его сотрудников.

Отчасти изменил версию, правда, не ссылаясь на источники, Ю.М.Кублановский. В 1986 году журнал «Грани» опубликовал его статью «Жизнь и судьба Василия Гроссмана»¹⁹.

Причины «ареста» характеризовались там в качестве известных чуть ли не всем, кроме автора романа. Согласно Кублановскому, «сам Гроссман, как ни в чем не бывало, сдал свою феноменальную эпопею в "Знамя" номенклатурному агенту Кожевникову».

Весьма подробно историю дилогии «Жизнь и судьба» описывал С.И.Липкин. Мичиганским издательством в 1986 году опубликована его книга «Сталинград Василия Гроссмана»²⁰.

Липкин, не упоминая Роскину и Закса, несколько иначе характеризовал причину ссоры Гроссмана с Твардовским. Началась она в 1953 году, когда первую часть дилогии Твардовский и руководители Союза писателей осудили публично. Вот Гроссман и «не хотел иметь дело с отрекшимся от него редактором. Это была обида не только автора, но и бывшего друга».

Документы же свидетельствуют, что автор ошельмованного романа вскоре помирился с А.А.Фадеевым, А.А.Сурковым и К.М.Симоновым, тоже отрекшимися. Восстановились деловые отношения. Не похоже, чтоб «не хотел иметь дела» лишь с Твардовским. К 1960 году оба – советские классики. Встречались не только в ЦДЛ, на съездах и пленумах СП тоже.

По Липкину, сыграла роль не только обида. Он утверждал, что «Гроссманом овладела странная мысль, будто бы наши писатели-редакторы, считавшиеся прогрессивными, трусливей казенных ретроградов. У последних, мол, есть и сила, и размах, и смелость бандитов. Они скорее, чем прогрессивные, способны пойти на риск».

Немаловажными были и обстоятельства финансового характера. Прежде чем «дать роман в "Знамя", Гроссман сидел без копейки, и Ко-

¹⁹ Кублановский Ю. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Грани. 1986. №141. С.184–188.

²⁰ Далее цит. по: Липкин С.И. Указ. соч. С.67–86.

жевников, возможно, имея об этом сведения, предложил ему солидный аванс – под произведение, которого не читал».

Кожевников аванс не только предложил – еще и выплатил. Обычная практика. К тому же не верится, что в 1960 году «Гроссман сидел без копейки». Библиографии не соответствует. И дело не только в газетных публикациях. Выпускал он – в среднем – по книге ежегодно. Например, в 1959 году очередной раз напечатан роман «За правое дело». Гонорар – доход советского инженера за несколько лет. Тогда же вновь издан «Степан Кольчугин». Еще раз – в следующем году²¹.

Что до нового романа, то Липкин, по его словам, предвидел результат. Подчеркнул, что даже не «Кожевников – Твардовский не напечатает, но ему показать можно, он не только талант, но и порядочный человек».

Отметим, что Закс противопоставил «Знамя» другим журналам, Липкин же, тезис развивая, Кожевникова – Твардовскому. И далее заковские тезисы развивал. Так, главред «Нового мира» согласно Заксу, спрашивал, был ли у Гроссмана хоть один друг, который мог бы объяснить, что рукопись в «Знамя» отдавать нельзя. По Липкину – был, но Гроссман не послушался. Это Липкин «умолял Гроссмана не отдавать роман Кожевникову, облик которого был всем литераторам достаточно известен».

Суждения Липкина о Кожевникове вполне корреспондируют с характеристикой, данной Кублановским в 1985 году, – «номенклатурный агент». Только опять не верится: аутентичных свидетельств, подтверждающих, что к 1960 году Кожевников эту репутацию заработал, нет. Он даже в сталинских пропагандистских кампаниях «замарался» меньше других московских главредов и/или руководителей СП. И ни Гроссман, ни Роскина, если верить ее мемуарам, не знали про «облик», что «был всем литераторам достаточно известен».

Но это, скажем так, мнение о мнении. Главное же, на уровне хронологии у Липкина – сплошные противоречия.

Так, подобно Заксу, он сообщил, что Гроссман долго ждал ответ Кожевникова. Необычно долго: «Шли за неделей неделя, за месяцем месяц, от "Знамени" – ни звука».

К теме ожидания Липкин вернулся и позже, рассказывая об их с Гроссманом попытках узнать, что происходило в редакции. Вновь акцентировал: «А месяцы идут, а "Знамя" молчит».

²¹ Гроссман В.С. *За правое дело*. М.: Воениздат, 1959; *Его же. Степан Кольчугин*. М., Детгиз, 1959; *То же*. М.: Гослитиздат, 1960.

Согласно Заксу, беспокоился Гроссман. А по Липкину, еще и совет его роль сыграл: «Гроссман уже давно стал понимать, что совершил непоправимую ошибку, отдав "Жизнь и судьбу" в руки Кожевникова и Кривицкого. Он попытался возобновить отношения с Твардовским».

Попытка не была удачной. О чем Гроссман и написал мемуаристу «1 февраля 1961 года – еще до рокового заседания редколлегии...».

Но «роковое заседание» **состоялось на полтора месяца раньше**. То самое, где, по словам Липкина же, «выступавшие, среди которых малюты скуратовы чередовались с тартюфами, единодушно отвергли роман как произведение антисоветское, очернительское».

Впрочем, письмо цитируется. О Твардовском сведений там немного: «Встретились у него, говорили долго. Разговор вежливый, осадок тяжелый. Он отступил по всему фронту, от рукописи и от деловых отношений отказался полностью, да и от иных форм участия в литературной жизнедеятельности собеседника отстранился. Так-то».

По цитате нельзя судить, от какой же рукописи Твардовский отказался. Только вряд ли от романа. Если допустить такое, не забывая о документах, остается лишь верить: Гроссман, извещенный, что роман официально признали «антисоветским» редколлегия «Знамени» и руководство СП, все-таки решил попытать счастья в «Новом мире». Да еще и несколько обижен был – Твардовский «отстранился». Липкин же сообщил далее, что «и после этого отношения Гроссмана с Твардовским не оборвались окончательно».

А «не оборвались», потому что в Коктебеле встретились. Отдыхать приехали вместе с женами «поздней осенью».

В мемуарах Закса тоже упомянута «поздняя осень», но – 1960 года. Кроме того, Липкин, в отличие от Закса, утверждал, что жены, издавна знакомые, помирили тогда мужей. Соответственно, «Твардовский сказал: "Дай мне роман почитать. Просто почитать". И Гроссман, вернувшись в Москву, отвез ему, видимо, с некой тайной надеждой, роман в редакцию "Нового мира"».

Если не забывать о документах, получается, что Гроссман, 14 февраля 1961 года официально заявивший сотрудникам КГБ, что не имеет более экземпляров рукописи, один из них повез в редакцию «Нового мира» примерно через десять месяцев. Вновь совершал уголовно наказуемое деяние – распространение литературы, официально признанной «антисоветской», и в сообщники опять звал Твардовского. А дальше – еще интереснее: «После ареста романа к Гроссману чуть ли не в полночь приехал Твардовский, трезвый. Он сказал, что роман гениальный».

Выходит, «**поздней осенью**» 1961 года, когда в Коктебеле мирились, **еще не было обысков**. И Твардовский, едва узнав о них, приехал, а потом, «выпив, плакал: "Нельзя у нас писать правду, нет свободы"».

О застольной беседе после «ареста» рассказывал и Закс, только была она в его квартире и чуть ли не годом раньше. Зато у Липкина – новые подробности. К примеру, Твардовский сказал: «Напрасно отдал бездарному Кожевникову. Ему до рубля девяти с половиной гривен не хватает. Я бы тоже не напечатал, разве что батальные сцены. Но не сделал бы такой подлости, ты меня знаешь».

Что за «подлость» – тут же уточнено. По словам Твардовского, «рукопись романа была передана "куда надо" Кожевниковым».

Детали убедительно бы выглядели, если б не путаница с датировками. Не могло быть ничего подобного в конце 1961 года. Причем Липкин же затем и сообщил: «В феврале 1961 года роман был арестован».

Тут мемуарист противоречил себе же. Более того, рассуждая далее о попытках Гроссмана вернуть «арестованные» рукописи, полностью воспроизвел его письмо Хрущеву, где указано, когда экземпляры переданы Кожевникову и Твардовскому, а затем «изъяты».

Явный абсурд. Но в мемуаристике подобные случаи нередки, потому не так и важна хронологическая путаница.

Важно, что Липкин пересказал сюжет Закса, лишь добавив новые вымышленные подробности, и прагматика та же: Твардовский, в отличие от Кожевникова, не имел отношения к «аресту» рукописей.

Интерпретирован и сюжет Роскиной. По Липкину, разговаривал Гроссман с функционерами СП, которые сказали, что «если и можно будет издать роман, то лет через 250».

Стало быть, о сроке «ареста» впервые сказано кем-то из «писателей-функционалов». Как отметил и Гроссман – одним из «товарищей».

Есть в мемуарах и сведения о Сулове. Разговор с ним продолжался «около трех часов. Гроссман записал дома по памяти (а она у него была великолепная) эту беседу».

Липкин подчеркнул, что у него копии нет. Соответственно, приходится не цитировать, а пересказывать: «Увы, я помню из этой записи, крайне интересной, – что легко себе представить, – далеко не все».

Но, во-первых, объемом записи – несколько страниц небольшого формата – не подтверждается, что разговор был трехчасовой. Во-вторых, содержание записи не соответствует липкинскому пересказу. Если точнее, содержит пересказ главным образом то, чего нет в записи.

Например, Суслов перспективу издания романа оценивал так: «Может быть, он будет издан через двести–триста лет».

Понятно, что запись тут ни при чем, цитированную фразу Липкин у Ямпольского нашел. Зато срок «ареста» обосновал: «Не знаю, как двигалась эта космическая цифра, снизу – от писателей-функционеров к Суслову или сверху – от Сулова к ним. Разговаривая, Суслов перебирал рукой обе рецензии, заглядывал в них, читал вслух наиболее, с его точки зрения, предосудительные цитаты из романа. По словам Гроссмана, рецензии были довольно большие, на глаз – по 15–20 страниц каждая».

Такого опять нет в гроссмановской записи. И, опять же, не это главное.

Липкин, словно бы невзначай, объяснил, откуда взялась фраза о сроке «ареста»: его назвал Гроссману один из «писателей-функционеров», потому что готовил рецензию для Сулова, который – в свою очередь – обсуждал ее с рецензентом.

Была бы у Липкина запись беседы, не пришлось бы новыми выдумками дополнять версию Закса, отводя возможные подозрения от Твардовского. Но задачу Липкин решил: свидетельство друга и первого биографа Гроссмана, так сказать, вытеснило роскинское.

ВТОРОЙ ПЕРВЫЙ РАЗ

Об истории «ареста» написала и бывшая сотрудница «Нового мира» А.С.Берзер. Ее книга «Прощание» опубликована в 1990 году²².

Мемуары Берзер готовила к печати на исходе 1980-х годов. По ее словам, Гроссман к Твардовскому обратился, желая «понять, что же могло переполошить "Знамя". Почему они молчат?».

Согласно Берзер, главный редактор «Знамени» предал Гроссмана. Что ж, версия заковская – в редакции Липкина.

О романе «Жизнь и судьба» написала также Н.П.Бианки. В 1997 году опубликована книга «К.Симонов, А.Твардовский в "Новом мире". Воспоминания»²³.

Бывшая сотрудница журнала, по ее словам, описывала только свои впечатления. И утверждала, что Твардовский, узнав про «арест» романа,

²² Берзер А.С. Прощание // Липкин С.И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А.С. Прощание. М.: Книга, 1990. С.264–266.

²³ Далее цит. по: Бианки Н.П. К.Симонов, А.Твардовский в «Новом мире». Воспоминания. М.: Виоланта, 1999. С.146.

«очень огорчился, все время повторял: "Я же его слезно просил рукопись в "Знамя" не отдавать. Как он мог довериться Кожевникову? Тот незамедлительно отправился советоваться в ЦК"».

Суждения о «Знамени» и Кожевникове сформулированы – в пересказе Бианки – так, что уяснить трудно, свое ли мнение Твардовский выразил, или воспроизвел чужое, ранее услышанное, к примеру, «на консультации в ЦК». Опять же, суждения Твардовского нельзя считать прямым обвинением в доносительстве. Если Кожевников «отправился советоваться», мог и публикацию планировать. Инвектива – в подтексте: Гроссмана не известил о своем решении. Кстати, и Бианки не упомянула, что у Кожевникова одиозная репутация.

Но здесь особо интересны не суждения Твардовского относительно «Знамени» и Кожевникова лично. Гораздо интереснее сказанное Твардовским о себе.

Из воспроизведенных Бианки суждений Твардовского следует, что впервые он с гроссмановским романом ознакомился до Кожевникова: в противном случае непонятно, зачем «слезно просил рукопись в "Знамя" не отдавать».

Однако Гроссман писал Хрущеву, что в октябре 1960 года роман был передан редакции «Знамени». И Твардовский ознакомился с ним «примерно в то же время». Не мог Твардовский не знать тогда, что рукопись уже получил Кожевников. Стало быть, либо Твардовский сам не понимал, о чем просил Гроссмана, либо Бианки ошиблась.

В общем, парадокс. Не исключено, что поэтому книга и не упомяната ни в одной из работ о Гроссмане. И все же довольно оснований доверять пересказу Бианки, если учесть, что Твардовский дважды ознакомился с гроссмановским романом. Первый раз – до заключения гроссмановского договора со «Знаменем», второй – после.

То, что с гроссмановским романом до Кожевникова ознакомился Твардовский, подтверждается его же дневниковыми записями.

Впервые они опубликованы в 1989 году журналом «Знамя». 6 октября 1960 года Твардовский отметил: «Самое сильное литературное впечатление за, может быть, многие годы – на днях прочитанный роман (три папки, общий объем страниц 1 000 с лишком) В.Гроссмана, с его прежним глупым названием "Жизнь и судьба", с его прежней претенциозной манерой эпопеи, мазней научно-философских отступлений, надменностью и беспомощностью описаний в части "гопора и лопаты".

При всем этом – вещь так значительна, что выходит далеко и решительно за рамки литературы, и эта ее "нелитературность", может быть, самое главное ее литературное достоинство»²⁴.

Казалось бы, пишущих о Гроссмане должна была б заинтриговать эта характеристика: **«прежнее глупое название»**. Если **«прежнее»**, значит, рукопись, так озаглавленную, Твардовский уже читал, почему еще и рассуждал о **«прежней претенциозной манере эпопеи»**.

В печати гипотезы подобного рода не появились. Похоже, рассуждения Твардовского были с романом «За правое дело» соотнесены.

Этот роман здесь ни при чем. Его **«прежнее»** заглавие – не «Жизнь и судьба», а «Сталинград». Оно сразу было автором предложено. Другое же – «За правое дело» – дано при редактировании в «Новом мире».

Стало быть, характеризовал Твардовский роман «Жизнь и судьба». И подчеркнул еще, что с ним знакомился не впервые: «На этот раз мне повезло: я имел возможность читать рукопись не как редактор, которому с первых страниц нужно решать – идет – не идет, что делать и т.п., а просто как некто Твардовский, о чем меня и просил автор, хотя, конечно, ни он, ни я не могли полностью отмыслить моей редакторской сущности».

Кстати, в дневнике нет упоминаний о коктебельской встрече, завершившейся, по Липкину, примирением. Но другое более важно: если сказано Твардовским про **«этот раз»**, так был и **«прошлый»**. Что опять дневником подтверждается: «Все же я был куда свободнее, чем в прошлый раз, и мог позволить себе роскошь читать из одного интереса, и этого интереса у меня более, чем достаточно».

Твардовский уже знал, что решение принимали в «Знамени». Соответственно, акцентировал: «Но мне нравится быть сейчас в состоянии необходимости самому, без предуказки и обязательств службы решить этот вопрос, по крайней мере, для себя».

Получается, «в прошлый раз» было решение predeterminedено не Твардовским. Да и в октябре 1960 года он акцентировал, что решает «не только для себя, этого не только мало, но это и не решение вовсе. Напечатать эту вещь (если представить себе возможность снятия в ней явно неправильных мотивов) означало бы новый этап в литературе,

²⁴ Здесь и далее цит. по: Твардовский А.Т. Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. №9. С.200–202.

возвращение ей подлинного значения правдивого свидетельства о жизни, – означало бы огромный поворот во всей нашей зашедшей бог весть в какие дебри лжи, условности и дубовой преднамеренности литературе».

Желательной, по Твардовскому, была публикация. Только «вряд ли это мыслимо. Прежде всего – автор не тот. Он знает, что делает. Тем хуже для него, но и для литературы».

Оценка романа иной стала, но, по сути, второе решение от первого не отличалось. Суть – безотносительно к новой оценке – выражена фразой, что Роскина воспроизвела по гроссмановскому пересказу, а Гроссман цитировал в письме Хрущеву: «**через 250 лет**». В отличие от Сулова, мог Твардовский позволить себе такую шутку, разговаривая с Гроссманом. И Гроссман, понятно, не упомянул о нем в письме Хрущеву.

Теперь можно уточнить, когда Твардовский читал роман.

Первый раз – одну из ранних его редакций. Это было в интервале от января до 23 мая 1960 года.

Второй раз оказалась у Твардовского одна из поздних редакций. Машинопись, аналогичная экземпляру, переданному Кожевникову, либо неприципиально отличавшаяся. Возможно, читал в Коктебеле, где, согласно дневнику, был с 30 августа до 5 октября 1960 года. Но утром 6 октября закончил и позже, суммируя впечатления, подчеркнул, что рукопись «прочел одним духом...».

Примерно о том же и написала Роскина, цитировавшая Гроссмана.

Отметим еще одно свидетельство. 28 февраля 2013 года в Государственном литературном музее РФ состоялся вечер памяти Гроссмана. Выступала его дочь, сообщившая, что Твардовский, по словам отца, рукопись вернул. И советовал не пытаться издать, а лучше бы – спрятать.

Кстати, Е.В.Короткова-Гроссман не впервые о возвращенной рукописи говорила на различных конференциях. Но ее свидетельство игнорировалось.

Это объяснимо. Логика диктует: вернул бы Твардовский рукопись, было б нечего «изымать» в «Новом мире». Правда, Короткова-Гроссман не раз подчеркивала, что о противоречии знает, но помнит и сказанное отцом.

Благодаря книге Бианки и дневнику Твардовского понятно, что противоречия нет. Прочитав роман **первый раз** – до 23 мая 1960 года, Твардовский **вернул рукопись**. А **второй раз**, получив рукопись и закончив чтение 6 октября, **не вернул**. Только это была уже другая рукопись.

Стало быть, дочери рассказал Гроссман о реакции Твардовского, впервые читавшего роман. Не суть важно, поссорились тогда автор и главред или это случилось осенью. Важно, когда и почему ссорились прежде.

ХУДОЙ МИР И ДОБРЫЕ ССОРЫ

Согласно Липкину, всерьез поссорились впервые, когда отрекся Твардовский от романа «За правое дело». Предыстория тут долгая. Роман, по словам Липкина, «был отвергнут

"Новым миром" – редактором Симоновым и его заместителем Кривицким. Больше года они молчали. Гроссман нервничал, серьезная, столь важная для него работа будто в пропасть канула. И вот, наконец, ответ: печатать не будем, нельзя».

Однако Гроссман иначе оценивал ситуацию, что и документировал. Речь идет о почти четверть века тому назад опубликованном «Дневнике прохождения рукописи романа "За правое дело" в издательствах»²⁵.

Два экземпляра рукописи в начале августа 1949 года переданы редакции «Нового мира». Понятно, что была и предварительная договоренность: главред и автор – давние знакомые, отношения примерно те же, что с Твардовским.

Решение Гроссман ждал недолго. 11 сентября «Симонов позвонил по телефону из Сухуми и сообщил, что прочел рукопись: "Мне очень нравится, есть пожелания по отдельным местам и линиям". Обещал, что по приезду в Москву 15-го сентября тотчас встретимся».

15 сентября звонил Кривицкий. Сказал, что романом восхищен, а в остальном – «его мнение совпадает с мнением Симонова».

Значит, про то, как «больше года они молчали» и роман «был отвергнут», – фантазии. В январе 1950 года рукопись прошла редактуру.

По Липкину же – все было кончено. Однако «не успел Симонов вернуть роман автору, как сменилась редколлегия журнала...».

Не было речи о возврате, и «сменилась» не вся редколлегия. 17 января Гроссман записал: «Симонов, Кривицкий уходят из "Нового мира". Редактором назначен Твардовский».

²⁵ С незначительными сокращениями опубликовано А.Г.Бочаровым (Бочаров А.Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990). Далее цит. по: РГАЛИ. Ф.1710. Оп.2. Ед. хр.1. Л.1–30.

Запись подчеркнута **двумя красными линиями**, точно автор указывал окончание этапа. Но, похоже, это позже сделано. Перемену решения Гроссман, судя по дневнику, не прогнозировал. Бывший главред, что называется, «на повышение ушел», не конфликтуя с новым, чей ближайший помощник – А.К.Тарасенков – интриганом не слыл.

Липкин, однако, настаивал, что лишь тогда и появились у Гроссмана сторонники: «Первым прочел роман Тарасенков – и пришел в восторг, поздно ночью позвонил Гроссману. Потом прочел Твардовский – и разделил мнение своего заместителя. Оба приехали к Гроссману на Беговую. Твардовский душевно и торжественно поздравлял Гроссмана, были поцелуи и хмельные слезы. Роман было решено печатать».

Вновь описано «с точностью до наоборот». Новый главред не спешил, и только 15 марта Гроссман констатировал: «Встреча с Твардовским. Твардовский заявил мне, что печатать может только военные главы, против остального резко и грубо возражал».

Сказанное про «военные главы» напоминает фразу Твардовского в описанном Липкиным разговоре про «арестованный» роман. Упомянулись тогда «батальные главы», которые Твардовский, возможно, опубликовал бы. Похоже, мемуарист что-то от Гроссмана слышал о разговоре с Твардовским относительно первой части диалогии, но экстраполировал на историю второй.

Согласно Липкину, в 1960 году Гроссман и Твардовский о втором томе романа беседовали дружески. Что до первого тома, Гроссман 15 марта 1950 года в дневнике описывал конфликт: «Я ответил, что это фактический отказ печатать меня, т.к. предложения его оскорбительны, неверны, совершенно неприемлемы. Он предложил, чтобы прочла вся редколлегия, я ответил, что решение ясно из того, что сказал он, главный редактор».

Примерно тогда интрига началась. И не случайно: в редколлегию журнала введен был М.С.Бубеннов, давний конкурент автора романа. Поддерживали нового редактора функционеры Отдела агитации и пропаганды ЦК партии, боровшиеся за влияние с функционерами СП. Эту интригу мы анализировали в упомянутой выше статье.

Однако Гроссмана поддерживал Симонов, а того, в свою очередь, – Сурков и Фадеев. Роман лоббируя, они решали задачу, поставленную руководством партии: требовалась эпопея – «советская "Война и мир"». И у гроссмановского романа, помимо литературных достоинств, было

множество сюжетных линий, а также солидный объем, причем журналу была предоставлена лишь первая часть²⁶.

В конфликте Гроссман демонстрировал готовность к полному разрыву с журналом. Не готов был Твардовский. В случае разрыва ему полагалось бы ответственность принять – за отказ от проекта, курировавшегося руководством СП. И ситуация – гроссмановскими стараниями – становилась все более напряженной, что констатировано в дневнике 21 марта: «Я письмом сообщил Твардовскому, что отказываюсь категорически от его требований и принимаю отказ. Он, получив письмо, позвонил мне и сказал, что мнение его не окончательное и просил подождать высказывания редколлегии (в течение 10 дней)».

Вероятно, письмо и сыграло главную роль. Это был официальный документ, где автор, характеризуя причины разрыва с журналом, называл виновного. Копию Гроссман мог предоставить в Секретариат СП, что обосновало бы фадеевское вмешательство. Соответственно, Твардовский и просил десятидневную отсрочку: дождаться «высказывания редколлегии» он мог раньше, время требовалось, чтобы договориться в Секретариате СП до того, как туда попадет копия.

Договаривался, нет ли, но 29 марта Гроссману сообщил Тарасенков, что претензии главреда уменьшились. По-прежнему вызывал протест лишь центральный персонаж – физик-ядерщик Штрум, alter ego автора. Нетрудно было догадаться: Твардовскому не Штрум помешал, а еврейская тематика, с ним связанная. Антисемитские кампании в прессе шли одна за другой.

Тарасенков был своего рода парламентарем – компромисс предлагал. Гроссман не принял, и на следующий день к нему приехали Твардовский с Тарасенковым соглашаться, мириться.

Похоже, Гроссман, рассказал некогда Липкину о конфликте и визите. На этой основе мемуарист и создал иной сюжет: заменил ссору поздравлением, а действие перенес на два месяца вперед. Лишь одна подробность вызывает доверие: Тарасенков и Твардовский могли выпить с Гроссманом, раз уж приехали. Визит был формой извинения.

Так закончилась **первая ссора** – в редакции «Нового мира». Ну а по Липкину, не с Гроссманом конфликтовал Твардовский, а противостоял гроссмановским врагам, для чего добился поддержки Фадеева и «держался молодцом, был непоколебим, упорен».

²⁶ См., напр.: *Выступления на обсуждениях романа «За правое дело» («Сталинград») на заседаниях редколлегии журнала «Новый мир»* // РГАЛИ. Ф.1710. Оп.1. Ед. хр.106.

Согласно же дневнику, роман и без помощи Твардовского проходил цензурные инстанции. Прежде всего – как военная эпопея – в Генеральном штабе. 6 апреля поступил отзыв, содержащий «ряд частных замечаний».

Это означало одобрение – в целом. 24 апреля редколлегией было решено начать публикацию в пятом номере, четыре дня спустя получена верстка. На следующий день Гроссман отметил: «По доносу Бубеннова печатание приостановлено. Экстрен<нное> заседание Секретариата<СП>. Предложено отложить печатание на 2 месяца. Отредактировать роман полностью, сдать на согласование в Ц.К. сверстав все части книги».

Руководство СП от публикации романа не отказалось, чем выразило готовность к полемике с Агитпропом. Но в 1949–1950 годах Агитпропом руководил Суслов, открытых конфликтов с Фадеевым избегавший, почему и умерявший активность новых подчиненных.

У Твардовского не оставалось путей отступления: либо с Гроссманом против Бубеннова, либо с Бубенновым – против Фадеева. И 4 мая Гроссман отметил: «Говорил с Сурковым. Он подтвердил, что на Секретариате <СП> Твард<овский> и Тарасенк<ов> были за роман».

Меж тем интрига шла своим чередом. Под предлогом необходимости объективного анализа романа с идеологической точки зрения Суслов передал рукопись в самое авторитетное научно-исследовательское учреждение при ЦК партии – Институт Маркса, Энгельса, Ленина.

Но у Фадеева там связи тоже были. И 14 августа Гроссман отметил, что ему передали заключение ИМЭЛ – «вполне положительное».

Агитпроповский ответ ждать пришлось недолго. Роман был передан в Политбюро ЦК партии – Г.М.Маленкову.

Борьба становилась все более ожесточенной. Каждая из сторон доказывала необходимость своей деятельности, потому крайне важно было, чья креатура получит, как еще в 1920-е годы шутили, статус «красного Льва Толстого». Наконец, Агитпроп не мог позволить Секретариату СП открытое неповиновение, а потому изыскивал новые приемы воздействия.

Фадеев тоже искал новые приемы – защиты. 6 октября Гроссман констатировал, что на совместном заседании Секретариата СП и редколлегии «Нового мира» роман одобрен. Более того: «Решено послать в ЦК письмо с просьбой ускорить чтение либо разрешить взять на себя ответственность Секретариату <СП> за публикацию романа».

8 октября Фадеев сообщил Гроссману, что письмо отправлено. 6 декабря Гроссман послал Сталину письмо, где просил оказать помощь «в решении вопроса о судьбе романа».

Ответ из ЦК партии получен не ранее 3 января 1951 года. Судя по дневнику, Фадеева «вызвали в ЦК и сказали, что роман получил очень высокую оценку (о том, кто говорил с ним и кто читал роман, Фадеев не сказал). Союзу <писателей> и редакции <"Нового мира"> предложено решить вопрос о печатании, наверх роман больше не посылать».

О претензиях, сформулированных в качестве пожеланий, Фадеев тоже сообщил. Требовали добавлений и сокращений. Относительно сокращений, как отметил Гроссман, претензии были прежние – «снять Штрума. Я в ответном слове согласился со всем, кроме Штрума. Спорили, решили вопрос о Штруме отложить. Фадеев сказал, что посмотрим: после написания новых глав, быть может, соотношение частей станет таково, что и Штрум ляжет по-новому. Твардовский сказал, что намечает роман в 6-й номер».

Планы его все же изменились. 12 марта 1951 года Гроссман описывал в дневнике очередную встречу с главным редактором «и двумя его заместителями. Мне категорически заявлено: снять все штрумовские главы. От первой до последней строки – иначе роман печататься не будет. Я отклонил этот ультиматум. На этом и закончился мой разговор с редакцией "Нового мира" о печатании романа "Сталинград". Вопрос передается Фадееву».

Но Фадеев поддержал Гроссмана. И Твардовский опять уступил.

Так закончилась, как минимум, **вторая ссора** – в редакции «Нового мира».

Интрига же продолжалась, Агитпроп требовал все новых согласований, Твардовский не спорил. Он стал фадеевским союзником, но ответственность за итоговое решение принимать не спешил. И 23 апреля Гроссман описал разговор с Фадеевым – о «скептицизме Твардовского. Фадеев мне сказал: против романа могли возражать ИМЭЛ, Генштаб, ЦК ВКП (б). Роман в этих 3-х инстанциях был одобрен – вопрос поручен нам, Союзу писателей и редакции "Н<ового> м<ира>". Мы решили печатать, кто же может возражать?».

Агитпроп возражал по-прежнему. Ну а Секретариат СП мнение свое не менял, и 15 апреля Гроссман отметил: «На заседании Президиума <СП> редактор журнала «Знамя» Вад. Кожевников сказал мне: "Если трус Твардовский боится, дайте мне, я напечатаю, только допишите про бои (листов 5–6!!), либо сократите начало"».

Кожевников стал главредом на год раньше Твардовского, и «Знамени» тоже успех срочно требовался. А в противостоянии руководства СП и Агитпропа чей-либо перевес не был заметен, так что изменить ситуа-

цию мог бы руководитель журнала, рискнувший принять ответственность.

Похоже, Гроссман – сразу или позже – передал Липкину сказанное Кожевниковым. Отсюда, надо полагать, в мемуарах и появилось рассуждение о «ретроградах», которые «скорее, чем прогрессивные, способны пойти на риск». События 1951 года Липкин вновь экстраполировал на повествование о втором романе дилогии.

Предложение же главреда «Знамени» в 1951 году вряд ли могло быть принято без согласований. И 22 мая Гроссман описал телефонный разговор с Фадеевым: «Книга больше не нуждается ни в каких более санкциях. Ее нужно печатать под мою и Твардовского ответственность. Если Твардовский откажется ее печатать, то он навсегда потеряет мое уважение».

В итоге с июля по октябрь 1952 года роман «За правое дело» был полностью опубликован. Далее – хвалебные рецензии, выдвижение на соискание Сталинской премии. А 13 января 1953 года началась самая масштабная антисемитская кампания советской эпохи – «дело врачей-убийц». Как известно, им еще и сионизм был инкриминирован. Ровно месяц спустя «Правда» напечатала статью Бубеннова «О романе Василия Гроссмана "За правое дело"». Тщательно подготовленная травля Гроссмана в качестве сиониста и клеветника тоже началась. Ее механизм описан в упоминавшейся выше нашей статье.

Главной мишенью был, конечно, не Гроссман. Досталось и всем роман лоббировавшим, включая Твардовского. Они все от Гроссмана отреклись, каясь в печати и на собраниях. Но, судя по дневнику, Фадеев, а за ним Сурков и Симонов, едва ситуация изменилась, пытались вину свою заглазить, организуя новые публикации романа²⁷.

В дневнике нет сведений, позволяющих судить, поссорились ли Гроссман и Твардовский **еще раз** – в связи с покаяниями. Да и вряд ли Гроссман, как рассказал Липкин, отправился бы «выяснить свои отношения с Твардовским по поводу того, что тот отрекся от романа "За правое дело"».

Судя по дневнику, автор и главред отношения давно уже выяснили. Только деловые оставались к 1953 году. Нет оснований сомневаться, что они были возобновлены, когда ситуация изменилась.

²⁷ См., например: Гроссман В.С. *За правое дело*. М.: Воениздат, 1954. Кн.1; *То же*. Кн.1. М.: Воениздат, 1955; *То же*. Кн.1. М.: Советский писатель, 1956.

Однако Гроссман едва ли забыл о «непоколебимости» Твардовского. И про азартность Кожевникова, надо полагать, восемь лет спустя вспомнил.

ЧИСТАЯ ПОБЕДА

Не исключено, что Гроссман выбрал Кожевникова не только из-за воспоминаний об интригах восьмилетней давности. Вполне мог и на репутацию ориентироваться. И в 1960 году, и прежде ее формировала несвойственная большинству главредов черта: акцентированное неприятие антисемитизма. Твардовский в этом плане был несколько более конформен, что и фиксировал дневник Гроссмана.

Чуковскому репутация главного редактора «Знамени» была, похоже, известна. 19 декабря 1961 года он даже сочувствовал Кожевникову – «без двух минут инфаркт» из-за гроссмановского романа. Не соответствовало бы это репутации вероломного доносчика. Ее и не было тогда.

Репутацию изменили слухи, распространявшиеся в писательской среде. Изменение Чуковский и фиксировал 21 декабря 1964 года, когда соседи по дачам обсуждали проявления антисемитизма в советской литературе: Кожевников не скрывал презрения к официально дозволенному «черносотенству», а Чуковский постольку счел это лицемерной декларацией «либеральных взглядов», поскольку уверен был: собеседник его сознательно «аресту» гроссмановской рукописи содействовал. Уверенность Чуковский акцентировал лексически – выражением «снес в ЦК».

Но там сведения Чуковский вряд ли получил. Он туда, как известно, вхож не был. Твардовский же – был. По дневнику его судя, еще и приятельствовал с Поликарповым.

Мемуаристы, рассуждавшие о причастности главного редактора «Знамени» к «аресту» романа, если и указывали источник сведений, то ссылка – либо на Твардовского непосредственно, либо опосредованно, причем свидетельства разноречивы.

Да, Закс косвенно обвинил Кожевникова. Но это документами опровергается. Липкин прямо обвинил, что опять документами опровергается. По свидетельству Бианки трудно судить, свое ли мнение Твардовский выразил или чье-нибудь воспроизвел, заявив, что Кожевников «отправился советоваться». Но о доноситечестве речь в любом случае не шла: Кожевников мог планировать издание, пусть и не без цензурных изъятий, а ситуация вышла из-под контроля.

Эти свидетельства мы вновь рассматривали не в качестве **доказательств непричастности** главреда «Знамени» к решению об «аресте». Мы демонстрировали, что **доказательств причастности** – нет.

Уместно предположить: Кожевников не лицемерил, беседуя с Чуковским 21 декабря 1964 года, а постольку не считал нужным коррелировать свои высказывания с «арестом», поскольку не имел отношения к тому, что рукопись попала в ЦК КПСС.

Пишущими ныне о Гроссмане эта гипотеза не рассматривалась. В силу, что называется, инерции: решенным вопрос считается.

На самом деле, было кому «сигнализировать» и без Кожевникова.

Теперь не установить точно, сколько из редакционных сотрудников «Знамени» читали гроссмановскую рукопись либо слышали о ней. И неизвестно, Кожевников ли «снес в ЦК» рукопись, еще кто-нибудь или она после чьего-то доноса была «затребована».

Да и Закс не зря придумал столько подробностей, доказывая, что Гроссман «почти год» ждал ответ Кожевникова. Помимо всего прочего, отводил мемуарист подозрения от коллег по редакции, где с осени 1960 года рукопись находилась примерно столько же, сколько в «Знамени», и мало ли кто с ней мог ознакомиться.

Судя по дневнику, Твардовский обдумывал, реальна ли перспектива издания, уступи Гроссман цензурным требованиям. Роману, менявшему представления о допустимом в советской литературе, уместно было бы в «Новом мире» появиться. Трудно судить, подразумевался ли традиционный способ «обхода» конкурента, заключившего уже договор: заупрямился автор при редактуре, аванс вернул, а новый в другом журнале получил. Но при любом сценарии вероятность публикации Твардовский оценивал как весьма низкую. Советовался ли позже с кем-либо из коллег – неизвестно.

Однако не так и важен вопрос о том, чьими стараниями узнали о рукописи в ЦК партии. Главное, там разработали алгоритм, позволивший хотя бы временно нейтрализовать противодействие Гроссмана.

Алгоритм мы анализировали в статье, упомянутой выше. Если вкратце, роман официально признали «антисоветским», о чем автора официально известили, он и протоколы обысков подписал, удостоверив официально же, что все рукописи «изъяты», значит, принял – в перспективе – ответственность за иностранную публикацию, когда бы это ни случилось. А после его смерти ответственными стали родственники и друзья. Так ЦК партии выбрал заложников. Не просто, но эффективно – почти на двадцать лет хватило.

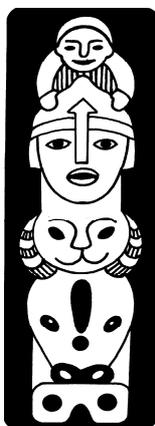
Пафосу мемуаристов результаты анализа не соответствуют. Не «укладываются» они в десятилетиями формировавшийся сюжет: история гроссмановской дилогии, поэтапно отражающая пути автора и верных его друзей к нонконформизму.

Идеально эту конструкцию Липкин достроил. Она и некую симметричность обрела, и завершенность. Наподобие традиционно изображаемой борьбы сил добра и зла. Конечная победа добра эмблематизировалась мировой славой Гроссмана.

Расстановка персонажей определялась репутациями, сложившимися к 1980-м годам. В качестве представителя сил добра Твардовский должен был способствовать изданию первого романа дилогии, а не препятствовать. Иное дело Симонов – «литературный генерал», у него и Кривицкий в подручных, Бубеннову же досталась роль главного антагониста. В 1961 году Твардовскому опять полагалось хотя бы пытаться Гроссману помочь, рассуждения о сроке «ареста» были не к месту, тут Суслов оказался персонификацией зла, соответственно, главным антагонистом, вроде Бубеннова, назначен Кожевников. Что ж, миф пропагандистский строится по образцу мифа как такового, реальность – «в другой плоскости».

Итоги подводя, можно повторить некогда сказанное В.Г.Перельмутером: миф непобедим, потому что прав. Даже пропагандистский миф бытует (если и когда) сообразно потребностям общественного сознания. Вот и опять чистая победа – здравому смыслу вопреки.

С мифами, даже пропагандистскими, мы не спорим. Мы анализируем технологии, посредством которых история литературы пропагандистскими конструкциями подменяется.

Владимир Дегоев

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА¹

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
316.423

The article revisits the image of Sheikh-Mansour one of the most enigmatic figures of the Chechen history, who by the close of the 18-th century, to quote John Baddeley, “dropped, as it were, from the clouds full grown, a warrior, preacher and prophet” to lead the resistance movement against Russia. The mere fact that Mansour gave an armed response to the advent of the Russians serves for many scholars an irresistible temptation to cast him both as a precursor of the 19-th century Caucasus War and a typological predecessor of the renowned Imam Shamil. The author of this essay argues against what seems to him a far-fetched comparison between the two mountaineers’ leaders belonging to different epochs and having different kinds of perception of their political, ideological, and military missions.

Ключевые слова: политика России на Северном Кавказе в XVIII веке; социальный строй Чечни, Шейх-Мансур; братья Г.А. и П.С.Потемкины; внутренние проблемы Кабарды; русско-турецкая война 1787–1791 гг.

Key words: Russian policy in the North Caucasus in the 18-th c.; patterns of social life in Chechnya; Sheikh Mansour; the Potemkin brothers; domestic problems in Kabarda; Russo-Turkish War of 1787–1791.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2013. №3.

**МАНСУР
ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ
БЕЗ ВЫБОРА**

Движение Мансура возникло в условиях обострившихся русско-турецких отношений. Причиной обострения явились два события 1783 года: подписание Георгиевского трактата

о российском протекторате над Картло-Кахетией и присоединение к России Крымского ханства вместе с подвластными ему территориями к востоку от Керченского пролива. Утрата Крыма лишала Стамбул исторического вассала, сателлита и плацдарма для контроля над Северным Причерноморьем от Буга до Кубани, включая, помимо Крымского, стратегически важный Таманский полуостров. А с утратой Картло-Кахетии исчезала надежда на усиление османских позиций в Закавказье и получение доступа к Каспию.

Порта твердо взяла курс на реванш, в чем ее поддерживали недруги России, тайно – Франция и почти открыто – Швеция. Однако Турция нуждалась не только и не столько во внешних союзниках, сколько во внутрикавказских. К их помощи, с разной степенью успешности, она прибегала не раз.

В 1780-х годах османские позиции по обе стороны Кавказского хребта выглядели далеко не безнадежными. Иран, после смерти Керим-хана Зенда (1779), вновь пришел в состояние междоусобиц и хаоса, что открывало перед Портой перспективу радикальной перекройки турецко-иранской границы и выхода к каспийскому побережью. В этот смутный период многие персидские ханы, во имя собственных интересов, были не прочь войти в сговор с турками. На Северном Кавказе тоже имелся достаточно емкий военно-политический и идеологический ресурс, откуда Стамбул мог черпать как практическую, так и моральную поддержку своим реваншистским планам, тем более что на их финансовую подпитку он никогда не скупился. Потенциальный состав османских пособников на Кавказе был самым разношерстным и даже экзотичным – от правоверных поклонников падишаха и всего турецкого до правителей, всегда клявшихся в преданности России. Турки умели очень тонко играть на этом.

У турок имелись все основания увидеть в Мансуре знак судьбы. Да и как иначе можно было воспринять появление в преддверии замышляемого реванша против России такого военно-политического и духовного организатора, которого северокавказские горцы не знали отродясь и которого никто не ожидал.

Естественно, события, обрадовавшие турок в той ситуации, автоматически становились для Петербурга причиной тревоги. Эту озабочен-

ность трудно было скрыть, сколько ни называй Мансура «бродягой» и «обманщиком», как повадились делать русские официальные власти. Хотя Екатерина II тоже пользовалась этим успокоительным языком, опасность соединения горских волнений с внешним вторжением на Северный Кавказ она почуяла моментально.

В письме к русскому посланнику в Порте Я.И.Булгакову (от 15 ноября 1785 года) императрица делилась своим «ощущением», подсказывавшим ей явное наличие связи между деятельностью «известного бродяги под именем пророка Мансура», с одной стороны, и османской политикой «содействия беспокойствам, в том крае (на Кавказе. – В.Д.) происходящим» вкупе с попытками турок «составить там себе партию во вред нам», – с другой². В высочайшем рескрипте Г.А.Потемкину от 30 ноября 1785 года выражалась твердая надежда на такое «учреждение дел тамошних», при котором вскоре будет достигнуто «совершенное успокоение края того» и удастся «поимкою лжепророка пресечь самый корень зла»³.

Как сама личность Мансура, так и многое из того, что он делал (или не делал), несут на себе печать непроясненности, загадочности. Конечно, такие исторические явления всегда облакаются в легендарный, таинственный ореол. Недостаток достоверной информации или ее разноречивость современники Мансура компенсировали усиленной работой воображения, сотворяя мифы – один заразительнее другого. К сожалению, этим, в данном случае не подходящим, инструментом широко пользуются нынешние историки определенного идеологического толка.

Почву для произрастания этих националистических мифов создает невозможность доподлинно и детально восстановить всю картину деятельности Мансура в период с начала ноября 1785-го до конца июля 1787 года. Очень мало заслуживающих полного доверия данных о том, чем конкретно он занимался эти 18 месяцев, какое число горцев и какой этнической, социальной и территориальной принадлежности оказалось более всего подверженным его влиянию. Насколько это влияние было сильным по сравнению с предшествующим и последующим временем? Имелись ли у него четкие военно-политические планы на будущее и если да, то связывал ли он их с Северо-Восточным Кавказом? Испытывал ли он колебания в обстоятельствах, которые складывались для него весьма угрожающим образом?

² *Сборник императорского Русского исторического общества. 1885. Т.47. С.143.*

³ *Там же. 1880. Т.27. С.358.*

Хотя однозначных ответов на эти вопросы имеющиеся документальные источники не дают, поиск ответов неоднозначных представляется не совсем безнадежным занятием для историка.

После поражения Мансур, «оставленный было всеми», бежал в аул Шали. Военных действий с его участием на Северо-Восточном Кавказе больше не зафиксировано. Это наталкивает на предположение, что имам, лишившись прежней социальной и моральной опоры, затаился и выжидал дальнейшего развития событий. «Пророк», похоже, не считал свое дело проигранным. Пока среди горцев оставались люди, готовые в любой момент оседлать коней и ринуться на Кавказскую линию в поисках поживы, имам мог рассчитывать на использование этой мотивации и этой энергии в собственных целях, которые, конечно, шли гораздо дальше столь примитивных установок.

Период политического молчания Шейх-Мансура длился недолго. С начала 1786 года он начинает подавать признаки активизации, пока лишь идеологической. Стало быть, имам вынашивал какие-то планы и надежды. Возникает едва ли не самый ключевой вопрос: где находился источник его оптимизма?

Тут весьма уместно вспомнить о некоторых историографических фактах, связанных с оценкой движения Мансура. В 1950-е годы в советской исторической литературе, явно не без влияния конъюнктурно-политических причин, появилась идея о том, что это движение было инспирировано турецким правительством. Потом, по тем же причинам, от нее отказались.

Сегодня даже упоминать об этом в среде многочисленных поклонников Шейх-Мансура считается неприличным. Данная версия в том виде, в каком ее тогда предложили, действительно выглядит вульгарно: простого желания «османского наймита Ушурмы» услужить своим покровителям, оказывается, было достаточно, чтобы поднять горцев на войну с Россией.

Означает ли это, что в этой концепции все, от начала до конца, неправда?

Обратимся к фактам.

Еще в начале 1785 года в первых проповедях Мансура звучит обещание совершить поход на северо-запад для соединения у реки Кума (а до нее от Алды, где в то время находился имам, больше 250 верст) с «большим войском из Стамбула». В начале октября того же, 1785-го, года среди черкесов Закубанья распространились сведения о том, что Мансур получил от турецкого правительства письмо с обещанием при-

слать к нему «деньги, знамя, пушки и войско»⁴. По другим данным, часть обещанного уже была доставлена в османскую провинцию Ахалцых к местному паше. Приблизительно в то же время к жителям кумыкского аула Дженгутай явились посланники от их владетеля Ахмет-хана, временно находившегося в Стамбуле. Тот извещал горцев, что «Порта даст им денег и войско, если они последуют советам пророка и восстанут против России»⁵. (Подобные известия стали распространяться в Дагестане еще в начале 1784 года.)

Порте требовались союзники, которых она традиционно искала в том числе и на Северном Кавказе. Движение Мансура возникло как нельзя кстати, и не воспользоваться им турки просто не могли себе позволить.

Впрочем, не все так складно, и вопросы остаются, поскольку османская тема звучала в проповедях Мансура слишком уж рано. Откуда мог он знать в начале 1785 года, находясь в горной чеченской глуши, что между Россией и Турцией грядет разрыв? Что означала загадочная фраза, которую Мансур, после всех поражений, обронил в разговоре со своим сподвижником Чапаловым: «У меня будет войско несравненно более прежнего ... но его никто не увидит»⁶?

Эти и многие другие безответные вопросы до сих пор стоят перед историками в том же виде, в каком их поставил перед своими современниками этот удивительный персонаж. Но, по крайней мере, одно было ясно для русских властей на Северном Кавказе уже к исходу 1785 года: они столкнулись с совершенно неординарным явлением. Никого и ничего подобного в кавказских анналах еще не встречалось. Мансур озадачивал всех и всем. Откуда он взялся на фоне относительного спокойствия⁷, наступившего в Чечне после подавления волнений 1783 года? Как удалось ему сплотить вокруг себя своенравных, неукротимых, недоверчивых горцев, еще вчера слыхом не слыхавших о каком-то Ушурме? По меткому замечанию британского историка Джона Бэдли, «Шейх-Мансур как будто явился с небес».

⁴ Дубровин Н. *История войны и владычества русских на Кавказе*. СПб., 1886. Т.2. С.91, 120.

⁵ Там же. С.230.

⁶ Там же. С.136.

⁷ *Будь это иначе, П.С.Потемкин никогда бы не позволил себе отлучиться в Петербург почти на год, оставив кавказские дела на попечение своих подчиненных с ограниченными полномочиями.*

Это было действительно явлением, и не только для тех, кого он так легко увлек за собой, но и для русских генералов, много чего повидавших на своем веку. Могло ли у простого «пастуха» найтись столько дарований, включая, если верить одним источникам и не верить другим, свободное владение арабским языком, чтобы заставить П.С.Потемкина поспешить с возвращением на Кавказ и всерьез взяться за разработку стратегии и тактики борьбы со смятением в умах, поднятым лжепророком?

Все эти вопросы повисают в воздухе, когда обращаешься к изучению поведения Мансура в конце 1785 – начале 1786 года, логично ожидая, что после тех вчистую проигранных им сражений, в которых его не убили лишь случайно и которые оставили вождя без соратников, круг страстей и интересов имама сузится до единственного, по-человечески понятного, оправданного желания уйти в тихую мирскую жизнь.

Мансур не дал современникам ни малейших шансов потешить себя такой иллюзией хотя бы ненадолго. Прошло всего две–три недели после Тартупа и несколько дней после его поселения в Шали, как имам вновь принялся за проповедь. Шалинцам он сказал, что наперед предвидел все случившиеся бедствия и радуется понесенным поражениям, ибо они суть гнев Божий за ослабление веры, взаимное несогласие и неисполнение его, Шейх-Мансура, наставлений. «Пророк» умудрился обратить свое фиаско в назидательное доказательство своей правоты. В его речах бесполезно искать даже намека на готовность взять ответственность за немалые жертвы среди горцев на себя – ее он возлагает на... самих жертв и тех, кто был нетверд в желании идти за вождем и его идеями до конца.

С исторической, так сказать, точки зрения, можно согласиться с Мансуром. «Виновато» действительно было общество, еще не созревшее до восприятия идей, опережавших его сознание. Это отнюдь не означало, что Мансур не видел собственных просчетов и не анализировал их. В шалинскую тишь он, скорее всего, для того и удалился. Там ему предстояло выбрать «стратегию возвращения». Что предпочесть: второе пришествие к горцам Северо-Восточного Кавказа или поиск новых сподвижников на новом поприще? Мансур, похоже, склонялся к последнему. Тогда зачем весь этот подъем проповеднической активности среди чеченцев и дагестанцев на рубеже 1785 и 1786 годов?

Затем, вероятно, что оставались еще какие-то обрывки надежд на возрождение движения именно там, где оно возникло и где за «пророком» пошли тысячи людей, среди которых были не только «грубые

материалисты», но и – пусть в мизерном меньшинстве – ищущие высоких истин.

Была и другая причина. Если Мансур намеревался перебраться в Черкесию, то там у него уже не получилось бы «свалиться с небес», как это было в Чечне. Поскольку черкесы достаточно много слышали о подвигах имама, он не мог явиться к ним в рубище и в единственном числе, тем самым как бы символизируя позорный крах своего дела. Чтобы обрести новых приверженцев, тем более среди закубанцев, требовалось впечатляющее подтверждение своей силы и способности восставать из пепла, то есть – войско. Ему не обязательно было быть большим, но обязательно боеспособным и преданным. Самым близким аналогом такого соединения являлась дружина или гвардия, неотлучно сопровождавшая любого кавказского правителя в качестве охраны и почетного эскорта, выступавшего неременным атрибутом власти.

Пришедшее к Мансуну понимание острой необходимости иметь при себе такой инструмент и одновременно знак силы можно считать одним из главных уроков, вынесенных из короткой, но яркой чечено-дагестанской эпопеи. Создание подобной гвардии не требовало большой социально-рекрутской базы. Все, что требовалось: лично преданные вождю «профессионалы» в военной области и его духовные единомышленники. Потенциальные источники пассионарной энергии на Северном Кавказе наличествовали всегда, хотя много их не могло быть по определению. Всеобщее разочарование горцев в Мансуре, которое фиксируют исторические документы, практически не влияло на величину этого потенциала.

Набором именно такого войска Мансур и занялся чуть ли не на следующий день после прибытия в Шали. Эта вполне земная работа оплотворялась проповедями, возобновленными для тех, кто не потерял к ним интереса. Мансур вновь обещает радужные перспективы и живым, и мертвым. Главное условие – послушание. За несоблюдение его Аллах однажды уже покарал горцев. Но у них есть еще шанс одуматься и вернуться под указующий перст того, кто знает дорогу к блаженной жизни и на земле, и на небесах.

Мансур вновь заговорил о священной войне. Не в узком кругу приютивших его шалинцев, а в прокламациях, распространяемых не только в Чечне и Дагестане, но и в Черкесии. Он проклинал русских и их приспешников, звал на борьбу, сулил вечное блаженство каждому мусульманину, павшему за веру или убившему гяура.

Имам уже не был похож на того смиренного ходатая, который еще несколько недель назад просил у жителей Шали разрешения поселиться среди них на том основании, что его близкий родственник принадлежит к местной общине. Заготавливая мешки для провианта и огромные походные котлы, имам давал понять о своих далеко идущих намерениях. Спустя несколько месяцев после бегства в Шали он в письмах к чеченцам и дагестанцам уже не просил, а требовал, чтобы к нему были присланы «от каждой мечети (то есть от каждой общины-прихода. – В.Д.) по три человека»⁸.

Вся эта деятельность умножала число его сторонников, но достичь прежнего уровня влияния среди горцев он уже не мог. Судя по всему, в течение 1786-го и первой половины 1787 года вокруг Мансура образовалось какое-то ядро вооруженных последователей. Однако их было явно недостаточно для вылазок, способных доставить русским более или менее серьезные проблемы. Военная пассивность имама в данный период – тому подтверждение.

Мансур, похоже, находился на распутье. Перед ним по-прежнему стояла дилемма – еще раз попытать счастья на Северо-Восточном Кавказе или искать его в Черкесии. В свете его последующей деятельности такое предположение не выглядит безосновательным, хотя доподлинно знать, что происходило в голове у имама, нам не дано. Возможно, и сам он не смог бы четко изложить свои военно-политические планы в рациональных категориях. Если у него и были такие планы, то строил он их, руководствуясь не столько рассудочной, изначально намеченной и неизменной целью, сколько интуитивным приспособлением к меняющимся обстоятельствам.

Применительно к первой половине 1786 года можно констатировать, что сочувствовавшие слову и делу Мансура находились среди жителей лишь трех аулов – Шали (чеченцы), Аксай и Эндирей (в основном кумыки). Но и тут следует помнить: сочувствовать – это одно, а быть готовым влиться в его военные отряды, чтобы рисковать жизнью, – совсем другое. Последних было гораздо меньше. Потом и их число стало сокращаться. В августе–сентябре 1786 года эндирейские и аксаевские старшины в письмах к П.С.Потемкину раскаивались «во всех своих заблуждениях» и, прежде всего, «в прилепленности своей к имаму» в нарушение ранее данной России присяги на верность⁹.

⁸ Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.230–231.

⁹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / Под ред. В.Г.Гаджиева. М., 1988. С.196, 200–201, 207.

**МАСТЕР МАНЕВРА
В ПРОИГРЫШНОЙ
ПОЗИЦИИ**

П.С.Потемкина нисколько не успокоило и не обмануло затишье, наступившее после татартупского поражения и бегства Мансура в Шали. Наместник вообще не был склонен к

благодущию. Он, как и имам, искал правильные ходы в условиях, когда велико искушение принять желаемое за действительное и, как следствие, большой риск крупно ошибиться.

С получением первых сведений (не позже середины ноября 1785 года) о том, что имам укрылся в Шали, как бы само собой напрашивалось решение отправить туда войска, чтобы окончательно закрепить результаты победы под Татартупом и снять «проблему Шейх-Мансура». Но П.С.Потемкин этого не делает. Почему? Потому что он понимает: самое простое решение может быть не самым верным. Новая экспедиция – это новые жертвы без гарантии уничтожения или ареста Мансура, которому ничего не стоило исчезнуть в горах, где искать его все равно, что иголку в стоге сена. Между тем наместник считал куда более важным обезглавить движение, чем карать его участников, особенно тех, кто примкнул к нему отнюдь не по идейным соображениям.

Была ли такая стратегия правильной в тот момент и в тех условиях и была ли она правильной в свете опыта, приобретенного русскими генералами много позже, в ходе Кавказской войны XIX века, оставим для профессиональных дискуссий историков. Фактом остается то, что П.С.Потемкин не собирался мстить горцам ни за их осознанные действия, ни за их «заблуждения». Возможно, наместник полагал, что основные военные задачи решены под Татартупом и на очереди теперь стояли политические. Судить о точности и дальновидности его расчетов так же сложно, как и о наличии в них программного, доктринального компонента, с одной стороны, и ситуативного, импровизационного, – с другой.

Мы можем обратиться лишь к тому немногому, что известно о событиях, происшедших с начала ноября 1785 года до начала июля 1787 года, когда Мансур навсегда покидает Чечню, чтобы дать своему делу новую жизнь уже в Черкесии.

Факты, относящиеся к данному периоду, скудны и противоречивы. Даже у одного из самых глубоких и добросовестных исследователей, Н.Ф.Дубровина, концы с концами зачастую не сходятся. «Народ, – писал он, – стекался к Мансуру, и повсеместное брожение было настолько сильно, что П.С.Потемкин не находил возможным восстановить спо-

койствие на линии до тех пор, пока будет существовать Мансур»¹⁰. Однако остается неясным, в чем конкретно проявились *повсеместное брожение* и *священный* характер объявленной имамом войны, если в источниках нет никаких сведений об имевших в то время место русско-горских столкновениях, сравнимых хотя бы с теми, что случались до этого?

Это косвенно свидетельствует о том, что по документам, находившимся в распоряжении Н.Ф.Дубровина (а количество их с тех пор практически не увеличилось), крайне сложно составить представление о реальном содержании нового этапа движения. Конечно, нельзя сказать, что этого этапа в Чечне и Северном Дагестане не было, но он разительно отличался от предыдущего и по интенсивности, и по исторической значимости, что во многом подтверждается исключительно важными событиями, происшедшими в 1786 году и явно недооцененными историками.

С начала апреля Мансур объезжает чеченские общества (Шали, Эндирей, Аксай, Качкалык, Алды и другие), созывая народные собрания с участием духовенства, с новой силой критикуя греховную и беспорядочную жизнь людей. Главной причиной имам объявляет отсутствие единоначалия, требуя, чтобы весь народ только ему «имел повиновение». В числе прочих аргументов подтвердить серьезность намерений Мансура были призваны находившиеся рядом с ним пять сотен вооруженных чеченцев, выборных представителей от разных аулов. Они не только символизировали моральную поддержку планов имама, но и представляли собой внушительную военно-полицейскую силу, сам вид которой подразумевал готовность и к физическому воздействию.

Чтобы придать своим притязаниям на власть «законный» характер, имам призвал на помощь лояльное духовенство, ожидавшее для себя определенных отступных от «узурпатора» за благословение его на «царство».

Провозглашенный в качестве вождя, Мансур тотчас взялся за укрепление власти и организацию нового управления обществом и войском. Он хотел претворить в жизнь то, что раньше звучало только в проповедях. Его первые распоряжения указывали на общее направление тех мероприятий, которые с большой долей условности можно назвать реформами. Имам запретил воровство между чеченцами, пригрозив ос-

¹⁰ Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.231–232.

лушникам смертной казнь. Он приказал создать нечто вроде общественного фонда для помощи неимущим. Был установлен налог на мечетские доходы и пожертвования, чтобы употребить эти средства для набора войска «в случае надобности».

В перспективе Мансур планировал разделить свое ополчение на десятки, поставив во главе каждого *тамаду* (начальника), который будет также распоряжаться «интендантским» хозяйством данного подразделения. (До этого каждый горец заботился о себе сам.)

Пожалуй, самым поразительным в «реформаторской программе» Мансура было предписание, в которое, учитывая предыдущую деятельность имама, верилось с трудом. Он настрого запретил совершать набеги на русские территории: «если кто к Российской стороне поедет для учинения зла, таковых не пропускать и за то грабить у них дома и брать штраф». Имам также пригрозил нещадным наказанием за попытки ограбления «проезжих торговых караванов грузин, татар и армян» и взял с чеченцев соответствующую присягу.

Мансур намеревался учредить караульную службу для дежурства на чеченских дорогах, чтобы «проезжающих из четырех сторон негодных людей до зла не допускать», особенно в отношении «Российской стороны». Он обещал горцам «сделать спокойствие»¹¹.

На самом деле это обещание, как и все административно-полицейские меры имама, были адресованы не только и не столько горцам, сколько России. Он тем самым заявлял о себе как о вожде, готовом навести среди чеченцев порядок и контролировать ситуацию лучше, чем кто-либо, прежде всего находящиеся на содержании у России местные владельцы. Вместо них Мансур предлагал себя в качестве надежного, эффективного и договороспособного партнера.

Посланный им сигнал русским расшифровывался приблизительно так: «Не распляйтесь и не тратьтесь на своих старых и бесполезных политических клиентов, делайте ставку на меня, и я освобожу вас от многих проблем». Но, разумеется, при условии официального признания его, имамской, власти, по крайней мере, над чеченцами. Это было деловое политическое предложение, свидетельствовавшее о тонком игровом мышлении Мансура. Он извлек уроки из событий 1785 года, поняв, что воевать с Россией нерационально и бесперспективно – с ней лучше партнерствовать, превратив ее из грозного врага в полезного,

¹¹ Юдин П. *Лжепророк Уиурма-Ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе)* // *Русский архив*. 1914. №10. С.224–225.

незаменимого помощника в решении принципиального вопроса о создании и легитимации института единоличной власти.

Однако провозгласить новый курс было легче, чем реализовать. Мансуру мешали влиятельные силы и мощная инерция традиционных союзнических отношений между Россией и старой политической элитой Северо-Восточного Кавказа. В ее лице имам имел серьезного соперника в борьбе по двум направлениям – за влияние на горцев, с одной стороны, и за благосклонность русского военного начальства, – с другой. Как вождь, облеченный полномочиями и доверием народа, имам требует от чеченских старшин прекратить утеснения и поборы, вернуть несправедливо взятые штрафы, иначе виновники будут строго наказаны. Они также подвергнутся суровой каре за попытки воспрепятствовать желанию своих «подданных» вступить в ополчение Мансура.

Как видно, готовность к примирению с русскими имам демонстрирует одновременно с гордой позой влиятельного и независимого правителя. Он открыто угрожает чеченским владетелям, совершенно не смущаясь тем, что они находятся под покровительством России. Имам явно избегает произвести на русских впечатление капитулянта, поступившего своими идеями во имя тех материальных и престижных преимуществ, которыми пользовались горские союзники России.

Разведать русскую реакцию на свои увертюры Мансур хочет окольным путем, чтобы в случае неудачи не уронить имамского достоинства. Этот осторожный зондаж он проводит с помощью своих эмиссаров, сочетая его с энергичной организационной и пропагандистской деятельностью по сбору войска, которая являлась способом давления и на Россию, и на ее чеченских союзников. Иمامу не нужно было долго объяснять, что о мире говорят только с теми, у кого есть сила, и именно такой силой намеревался он обзавестись для серьезного разговора с русскими.

Запаниковавшие чеченские владетели обратились за срочной помощью к П.С.Потемкину: гораздо больше, чем самого Мансура, они опасались его компромисса с Россией. П.С.Потемкин попал в деликатное положение. Решительно поддержать старых союзников, просивших войско против Мансура, значило загнать имама в угол, не оставив ему никакого выбора, кроме возобновления борьбы. Пойдя же с ним на переговоры, Павел Сергеевич рисковал оттолкнуть от себя более или менее проверенную в ее лояльности политическую клиентуру. И главное: на какой концептуальной основе вести эти переговоры и как их организовать технически, учитывая крайнюю недоверчивость имама, вероятно,

полагавшего, что, появившись он в расположении наместника, за его жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша. К лицу ли представителю великой державы принимать от «бунтовщика» какие-либо предварительные условия?

Пока П.С.Потемкин занимался подготовкой открытия Кавказского наместничества, инициативную роль в заочном общении с Мансуром взял на себя кизлярский комендант Вишняков – человек, среди характерных качеств которого дипломатическая утонченность была явно не на первом месте. В сентябре 1786 г. Вишняков велел передать имаму, что у того есть единственный выход – самому явиться к П.С.Потемкину и «во всем раскаяться», чтобы получить полное прощение, иначе ему будет худо. Судя по всему, кизлярский комендант не задумывался над тем, что Мансур лелеет надежду еще на какую-то перспективу, помимо «полного прощения». Он, видимо, даже это считал чрезмерным милосердием для дерзкого «мятежника», достойного другой участи.

П.С.Потемкин не был столь прямолинеен, понимая всю сложность дилеммы между уничтожением Мансура, пока так и не удавшись, и решением вопроса о том, что делать с живым имамом. Во всяком случае, свою склонность к политическим методам П.С.Потемкин демонстрирует с особым акцентом. Получив сведения о промансуровских настроениях жителей Аксая и Эндирея, он не спешит стягивать туда войска, а обращается к владельцам и знати этих аулов (по крайней мере, внешне лояльным к России) с требованием запретить своим подвластным присоединяться к «пророку». В ответ они признались в том, что бессильны помешать этому.

П.С.Потемкин напоминал горцам, что прошлой осенью, разбив Мансура, он остановил военные действия лишь для того, чтобы они оценили милосердие Екатерины II. Но если этого не произошло, то их ждет жестокое наказание без снисхождения для тех, кто запоздает с раскаянием. Апеллируя к способности горцев понять такую им непонятную и не вполне «политическую» категорию, как великодушие, П.С.Потемкин, скорее всего, исходил из моральных и ментальных норм, присущих другой культуре, пока еще чуждой для тех, к кому он обращался. Великодушие не входило в систему горских добродетелей и воспринималось как признак слабости, в чем не было ни малейшей вины народов Северного Кавказа. Жить и выживать им помогала совсем иная номенклатура ценностей, в которой не оставалось места для того, что в представлении людей являлось нерациональным поведением в жесткой среде обитания.

На протяжении, как минимум, года после обращения наместника к горцам Северо-Восточного Кавказа не произошло ничего заслуживающего серьезного внимания ни с военно-стратегической, ни даже с военно-оперативной точки зрения. Но зато имели место очень любопытные политические метаморфозы.

В начале августа 1786 года один из наиболее деятельных пособников Мансура кабардинский князь Дол прислал к полковнику Нагелю своего посла с просьбой о прощении и с обещанием покориться. Затем он сам явился в расположение русских войск, где ему было официально объявлено о помиловании, признании всех его владельческих прав и разрешении вернуться в Малую Кабарду на прежнее место жительства.

Обнадеженные этим примером, другие представители кабардинской знати также изъявили покорность России (конец сентября 1786 года) и письменно обещали, в случае появления в их краях Мансура, выдать его русскому начальству. Жители Аксая и Эндирея (август 1786 года) также выразили свое раскаяние, принесли присяги на верность России, выдав аманатов и поклявшись больше не присоединяться к Мансуру.

Эти настроения окончательно склонили Мансура к идее о возрождении движения на новом социально-геополитическом театре – в Черкесии. К такому выбору имама подтолкнули вполне убедительные резоны. На Северо-Восточном Кавказе для него наступил «конец истории»: горцы покинули полководца, терпящего поражения, а источников, способных вдохновить их на новые подвиги, не было. Люди требовали от Мансура новых подтверждений святости и чудотворческого дара, которых он давно не предъявлял, и это порождало разочарование, апатию, ропот. В конечном счете – десакрализацию образа вождя.

В Черкесии же для имама открывалась возможность начать все с чистого листа, да еще при таких ободряющих обстоятельствах. Они заключались в том, что Северо-Западный Кавказ южнее Кубани считался территорией, подконтрольной Османской империи. Тут можно было чувствовать себя в относительной безопасности, так как русские, избегавшие дипломатических осложнений с Портой, старались не пересекать границу даже для наказания разбойничьих партий, возвращавшихся из набега.

Турецкие побережные форпосты Анапа и Суджук-кале, где располагались высокопоставленные турецкие военачальники (как правило, трехбунчужные генералы), обещали стать для Мансура мощным ресурсом в обретении влияния на черкесов, чего он был совершенно лишен в Чечне и Дагестане. И вообще Черкесия, особенно приморская, ввиду

географического положения и исторических связей с Турцией, представляла гораздо больший простор для, так сказать, международно-политической деятельности. Мансуру, в определенном смысле, стало тесно и скучно в ичкерийских ущельях. Он чувствовал, что предназначен для масштабного поприща, и искал его там, где предстояли бурные события, подпадавшие под понятие «большая политика».

Еще одним и весьма важным побудительным обстоятельством явился визит к Мансуру тайного османского эмиссара, посланного Портой для сбора подробной информации о «пророке». Это был опытный исламский богослов, гостивший у имама в Чечне почти месяц (конец июля – двадцатые числа августа 1786 г.) и интересовавшийся планами своего гостеприимного хозяина. Тот факт, что Турция прислала к нему специального посланника со столь длительной миссией, и льстил Мансуру, и вдохновлял его. Быстро войдя в роль, он даже выразил удивление отсутствием у исламского ученого официального письма от Порты.

Однако, судя по всему, решение покинуть Чечню созрело у Мансура не моментально и далось не без колебаний. В ответ на вопрос турецкого улема о его планах имам признался, что определенности в них пока нет, поскольку необузданные горцы действуют против русских по своему разумению и «против его желания». Для поддержания дисциплины в его войске Мансур просил султана прислать в Чечню денег и начальника «с достаточным авторитетом», что являлось не чем иным, как откровенной констатацией «недостаточности» собственного авторитета.

Готовность вождя горцев к добровольному отказу от своего высокого статуса привела улема к выводу о неспособности имама контролировать ход событий. Впрочем, эта весьма неожиданная просьба к падишаху говорит еще и о прагматичном складе мышления Мансура, пытавшегося обернуть ситуацию в свою пользу любыми средствами, даже ценой жертвенного отречения от своих политических амбиций. Сложившееся у османского эмиссара мнение о Мансуре, похоже, стало для Порты на тот момент решающим в ее политике поиска союзников на Кавказе, точнее в процессе выяснения, кто будет эффективен в таком качестве. Исторические факты дают представление о результатах этого анализа.

В январе 1787 года султан отправил на Восточный Кавказ своего саванника (капиджи-башу) с огромной суммой денег (эквивалентной 80 тысячам золотых рублей) и дорогими подарками (парчовые халаты, собольи шубы, богато украшенные сабли). Это предназначалось для

подкупа влиятельных правителей, которые, по предположению Стамбула, были потенциально готовы присоединиться к туркам в войне против России. В список получателей входили ханы Аварский и Карабахский, шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский. Но там не было Мансура.

Конец 1786 – начало 1787 года имам провел в раздумьях и сомнениях, пытаясь оценить реальные шансы поднять горцев вновь. Он искал доводы для убеждения и стимулы для возбуждения масс. При этом в его, так сказать, военно-стратегических планах все более заметным становится западное черкесское направление. Весной 1787 года Мансур известил своих приверженцев о намерении произвести в одну из пятниц захват Владикавказа.

Кизляр, свидетель и символ поражений Мансура, напрочь исчез из его планов. Богатства города, оказавшегося крепким орешком, уже никого не соблазняли, ибо, как выяснилось на горьком для горцев опыте, были хорошо защищены. Требовались другие, более уязвимые цели, к числу которых имам, видимо, отнес крепость Владикавказ, совсем недавно (в 1784 году) заложенную неподалеку (один день конного пути) от Татартупа – места последнего, сокрушительного поражения Мансура.

Это было похоже на поиски реванша. Владикавказ находился в западном направлении, что указывало на намерение «пророка» покинуть Северо-Восточный Кавказ и заявить о себе в других краях. Мансур заверял горцев в содействии Турции, аварского хана и уцмий Кайтагского, то есть тех сил, на которые, по крайней мере в ближайшей перспективе, нельзя было рассчитывать. Для успешной мобилизации масс в принципе не требовалось соответствия этих заверений реальности, при одном условии – если они звучат впервые. Но в том-то и дело, что имам, давая и не исполняя свои обещания, исчерпал лимит доверчивости и впечатлительности общества.

Ответ, полученный Мансуром, подтверждал тот факт, что среди горцев, при всей специфичности их патриархально-родового сознания, были люди, вполне способные оперировать четкими прагматическими категориями, свободными от иллюзий.

В частности, довод имама об османской помощи был прокомментирован так: «Турецким войскам заходить сюда (в Чечню и Дагестан. – *В.Д.*) далеко и весьма затруднительно, и этого никогда не бывало. Гораздо легче бы было вернуть им отнятый (Россией. – *В.Д.*) Крым или прийти на Кубань, но и туда они не идут. Как нам противиться русским? Долго ли, коротко ли, они загонят нас в горы, где помрем мы с голода,

лучше успокоиться и просить пощады». Чеченцы выражали свои скептические настроения еще прямее: «Напрасно мы надеялись на него (Мансура. – В.Д.) и сделались русскими противниками»¹².

При таких обстоятельствах помышлять о захвате Владикавказа было утопией. Мансур мог лишь мечтать о тех цифрах (10–12 тысяч), которыми исчислялось его войско во время нападения на Кизляр. Принципиально даже не то, что за всю первую половину 1787 года ему не удалось собрать больше тысячи человек. Разительно изменился социальный состав его последователей. Изменилось в каком-то смысле самое главное – качество человеческого материала, находившегося в распоряжении имама. Впрочем, кто кем распоряжался – еще большой вопрос.

Вокруг Мансура собрались «все люди бездомные или абреки». Допустить, хотя бы теоретически, чтобы в жизненных устремлениях этой чрезвычайно специфической публики осталось место для проповедуемых имамом высоких реформаторских идей, трудно. Но зато вполне достоверным представляется предположение о том, что в подобной отнюдь не уникальной исторической ситуации вождь неминуемо превращается в заложника интересов тех, кого ему хотелось бы считать ведомыми. Перед Мансуром встала проблема невероятной сложности – куда канализировать огромную разрушительную энергию вооруженных людей без роду и племени, сконцентрированных в одном месте. Подчинить эту маргинальную массу целям, совершенно ей чуждым, имам был не в состоянии, как и не мог он долго держать ее в бездействии. Единственное, что ему удалось, – отвести разбойничью стихию от чеченских сел в сторону карабулаков-орстхойцев.

В мае 1787 года произошло столкновение с карабулакским войском, в ходе которого, судя по всему, Мансур потерпел поражение или, как минимум, получил решительный отпор. После очередной неудачи Мансур окончательно утратил поддержку даже среди той абреческой массы, предводительством над которой он едва ли гордился.

Этим бесславным событием завершается чечено-дагестанский период в жизни и деятельности нашего героя. Имам еще раз убедился, что на Северо-Восточном Кавказе у него не осталось никаких перспектив, за исключением одной – превратиться в заурядного предводителя разбойников с реальными шансами стать в один прекрасный день жертвой своего нежелания покоряться их корпоративным законам и воле. Для

¹² Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.233.

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

такой личности, как Мансур, это было бы слишком примитивным завершением жизненного сценария. Его беспокойная творческая натура нуждалась в выходе из горных теснин на более широкие политические просторы.

Многие историки не видят причин сопротивляться соблазну отождествить короткую чечено-дагестанскую одиссею Мансура с прологом Кавказской войны. В событиях начала 1785 – середины 1787 года они ищут зачатки будущего мюридистского движения, а в Ушурме – идеологического предшественника имама Шамиля.

Имеют ли подобные аналогии право на существование? Разумеется, имеют. Но в той степени, в какой вообще допустимы исторические параллели. В принципе сравнивать можно что угодно с чем угодно, при одном необходимом условии – наличии, помимо жгучего желания найти сходство между историческими явлениями, еще и готовности честно принять отрицательный результат сравнительного анализа.

Те скудные по количеству и содержанию источники, которыми сегодня располагают историки, не столько развеивают, сколько сгущают тайну Мансура. До сих пор нет убедительных опровержений версий о его внекавказском происхождении. Между тем данный вопрос является далеко не праздным. Если Мансур – итальянский авантюрист, это одно, бухарский проповедник – другое, османский эмиссар – третье, чеченский пастух – четвертое. Каждая из ипостасей предполагает соответствующее ее отражение в личностном поведении, мотивах тех или иных решений, уровне политического мышления, кругозора и, так сказать, проектирования.

Полная внезапность появления этого «человека без прошлого» в одном из захолустных аулов Северо-Восточного Кавказа, его молниеносная карьера «пророка» и военного предводителя, владение знаниями (в том числе в области международных дел), совершенно неожиданными для пастуха и абсолютно излишними для этого рода занятий, только подливают масла в огонь споров о Мансуре. Почему до него не нашлось в тех местах человека, умеющего гипнотизировать людей «обаянием сладких речей», по выражению одного русского автора XIX века? Эти доселе остающиеся полумистическими обстоятельства не позволяют ни безоговорочно принять, ни однозначно отвергнуть любую из существующих гипотез.

По сей день остается во многом актуальной оценка, высказанная английским историком Дж.Бэдли в начале XX века. По крайней мере после ознакомления с имеющимися источниками есть смысл основательно над ней задуматься. Мансур «был одним из тех загадочных персонажей, сочетавших в себе религиозный фанатизм, ратную доблесть и склонность к аванюре, для которых лишь мечтательный, воюющий, бурлящий, непросвещенный Восток мог, во дни смуты и брожения, стать привлекательным поприщем деятельности. ...Мраком неизвестности покрыты не только его происхождение, этническая принадлежность, воспитание. Мы не знаем даже его подлинного имени. Шейх-Мансур как будто явился с небес совершенно оформившимся воином, проповедником, пророком»¹³.

С абсолютной уверенностью позволительно, вслед за многими исследователями, констатировать одно: то, что с большой долей условности можно назвать военно-политическими планами Мансура, провалилось сначала на Северо-Восточном Кавказе, а затем на Северо-Западном. Его полководческая «карьеря» в Чечне и Дагестане насчитывает всего несколько сражений. Лишь в одном из них победа досталась Мансуру. И лишь в одном из них численность его войска достигала 10–12 тысяч человек, что, впрочем, не спасло от разгрома. Если прибавить, что военные действия длились (с большими перерывами) в течение 16 месяцев – с начала июля 1785 до начала ноября 1786 года, – то сравнения с Кавказской войной выглядят явно натянутыми.

Возникают проблемы и при попытке идентифицировать движение Шейх-Мансура как мюридистское. Наличие лозунгов газавата, само по себе, такого сходства не доказывает. Появлению Шамиля как духовного и военно-политического лидера предшествовали два–три десятка лет латентно-инкубационного периода, в рамках которого происходило вызревание идеи и организационных форм ее воплощения в жизнь, зарождались условия для деятельности первых двух имамов Дагестана – Кази-муллы и Гамзат-бека.

В этом смысле Мансур возник, образно выражаясь, «из пустоты», как бы неисторично это ни звучало. Невозможно проследить ни доктринально-идеологические, ни социально-культурные предпосылки пропо-

¹³ *Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. L., 1908. P.47. – Эти обстоятельства Д.Бэдли, судя по всему, считает достаточным основанием, чтобы оставить за собой право не исключать элементы достоверности в любой из легенд, связанных с Шейх-Мансуром (Ibid. P.48–49).*

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

ведущего им учения. Так же неясно, что было в нем «мюридистского», кроме не вполне убедительных (и, в конце концов, безрезультатных) попыток создать образ врага. Об отсутствии даже намёток идеи строительства имамата и говорить не стоит.

В патриархально-размеренную жизнь Северо-Восточного Кавказа Мансур ворвался как метеор и так же внезапно исчез из нее. В качестве аналога и пролога Кавказской войны этот феномен выглядит типологически неубедительно, поскольку отличий в нем гораздо больше, чем сходства. Почти полвека, отделяющие Мансура от Шамиля, представляются слишком большим историческим перерывом, чтобы иллюстрировать на примере их деяний линейно-поступательный ход кавказской истории.

(Окончание следует)

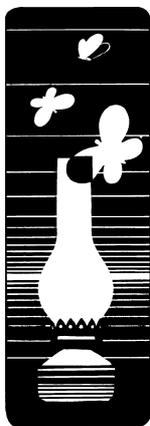
Я совсем не оптимистически, довольно пессимистически смотрю на то, что образуется в России после того, как не будет уже коммунистов и их власти. У нас останется страшная деморализация и понизится уровень истинной духовной культуры. Будет потребность в довольно невысокой технической цивилизации. Будет задавать тон бесстыжая и наглая буржуазия, нажившаяся на революции. Это и показывает, что дело не в политической форме и не в большевизме в узком смысле слова. Но, в конце концов, сохранится и высокая культура духа, будет реальное возрождение и там будет настоящая Россия. Меня интересует культурная работа, духовное общение с Европой, но я хотел бы быть свободным от всех политических воздействий. Жизнь для мира – наша судьба.

Н.А. Бердяев

**Наука – самое важное,
самое прекрасное и нужное
в жизни человека, она всегда
была и будет высшим
проявлением любви, только
ею одною человек победит
природу и себя.**

А.П. Чехов

Михаил Ковалев

**«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ
МЫ РАСТЕМ
И В СВОИХ, И В
ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»**

**ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ (1921–1930)¹**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94

The article covers the phenomenon of scientific congresses organized by Russian émigré scientists during the 1921–1930 years. These congresses combined Russian academic community abroad, coordinated scholars's activities, regulated system of education and scientific manpower training. In total, five congresses were organized. Prague, Belgrade and Sofia were places where these congresses took place. A.A.Kizewetter, A.S.Lomshakov, N.O.Losky, M.M.Novikov, P.B.Struve and others were members of congresses. Congresses have played a huge role in the development of scientific communication between emigrants.

Ключевые слова: Зарубежная Россия; научные Съезды; русские академические группы; история науки; Прага; Белград; София.

Key words: Russia Abroad, scientific congresses, Russian academic groups, the history of science, Prague, Belgrade, Sofia.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01251a2.

Российская научная эмиграция 1920 – 1930-х годов представляет собой безграничный объект для изучения. Несмотря на значительный интерес исследователей, мы легко увидим в ее истории немало белых пятен и слабоизученных тем. К их числу вполне можно отнести вопрос о научных коммуникациях в эмигрантской среде и о роли научных Съездов в этом процессе. Революция, гражданская война и изгнание лишили многих русских ученых возможности вести плодотворную научную работу, оторвали их от библиотек, лабораторий, архивов, коллекций, от привычной профессиональной среды (университетской кафедры, коллег и студентов), лишили возможности печатать свои труды. Изгнание изменило социальный статус ученого и его профессиональное положение. Русский исследователь за границей оказался в роли хранителя коллективной памяти, традиционной научной этики и культуры, остро ощущавшего свое призвание и особую миссию. При этом его материальное положение резко ухудшилось. Вынужденная эмиграция и жизнь на чужбине требовала от русских созидательной совместной работы по сохранению и приумножению исследовательских традиций.

Первичной формой организации научной деятельности эмигрантов стало создание в разных странах мира русских академических групп, которым предстояло решить проблемы образования русской молодежи за рубежом и способствовать исследовательской работе². Первые группы были созданы в Великобритании, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а впоследствии возникли в Германии, США, Швеции, Бельгии и других странах. Возникновение таких обществ было связано с дореволюционной традицией организации и самоорганизации науки и интеллектуальной жизни вообще. Координация работы этих объединений требовала активной коммуникативной деятельности, выражавшейся, в частности, в проведении общеэмигрантских научных Съездов.

² О деятельности отдельных русских академических групп за рубежом см.: Ульянов Т.И. Русские ученые-эмигранты в Великобритании (1917–1940-е гг.) // Институт истории естествознания и техники РАН. Годичная научная конференция 1998. М., 1999. С.242–247; Её же. Русская академическая группа в США // Русская культура XX века на Родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. Вып.1. С.47–54; Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005. С.59–74; Ефременко В.В. Русская академическая группа во Франции: процесс формирования и основные направления деятельности // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия «История и политические науки». 2006. №2. С.121–125; и др.

**У ИСТОКОВ
ЭМИГРАНТСКИХ
АКАДЕМИЧЕСКИХ
СЪЕЗДОВ**

В начале 1921 г. представители академических групп в Великобритании, Франции и Германии по итогам личных встреч и консультаций приняли решение созвать делегатов от аналогичных эмигрантских организаций и образовать Комиссию для обсуждения проблем русской научной жизни за рубежом. К числу наиболее значимых вопросов было отнесено согласование основных положений уставов всех групп, координация усилий по материальной поддержке русских ученых и поиску работы для них, представительство эмигрантской науки в международных академических организациях, публикация трудов русских ученых и налаживание издательского дела³. Вскоре стало понятно, что для практического решения поставленных задач требуется созыв Съезда с широким представительством существовавших академических групп, которые в тот момент возникали в разных частях света.

В начале июня 1921 года на совещании в Париже представители Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, парижской и лондонской академических групп выработали предложения по проведению Съезда в августе–сентябре текущего года. Был образован специальный комитет в составе следующих профессоров: экономиста А.Н.Анцыферова, юриста Ю.В.Ключникова и антрополога Н.М.Могилянского. Они обязывались регулярно отчитываться о своей работе перед Бюро или Общим собранием Русской академической группы в Париже, взявшей на себя все главные организационные функции. Большую трудность представлял поиск финансов. От идеи создания специального фонда пришлось отказаться ввиду тяжелого материального положения эмиграции и невозможности широких пожертвований с ее стороны. Поэтому было решено искать спонсорскую поддержку на стороне, а в случае отсутствия оной предполагалось покрыть минимальные издержки за счет аванса из средств парижской академической группы. Товарищ председателя этой группы профессор Жюль Патуйе, бывший директор Французского института в Санкт-Петербурге, сумел получить от Министерства иностранных дел республики 2 000 франков на проведение

³ Съезды русских академических организаций за границей. 1-й Съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й Съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага, 1923. С.4.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

научного Съезда⁴. Организационная активность русских парижан наглядно свидетельствовала об их лидирующем на тот момент положении в интеллектуальной среде Зарубежной России, о притязаниях Парижа как неформальной эмигрантской столицы. Но уже тогда начала вырисовываться перспектива постепенного смещения центра русской научной жизни за границу в другое место⁵. Это стало очевидно при выборе места проведения будущего Съезда.

Париж изначально был отвергнут ввиду дороговизны проезда и проживания, тем более, что транспортные расходы делегатов предполагалось возложить на русские академические организации, и без того небогатые. Отпали кандидатуры Висбадена и Вены. Вместе с тем было высказано мнение о разумности проведения Съезда в одной из славянских стран. В итоге выбор между Белградом, Загребом и Прагой решился в пользу последней. Вероятно, помог и случай. В июне 1921 года в Париж с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Чехословакии доктор Эдвард Бенеш, и организационный комитет Съезда обратился к нему за поддержкой. Во время аудиенции политик заверил русских в своем расположении и подчеркнул, что «он не только в качестве лица, облеченного властью, но и как лицо, принадлежащее к академической среде, приветствует идею Съезда и считает его осуществление важным элементом для духовного сближения обоих славянских народов и их культур»⁶.

Э.Бенеш

⁴ Там же. С.6.

⁵ О споре эмигрантских «столицы» и «провинции» и о месте Праги и Парижа на ментальной карте Зарубежной России см.: Ковалев М.В. Столица или провинция: образы Праги в сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // *Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd*. Č.25. Brno, 2011. S.70–83; Его же. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С.59–74.

⁶ Съезды русских академических организаций за границей. С.6.

Отметим, что в это самое время чехословацкое правительство начало знаменитую «Русскую акцию», в числе разработчиков которой был и Э.Бенеш⁷. Согласно ей, Чехословакия брала под опеку эмигрантских детей, женщин и инвалидов, а также земледельцев, студентов и ученых⁸. Основная поддержка по линии программы оказывалась не политическим, а научным и культурным деятелям. Такой подход предопределил превращение Праги в «русский Оксфорд». Чехословацкий президент Томаш Масарик⁹ искренне верил, что сохранение интеллектуального потенциала эмиграции сможет в будущем помочь подлинному приобщению России к европейским ценностям. По его мнению, в задачу властей республики входило «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» русской эмиграции¹⁰. Т.Масарик критически относился к современной России, но высоко ценил ее культурный потенциал. В России он был склонен видеть «гаранта независимого существования Чехословакии»¹¹. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что идея проведения в Праге общеэмигрантского научного Съезда полностью вписывалась в политическую стратегию чехословацкого правительства и саму масариковскую идеологию¹².

⁷ О «Русской акции» см. подробнее: Бубеникова М. Проект помощи Чехословацкой республике эмигрантам из Советской России – «Русская акция» // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3)*. Praha, 1995. S.14–19; *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие* / Сост. Л.Бабка, И.Золотарев. Прага, 2012; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге... С.37–59; Sládek Z. *Ruská emigrace v Československu // Slovanský přehled*. 1993. №1. S.1–13; *Idem. O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945...* S.20–25; *Idem. České prostředí a ruská emigrace // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha, 1999. S.7–46; и др.

⁸ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // *Советское славяноведение*. 1991. №6. С.25.

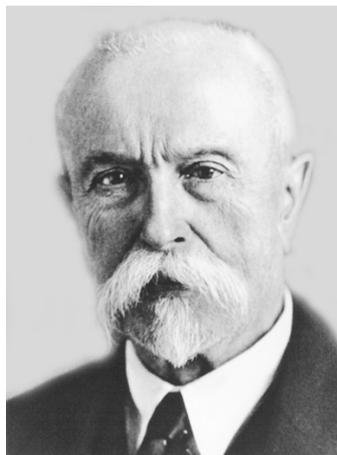
⁹ Сам Т.Масарик не понаслышке был знаком с научной работой. Он был известным философом и социологом, читал лекции в Праге, Кэмбридже, Чикаго и др.

¹⁰ Цит. по: Sládek Z. *Ruská emigrace v Československu*. S.3.

¹¹ Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. С.49.

¹² См. в подтверждение поздравительную телеграмму Э.Бенеша Первому Съезду русских академических организаций за границей (*Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)*. Praha, 1998. S.46).

Получив согласие Э.Бенеша, представители академических групп в Англии, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев образовали комиссию (июнь 1921 г.) по созыву Первого Съезда русских академических организаций за границей. Местом его проведения окончательно была определена чехословацкая столица. И хотя само пражское сообщество русских ученых в начале 1920-х годов было еще немногочисленным, его представители живо откликнулись на инициативу коллег, как, например профессора А.С.Ломшаков (теплотехник) и Н.В.Ястребов (славист)¹³. Бюро Русской академической группы в Париже, по сути, делегировало

Т.Г.Масарик

им основные организационные полномочия. В начале сентября 1921 года в Прагу для участия в подготовке Съезда отправился профессор А.Н.Анцыферов. Вместе с А.С.Ломшаковым и Н.В.Ястребовым он создал новый оргкомитет, начавший работу 13 сентября. Впоследствии в него также вошли и другие видные русские ученые¹⁴. В знак уважения и признательности, в почетные члены оргкомитета были также включены известные чешские научные деятели.

Оргкомитет выработал принципы работы будущего Съезда, в частности, определил квоты на участие – по одному делегату на каждые десять членов академической группы. 15 сентября во все русские академические группы были разсланы через чехословацкие посольства циркулярные письма, а также телеграфные сообщения. По ходатайству эмигрантов власти республики согласились выделить на проведение Съезда 75 000 крон и выдать бесплатные визы делегатам. Железные дороги дали им 50% скидку на проезд. Карлов университет безвозмездно предоставил аудитории для секционных заседаний. Русских участни-

¹³ *Отчет о первом Съезде Академических организаций в Праге (10–17 октября 1921 года) и заметка о деятельности Правления Съезда (по 1 июня 1922 года) // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. С. 325.*

¹⁴ *Перебравшийся из Белграда в Прагу правовед Е.В.Спекторский, славист В.А.Францев, инженер В.Д.Варенов и металлург А.И.Глазунов.*

ков должны были расселить в общежитии «Худобинец». Славянская сельскохозяйственная палата дала помещение для заседаний оргкомитета, печатные машинки и направила в качестве помощника свою сотрудницу, владевшую русским языком¹⁵.

Съезд проходил под патронажем Карлова университета в Праге, при личном покровительстве ректора профессора-зоолога Б.Немеца, имевшего давние тесные связи с русским научным миром. Очевидно, что он использовал свой авторитет в чехословацких политических и общественных кругах, в частности, знакомство с главой Праги доктором Карелом Баксой. 3 октября 1921 года вопрос о помощи в организации Съезда был вынесен на заседание Академического сената университета, куда были приглашены представители городских властей¹⁶. От имени ректора 4 октября 1921 г. было подготовлено письмо к Городскому совету Праги с призывом поддержать работу грядущего конгресса. В нем говорилось, что Съезд этот имеет «огромное значение как для углубления научной деятельности русских ученых, так и, прежде всего, для дальнейшего развития славянской культурной взаимности и для укрепления связей между русским и чехословацким научным миром»¹⁷.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РУССКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Открытие Съезда состоялось 10 октября 1921 года в Общественном доме¹⁸ в самом центре Праги. О внимании чехословацких властей к нему можно судить хотя бы по официаль-

ным гостям – заместителю министра иностранных дел Вацлаву Гирсе, начальнику Русского отдела МИД Йозефу Благошу, ректору Чешского высшего технического училища Эмилю Воточеку, ректору Карлова университета Богумилу Немецу. Последнему было поручено открыть Съезд и произнести приветственную речь на русском и чешском языках. В ней знаменитый ботаник с радостью говорил об исполнении давней мечты чешских патриотов – о превращении Праги во всеславянский центр.

¹⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С.7.

¹⁶ *Pozvání, dne 1. října 1921 // Archiv hlavního města Prahy (далее – АНМР). F. Magistrát hlavního města Prahy I (далее – F. Magistrát). Sign.15/94. Inv.č. 2285.*

¹⁷ *Presidu Rady hlavního města Prahy, dne 4. října 1921 // АНМР. F. Magistrát. Sign.15/94. Inv.č. 2285.*

¹⁸ Дом, построенный в 1905–1912 гг., служил местом проведения официальных мероприятий, концертов.

В.Гирса зачитал приветствие Э.Бенеша, отсылавшее слушателей к традициям чешского русофильства: «Наше родство по крови и языку давало нам издавна возможность следить за развитием русской науки, нашими выдающимися деятелями она всегда была надлежащим образом оцениваема и была источником, из которого черпала и наша наука. Сегодняшний Ваш Съезд имеет для нас значение, как усиление наших взаимных культурных и научных связей к общему успеху. Для нас всех ясно, что будущность русского народа покоится в руках русской молодежи <...> Когда мы ставили себе вопрос, каким образом мы могли бы наилучше помочь русской эмиграции, то только что высказанные мысли именно и привели нас к решению призвать в наши высшие и средние учебные заведения насколько возможно большее количество русской молодежи, чтобы дать ей возможность продолжить свое учение <...> Если, таким образом, Прага становится центром русской учащейся молодежи, то вполне естественно и желательно, чтобы она стала также центром русских ученых...»¹⁹. Таким образом, в речи были обозначены контуры идеологии «Русской акции», направленной на поддержку эмигрантов. Сама же Прага заявила о себе как об интеллектуальной столице Зарубежной России, потеснив с этого места Париж²⁰.

Б.Немец

Действительно, русские ученые встретили необычайно теплый прием со стороны чехов. Участники Съезда вспоминали, что при входе в трамвай каждый чех старался дать совет, как проехать в том или ином направлении. Карлов университет устроил в честь русских гостей торжественный обед в Общественном доме. Большой прием организовало общество «Мещанская беседа», на котором присутствовал знаменитый чешский политик и русофил Карел Крамарж. Магистрат Праги организовал несколько экскурсий по городу с посещением музеев. Министерство народного просвещения отвезло делегатов Съезда в замок Карл-

Действительно, русские ученые встретили необычайно теплый прием со стороны чехов. Участники Съезда вспоминали, что при входе в трамвай каждый чех старался дать совет, как проехать в том или ином направлении. Карлов университет устроил в честь русских гостей торжественный обед в Общественном доме. Большой прием организовало общество «Мещанская беседа», на котором присутствовал знаменитый чешский политик и русофил Карел Крамарж. Магистрат Праги организовал несколько экскурсий по городу с посещением музеев. Министерство народного просвещения отвезло делегатов Съезда в замок Карл-

¹⁹ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S.46.*

²⁰ *См.: Съезды русских академических организаций за границей. С.14–15.*

штейн. Когда они ходили по залам, то перед ними «невольно вставали образы средневековья, рыцари, турниры, и проносилась история Европы, полная больших, красивых событий, с превратностью государств, народов, и думалось, что и русская современная трагедия – один лишь из моментов в жизни великого народа, и что Россия воспрянет из нее с новой силой к светлому будущему»²¹.

Среди делегатов Съезда были представители многих академических групп²². Поскольку в Чехословакии к осени 1921 г. академическая группа еще не оформилась, русские ученые из этой страны принимали участие в Съезде «в личном качестве»²³. Не смогли прислать своих представителей академические группы в США, Финляндии, Швейцарии, Швеции и вторая академическая группа в Болгарии²⁴.

Работа Съезда была организована в форме собраний Президиума, общих собраний и заседаний следующих Комиссий:

- по организационным вопросам (под председательством А.И.Каминки),
- по вопросам о положении русской науки и русских ученых за границей (П.Б.Струве),
- по вопросам о положении науки и ученых в России (С.И.Метальников),
- по вопросу о положении русской учащейся молодежи за границей (Ал.Д.Билимович),
- по проверке полномочий делегатов Съезда (Е.В.Спекторский)²⁵.

²¹ Там же. С.95–96.

²² В том числе: Великобритании (В.И.Исаев, В.Г.Коренчевский), Болгарии (Н.С.Трубецкой), Германии (А.И.Каминка, П.И.Новгородцев, А.С.Яценко, который, в итоге, не приехал), Латвии (Д.Н.Вергун), Польши (А.Л.Бем), Турции (А.И.Глазунов, но не смогли приехать из-за железнодорожной забастовки Н.Н.Алексеев, С.К.Гогель, А.А.Копылов), Франции (П.П.Гронский, Ю.В.Ключников, С.И.Метальников, Н.М.Могиланский, А.Н.Анциферов, Е.В.Аничков, П.Б.Струве), Королевства сербов, хорватов и словенцев (Ал.Д. и Ант.Д. Билимовичи, А.П.Доброклонский, Т.В.Локоть, В.Н.Сиротинин, Е.В.Спекторский, В.В.Фармаковский, М.Н.Ясинский) и Эстонии (А.Я.Поппен).

²³ А.С.Ломиаков, В.А.Францев, Н.В.Ястребов, А.Т.Васильев, А.А.Вилков, У.Д.Жиляев, Л.И.Кепинов, К.Г.Шиндлер, Ф.А.Щербина.

²⁴ Съезды русских академических организаций за границей. С.8–9.

²⁵ Там же. С.10.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

В ходе заседаний были заслушаны доклады о деятельности каждой из представленных организаций. Все докладчики говорили о необходимости издания научных работ ученых-эмигрантов и о поддержке молодых кадров, в том числе путем организации стажировок в крупных научных центрах. Все они делали акцент на необходимости развития русского учебного дела за рубежом и просветительской работы, проводниками которой, в частности, должны были стать Русские народные университеты.

Но полного идейного единства делегатам достичь все же не удалось. Так, острую полемику вызвал доклад Ю.В.Ключникова о помощи со стороны эмигрантов ученым в Советской России. Текст доклада, к сожалению, не сохранился или же его пока просто не удалось обнаружить в архивах. В отчете, изданном по итогам Съезда, говорилось, что доклад профессора основывался на неприемлемой для многих точке зрения, не давал нового материала и поэтому был возвращен автору. Никаких иных примечаний в отчете не содержится. Однако можно сделать некоторые догадки, исходя из личности самого профессора. Ю.В.Ключников, как известно, был не только видным юристом-международником, но и одним из идеологов сменовеховства; уже вскоре после Съезда он был приглашен по личному разрешению В.И.Ленина в качестве эксперта в советскую делегацию на Генуэзской конференции, а затем вообще вернулся в СССР. Примиренческий с советской властью тон, вероятно, окутывал пражскую речь ученого и одновременно раздражал его коллег. Словно в диссонанс ему прозвучало сообщение профессора Ф.А.Щербины, видного кубанского общественно-го деятеля и одного из основоположников российской бюджетной статистики, призвавшего западные державы бороться с большевиками. Он предлагал идейно влиять на зарубежное общественное мнение, особенно на интеллектуальные круги. Эта пропаганда должна была вестись на территории науки, путем издания брошюр, чтения лекций, публикации газетных статей. Ф.А.Щербина, как и многие его коллеги, верил в скорое падение большевизма, и поэтому его речь нашла живой отклик среди присутствовавших лиц²⁶.

Ф.А.Щербина

²⁶ Там же. С.56–57.

В день открытия Съезда его делегаты обратились с приветствием к исследователям, оставшимся в Советской России, желая тем самым подчеркнуть духовную связь с ними. В храме Святого Николая, служившем главным православным приходом для эмигрантов, была отслужена панихида по всем русским ученым, погибшим в годы революции и гражданской войны²⁷.

Съезд просил все академические группы организовать комитеты и общества помощи ученым в Советской России. Также было принято решение обратиться к Лиге наций и Американской администрации помощи (ARA)²⁸ с просьбой о предоставлении средств и кредитов для них; отправить в США делегацию во главе с А.С.Ломшаковым для пропаганды помощи русским интеллектуалам; организовать отправку в Советскую Россию журналов и книг, создав для этого сборные пункты (в частности, на Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер). Делегаты также признали необходимым составить обращение к мировому сообществу с указанием потерь, понесенных российскими научными кругами за время большевистского правления. Участники Съезда с горечью сетовали, что «никогда и ни при каком режиме ни в другой какой-либо стране, ни в самой России люди умственного труда вообще и академические ученые в частности не были поставлены в такое материально тяжелое и морально невыносимое положение». В доказательство они привели список 26 убитых большевиками ученых и 83 исследователей, умерших от голода, болезни и тяжелых бытовых условий²⁹.

Атмосфера Съезда была наполнена не просто патриотическим, но мессианским пафосом, осознанием особой роли эмиграции в сохранении отечественного научного и культурного наследия. Согласно отчету, Съезд прошел «под чувством глубокой горечи от всей трагедии, которую переживает Россия, от гибели ее культурных ценностей, от тяжелых условий жизни представителей русской науки и русской студенческой молодежи и под чувством горячего желания сохранить разбросанные русские научные силы, создать новые в лице молодых ученых и студенческой молодежи для культурного восстановления своей дорогой

²⁷ *Отчет о первом Съезде академических организаций в Праге...* С.326.

²⁸ *American Relief Administration оказывала помощь голодающим и нуждающимся в Советской России.*

²⁹ *Съезды русских академических организаций за границей.* С.79–80, 84–91.

Родины России – ныне поруганной, обесчещенной фанатиками и него-
дьями советского режима»³⁰.

Но какие практически шаги предлагалось сделать?

Профессор С.В.Маракуев, донской казак и видный деятель коопера-
тивного движения, призвал создать в Праге Педагогический институт,
который бы готовил кадры для России и способствовал развитию образо-
вания³¹. Он исходил из представления, что старая школа во многом исчер-
пала себя, что насущной потребностью является подготовка учителей,
способных критически мыслить, понимать происходящие в мире социаль-
но-политические процессы. Маракуев понимал, что за рубежом невоз-
можна массовая подготовка русских педагогов. Поэтому он предлагал
сделать упор на обучение управленческого персонала для обновленной
русской школы. Причем после падения большевиков, как полагал ученый,
Педагогический институт нужно было бы сохранить в качестве места
заграничных стажировок, тем более что он будет располагаться на родине
великого педагога – Яна Амоса Коменского. Чехословакия расценивалась
русскими эмигрантами как страна, где народное образование стоит на
высочайшем уровне и где существует мощная педагогическая традиция.
Идея создания института нашла поддержку в чехословацких кругах, в том
числе в лице К.Крамаржа, который присутствовал на докладе Маракуева и
участвовал в обмене мнениями. Во время заседаний было также заслуша-
но сообщение о Высших педагогических курсах в Париже, предназна-
ченных для лиц со средним образованием и рассчитанных на два года. Од-
нако мысли русских педагогов и ученых были теперь устремлены не
столько в Париж, сколько в Прагу.

Об образовании говорил и профессор А.С.Ломшаков, отмечая, что
одной из главных задач для эмигрантского интеллектуального сообще-
ства должна стать забота о завершении обучения русской молодежи на
чужбине. Он приветствовал действия чехословацкого правительства,
выделившего в 1921 году около 1 000 стипендий для русских студентов,
воодушевившие эмигрантские круги. Но, по словам Ломшакова, выпол-
нение этой программы было невозможно без минимального решения
материальных вопросов и элементарного улучшения быта, а также без
организации курсов коррекции знаний, практических занятий и подго-
товительных семинаров. Ломшаков призывал к международному реше-

³⁰ Там же. С.11.

³¹ Там же. С.57.

нию проблем русских студентов, апеллируя к успешному опыту Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Болгарии. Он приветствовал создание сети русских учебных заведений за рубежом, например, возлагал надежды на открытие в Софии Русского университета в составе филологического и юридического факультетов. При этом

А.С. Ломшаков

Ломшаков настаивал на выработке квот на обучение, исходя из профиля подготовки русского студента до революции и возможностей принимающей его страны. В качестве примера он приводил Болгарию, где отсутствовали технические высшие учебные заведения и русские студенты-инженеры были лишены возможности завершить свое образование³². В этих условиях на академические группы должна была лечь дополнительная работа по выявлению количества студентов, нуждающихся в помощи, их профиля подготовки и уровня имеющихся знаний. Таким образом, Ломшаков сформулировал одну из главных идей Съезда – необходимость объединения

усилий всех академических групп для помощи русским студентам. Для этого все они должны были сорганизоваться в Союз русских академических организаций за границей. Его создание и стало главным итогом всего конгресса.

Участниками Съезда был принят Устав Союза русских академических организаций за границей, впоследствии (1928) несколько дополненный. В нем провозглашались принципы организационного единства всех групп русских ученых, оказавшихся на чужбине. В качестве главных задач Союза признавались:

- координация деятельности всех эмигрантских академических организаций,
- установление контактов с иностранными учеными и научными институтами,
- выражение общих интересов русских ученых-эмигрантов перед лицом правительств и общественных организаций,
- помощь в организации исследований и печатании научных трудов, развитие русских учебных заведений,

³² Там же. С. 67–69.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

- помощь русским студентам и ученым, в том числе оставшимся в Советской России,
- материальная поддержка нуждающихся исследователей; и др.³³

За академическими группами сохранялась полная автономия. Им было дано право объединять на местах русских ученых и координировать их работу. Принципы организации и деятельности групп должны были определяться исходя из их состава и характера задач. Членами групп могли быть преподаватели высших школ, «выдержавшие магистерский или ему соответствующий экзамен, и лица, обладающие учеными степенями». Съезд признавал, что было бы целесообразно привлекать к такой деятельности и людей, не отвечающих этим критериям, но живо интересующихся наукой. Однако оговаривалось, что их участие в работе корпоративной научной организации возможно лишь без права решающего голоса в вопросах академического характера. Эти люди могли бы состоять в группах лишь на правах членов-сотрудников³⁴.

Главным координирующим органом Союза должен был стать Съезд академических организаций, который следовало проводить регулярно, чтобы обсуждать все текущие вопросы. В перерывах между Съездами управленческие функции осуществлял Совет Союза, Правление и специальные Комиссии, избираемые демократическим путем. Академические организации имели право присылать своих представителей на заседания Совета и Съезды Союза. Они были обязаны предоставлять доклады о своей работе, а помимо этого делать организационные взносы в общую кассу. Поскольку не все академические организации имели возможность регулярно посылать своих членов на заседания Совета, они могли подавать «свои мотивированные мнения по возбужденным вопросам» для последующего заслушивания и обсуждения³⁵.

³³ Устав Союза Русских академических организаций за границей (утвержден I-м Съездом, с изменениями, внесенными IV Съездом 20 сентября 1928 г.) // *Národní archiv ČR* (далее – *NA*). *F. Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR. Kart.43. Inv.č. 271.*

³⁴ Съезды русских академических организаций за границей. С.73–74.

³⁵ Устав Союза Русских академических организаций за границей... – Академические организации направляли своих представителей на общие Съезды из расчета один делегат на каждые 10 членов. Организации, имевшие менее 10-ти, но более 3-х членов, пользовались правом посылки одного делегата (Там же).

Согласно принятому Уставу, Съезд избрал Правление Союза русских академических организаций за границей на ближайший год. Его председателем стал А.С.Ломшаков, товарищами председателя – В.А.Францев и А.А.Копылов, секретарем – В.Д.Варенов, казначеем – А.А.Вилков. И если начало Съезда было положено русскими парижанами, то теперь их заменили русские пражане, а сама Прага была названа местом постоянного пребывания Правления Союза русских академических организаций за границей³⁶.

Избрание А.С.Ломшакова главой Правления было вполне закономерным и заслуженным. Именно он в начале 1920-х годов выступил с инициативой превращения Чехословакии в культурный, научный и образовательный центр Зарубежной России³⁷. А.С.Ломшаков был крупным ученым, пользовавшимся большим авторитетом и доверием самого Т.Масарика. Это позволяло ему продвигать в жизнь самые смелые проекты. Еще до революции он прославился как выдающийся ученый-инженер, специалист в области разработки паровых котлов. На рубеже XIX–XX веков профессор создал прибор для автоматического питания колосниковой решетки и бездымного сжигания различных сортов топлива в топках паровых котлов и металлургических печей. Это новаторское изобретение сразу нашло широкое признание. Прибор был установлен на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга, Луганска, Елизаветграда и с успехом представлен на Всемирной выставке в Париже (1900)³⁸. 1 сентября 1923 года А.С.Ломшаков был избран ординарным профессором факультета механической и электротехнической инженерии Чешского высшего технического училища³⁹. Ученый был чужд политиканства. Он никогда не переносил свои политические взгляды в сферу работы, поэтому требовал аполитичности и от студентов. Неудивительно, что он стал врагом в глазах эсеров. Ломшаков требовал «настойчивой, усидчивой работы,

³⁶ Письмо в МИД Чехословацкой республики от 31 октября 1921 г. // *NA. F. Komitét pro utpnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv.č. 82.*

³⁷ См.: *Речь профессора А.С.Ломшакова // Младорусь. Прага, 1922. Кн.1. С.93–98.*

³⁸ Письмо А.С.Ломшакова Г.Ф.Деппу от 4 апреля 1900 г. // *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф.492. Он.2. Д.6819. Л.2–2 об.*

³⁹ *Rektor ČVUT prof. V.Kaisler – Vyslanectví Československé republiky v Berlíně, 11 list. 1938 // Archiv Českého vysokého učení technického. Osobní spisy přednášejících. A.S.Lomšakov; Петроник (Савицкий П.Н.) Воспоминания об А.С.Ломшакове // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001/2002. Т.XXXI. С.562–567.*

ему претила разболтанность значительной части русской гуманитарной интеллигенции, а эсеров он воспринимал, как подавляющее большинство русской эмиграции, как квинтэссенцию этой разболтанности, неспособности к действию»⁴⁰.

Однако достичь организационного единства русских ученых на Съезде вряд ли было возможно. Наглядным свидетельством тому было существование в некоторых странах, например в Болгарии, сразу двух русских академических организаций. Кроме того, едва ли не в разгар Съезда стало известно о выделении из Общества ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев отдельной, самостоятельной ученой группы. Ситуация вызвала оживление на Съезде, причем большинство делегатов склонялось к мысли о необходимости сохранения научного единства: «Не вдаваясь в обсуждение причин создания второй, параллельной академической организации в Югославии, обратиться к обеим организациям от имени Съезда с предложением во имя интереса общего дела найти пути к объединению обеих организаций воедино»⁴¹. Но процесс размежевания было не остановить. В его основе лежали острые идейные конфликты и противоречия, уходящие своими корнями еще в дореволюционную среду. На эмигрантской почве, в условиях жесткой конкуренции, они лишь обострились. В.И.Цепилова показала, что причиной раскола стали трения между монархистами, составлявшими большинство членов Общества ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, и либералами: «Между этими двумя сторонами постоянно вспыхивали раздоры и столкновения, сводившиеся к тому, что правые обвиняли левых в "еврействе и масонстве", те же называли своих оппонентов "черной сотней и погромщиками"»⁴².

Пожалуй, одним из главных итогов Съезда стало утверждение Положений о присвоении ученых званий и степеней⁴³. Русским академическим группам было дано право «учреждать на основании Положений, одобренных Съездом и разрешенных Министерством народного про-

⁴⁰ Савицкий И.П. «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. // Записки Русской академической группы в США. Т.XXXI. С.107.

⁴¹ Съезды русских академических организаций за границей. С.75.

⁴² Цепилова В.И. Указ. соч. С.64.

⁴³ Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций, утвержденное Советом Союза 26 апреля 1922 г. на основании постановления Съезда 15 октября 1921 г. // Труды русских ученых за границей. Т.II. С.338–340.

свещения (Чехословакии. – М.К.), особые Комиссии для производства для русских подданных испытаний зрелости, государственных испытаний и экзаменов на ученые степени, а также для рассмотрения адъюнктских, магистерских и докторских диссертаций»⁴⁴. К магистерским испытаниям, которые проводились в Особых комиссиях при Русской академической группе, допускались выпускники русских и зарубежных университетов. В состав Комиссий следовало включать не менее пяти членов, из которых хотя бы четверо должны были обладать ученой степенью магистра или доктора, а пятый мог не иметь степени, если у него был опыт преподавания соответствующего предмета в русской высшей школе⁴⁵.

В целом, принципы сдачи магистерских экзаменов были традиционными и соответствовали дореволюционным аналогам. Диссертации могли представляться на русском и иностранных языках в напечатанном виде (лишь в исключительных случаях допускались рукописные варианты). Правда, против диссертаций на правах рукописи активно возражал литературовед и фольклорист профессор Е.В.Аничков, утверждавший, что тем самым будет нарушен принцип публичности защиты: «Когда диссертацией признается рукописное сочинение, одобренное двумя референтами, мне представляется, что мы зашли слишком далеко. Напечатанная работа подвергается обсуждению в печати; она читается или может быть прочтена. Этим самым защита диссертации получает характер публичности... <...> Я не представляю себе, чтобы можно было считать себя магистром или доктором лишь потому, что где-то лежит несколько экземпляров рукописи, которую нашла удовлетворительно написанной и разработавшей какой-либо научный вопрос кучка ученых, как бы ученые они ни были»⁴⁶.

Специальные ученые комиссии рассматривали диссертацию, одобряли и допускали к защите⁴⁷. Во все русские академические группы, где были соответствующие специалисты, рассылались ее экземпляры. Защиты

⁴⁴ Устав Союза Русских академических организаций за границей...

⁴⁵ Положение о производстве испытаний... С.76–77.

⁴⁶ Съезды русских академических организаций за границей. С.78.

⁴⁷ Профессор М.М.Новиков вспоминал, что «как к диссертации, так и к диспуту обыкновенно предъявлялись самые строгие, подчас даже придирчивые требования». Это делалось для того, чтобы избежать упреков в малоценности научных трудов эмигрантов (См.: Новиков М.М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. XLIX. С.246).

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

предполагалось приурочивать к Съездам русских академических групп за рубежом и проводить публично. Вопрос о присвоении степени решался голосованием. Постановление Комиссии о признании успешной защиты докладывалось собранию Съезда, которое получало право Совета университета утверждать ученую степень диссертанта⁴⁸. Однако на практике процедура защиты была упрощена, ибо к середине 1920-х годов стало понятно, что созывать ежегодные Съезды Союза русских академических организаций невозможно из-за материальных трудностей.

В целом, следует отметить огромное значение Первого Съезда русских академических организаций за границей в процессе институционализации эмигрантской науки. Сама его повестка наглядно очертила тот круг вопросов, с которыми пришлось столкнуться русским ученым на чужбине.

(Окончание следует)

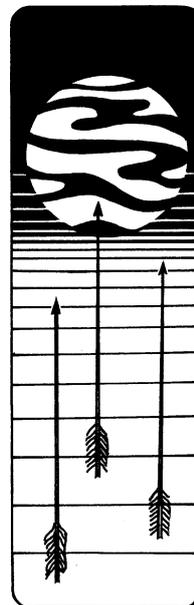
⁴⁸ Положение о производстве испытаний ... С.339–340.

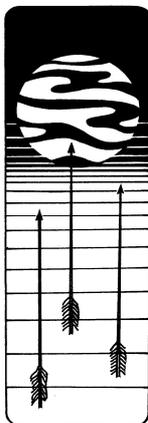
**Время не проходит впустую
и не катится без всякого
воздействия на наши
чувства: оно творит
в душе удивительные дела.**

Аврелий Августин

**Прекращение дома Рюриковичей
и наступившая вслед за этим смута
принесли с собой ряд фактов и отношений,
которые непосредственно затрагивали основание
и пределы царской власти,
и которые, по-видимому, находились
в коренном противоречии с политическими
теориями, выработавшимися на Руси концу
XVI века.**

В.Е. Вальденберг

Владимир Глебкин

ОТ ХРИСТИАНИНА К ДВОРЯНИНУ

**СИСТЕМЫ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ
«ДОМОСТРОЯ» И «ЮНОСТИ
ЧЕСТНОГО ЗЕРЦАЛА»**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
304.4
93/94

This paper addresses the comparative analysis of the two famous Russian treatises Domostroi and Junosti chestnoe zertsalo to account for the transformations of the basic attitudes to everyday life from 16th to 18th cent. In order to implement that the author is developing a special methodology rest on revealing the categories of «pivot meaning». The gist of the analysis can be formulated as follows: the rationalization and the secularization of Russian culture turn out the two main directions of cultural evolution.

Ключевые слова: Домострой; Юности честное зеркало; категория предельного смысла; секуляризация культуры; рационализация системы ценностей.

Key words: Domostroi; Junosti chestnoe zertsalo; category of pivot meaning; secularization of culture; rationalization of system of values.

E-mail: gleb1514@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, как соотносятся между собой русская культура допетровского и петровского времени, в каких аспектах можно здесь говорить о преемственности, а в каких о качественном разрыве, уже изначально носил идеологический характер. Более чем два с половиной столетия последующего обсуждения заметно усилили идеологическую составляющую полемики, породив плохо поддающийся охвату массив идеологически заостренных интерпретаций. В результате любая попытка перевода данной проблемы в научную плоскость требует предварительного смыывания «идеологической пены», а именно, тщательной рефлексии и необходимости дистанцироваться от скрытых в глубине сознания исследователя предубеждений и пристрастий. Наиболее действенным средством для этого оказывается анализ конкретных текстов, направленный на выявление их внутренней структуры, логики организации, базовых постулатов, во многих случаях радикально отличающихся от наших ожиданий. Такой анализ дает возможность «поверить алгеброй» собственные интерпретации и иногда заметно уточнить исходные позиции, преодолевая присущую исследователю инерцию очевидности.

В данной статье предметом подобного анализа становится система аргументации. Материалом для него являются два хорошо известных памятника, фиксирующих бытовые нормы поведения русского человека соответственно допетровского и петровского времени: *Домострой* и *Юности честное зерцало*. Несмотря на очевидные отличия¹, указанные произведения до определенной степени сопоставимы как по содержанию, так и по степени распространенности и своей функции в обществе. Однако для данной статьи важно даже не это. Ключевым сходством обоих текстов становится в ней их дидактический характер. Дидактические тексты содержат большой объем императивных утверждений. Часть из них приводится без всякой аргументации, но часть аргументируется отсылкой к утверждениям, не требующим для себя специального доказательства. Такие утверждения опираются на категории, которые можно назвать категориями «предельного смысла», т.е. понятиями, задающими контекст «предельного смысла» (Г.А.Ткаченко) для некото-

В данной статье предметом подобного анализа становится система аргументации. Материалом для него являются два хорошо известных памятника, фиксирующих бытовые нормы поведения русского человека соответственно допетровского и петровского времени: *Домострой* и *Юности честное зерцало*. Несмотря на очевидные отличия¹, указанные произведения до определенной степени сопоставимы как по содержанию, так и по степени распространенности и своей функции в обществе. Однако для данной статьи важно даже не это. Ключевым сходством обоих текстов становится в ней их дидактический характер. Дидактические тексты содержат большой объем императивных утверждений. Часть из них приводится без всякой аргументации, но часть аргументируется отсылкой к утверждениям, не требующим для себя специального доказательства. Такие утверждения опираются на категории, которые можно назвать категориями «предельного смысла», т.е. понятиями, задающими контекст «предельного смысла» (Г.А.Ткаченко) для некото-

¹ Первый из памятников обращен к зрелым домохозяевам; второй – к вступающим во взрослую жизнь. Первый представляет собой значимый итог предшествующей традиции, второй, скорее, формирует традицию, находясь у ее истоков.

рой культуры. Они не предполагают для себя никакого обоснования и одновременно определяют ценностные и познавательные ориентиры для понимания смысловой структуры составляющих эту культурную традицию текстов.

Сопоставление категорий предельного смысла для *Домостроя* и *Юности честного зеркала* дает возможность уловить и соотнести с другими исследованиями происходящие от XVI века к XVIII трансформации ценностных ориентиров, определяющих повседневную жизнь русского общества. При этом необходимо помнить, что речь идет о культурных нормах, выступающих для повседневной социальной жизни как *models of* и *models for* (т.е. моделей, отражающих уже существующую реальность, и моделей, выступающих как образец для формирования новой реальности)², а не о социальной жизни как таковой. Ведь текст *Домостроя* был весьма распространен и в XVIII веке, и значительная часть России тогда продолжала жить по *Домострою*; социальное пространство в этот период, как, впрочем, и в любой другой, характеризуется сложным взаимодействием различных культурных моделей.

Мы начнем анализ с *Домостроя*.

СИСТЕМА БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДОМОСТРОЯ

Нельзя сказать, что текст *Домостроя* не привлекал внимания исследователей. За более чем полуторавековую историю его изучения

- произведен текстологический и палеографический анализ различных списков памятника;
- выделены основные редакции, проанализирована специфика языка *Домостроя*;
- предложены разнообразные гипотезы относительно происхождения текста, возможного авторства, гипотетических прототипов³;

² Geertz C. *Religion as a Cultural System // Anthropological Approaches to the Study of Religion*. Edinburgh, 1966. P.7–8.

³ См.: Некрасов И.С. *Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя*. М.: Имп. об-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1873; Орлов А.С. *Домострой по Коншинскому списку и подобным*. М.: Имп. об-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1908–1910. Кн.1–2; Соколова М.А. *Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л.*: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957; Адрианова-

- появилась обобщающая работа по истории его издания и исследования⁴.

Хотя многие ключевые положения здесь продолжают оставаться полем для полемики, можно говорить о наличии общей для ее участников эмпирической базы, позволяющей вести продуктивное обсуждение ключевых проблем⁵.

Ситуация заметно меняется, когда мы переходим от текстологического анализа к интерпретациям. С одной стороны, не вызывает сомнений, что *Домострой* является памятником, популярным среди различных слоев древнерусского общества и фиксирующим инварианты, характерные для мировоззрения и системы ценностей человека средневековой Руси, в уже отшлифованном и отстоявшемся за века виде⁶. С другой стороны, способы выявления этой системы ценностей обычно не опираются ни на какие аналитические операции, и предлагаемые интерпретации представляют собой генерализацию фрагментов памятника, которые по каким-то причинам показались исследователю наибо-

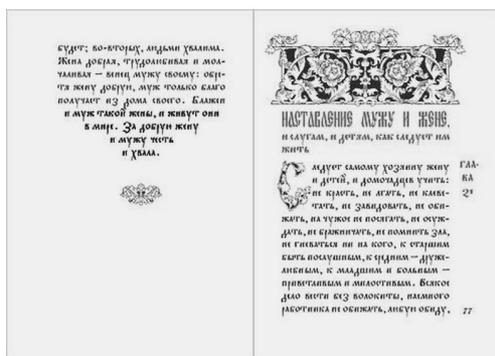
Перетц В.П. К вопросу о круге чтения древнерусского читателя // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. Т.28. С.3–29; Pouncy C.J. The Domostroi as a Source for Muscovite History. Ph.D. dissertation. Stanford University, 1985; Шестаков С.П. Византийский тип Домостроя и черты его сходства с Домостроем Сильвестра // Византийская цивилизация в освещении российских ученых. 1894–1927. М.: Ладомир, 1999. Т.1. С.549–574.

⁴ Хорихин В.В. *Рукописные тексты Домостроя XVI–XVIII вв. История издания и изучения. Сергиев Посад: Сергиев-Посад. гуманитар. ин-т, 2002.*

⁵ Наиболее дискуссионными остаются вопросы о количестве редакций Домостроя, их авторстве и роли византийской, западной и автохтонной традиции в формировании памятника. Так, наряду с устоявшимся в отечественной литературе мнением о двух редакциях, американская исследовательница К.Паунси выделяет четыре (Pouncy C.J. *Op. cit.* P.7–153. Ср.: Хорихин В.В. *Указ. соч.* С.197–217). Если отечественные исследователи, в первую очередь, обращают внимание на византийские параллели (Адрианова-Перетц В.П. *Указ. соч.* С.3–29; Шестаков С.П. *Указ. соч.* С.549–574), то западные склонны искать связь преимущественно с европейскими прототипами Домостроя (Pouncy C.J. *Op. cit.* P.154–185; Хорихин В.В. *Указ. соч.* С.188–192).

⁶ См.: Колесов В.В. *Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / Изд. подгот. В.В.Колесов, В.В.Рождественская. СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. С.65–66; Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003. С.326; Pouncy C.J. *Op. cit.* P.267–284.*

лее важными. Такой подход, в лучшем случае, ведет к воспроизведению «общих мест», для фиксации которых не требуется детальное знакомство с текстом, а в худшем формирует у читателя заметно искаженное представление о нем⁷.

Фрагмент текста *Домостроя*

Предлагаемый ниже анализ дает, кажется, возможность сделать шаг вперед на пути построения более объективных интерпретаций. Он проведен на основе первой редакции *Домостроя* по академическому изданию 1994 года, но полученные результаты должны быть в целом справедливы и для другой редакции (других редакций). Основная идея состоит в следующем: как уже

отмечалось, *Домострой* содержит большое количество утверждений в форме императива или оптатива. Некоторые из этих утверждений приводятся без каких-либо обоснований, но за значительной частью следует более или менее развернутая аргументация. Наиболее подробный вариант такой риторической структуры выглядит следующим образом:

- наставление;
- обоснование его необходимости;
- неблагоприятные последствия неисполнения наставления;
- благоприятные последствия исполнения.

Все элементы в рамках одного «смыслового атома» встречаются крайне редко, но вполне наглядный пример описанной структуры представляет собой уже первая (вопрос см. ниже) глава *Домостроя*: «Благословляю азъ грешный, имярекъ. и поучаю, и наказую, и вразумляю единочядаго сына своего, имярекъ. и его жену, имярекъ. и ихъ домочядцовъ. быти во всякомъ християнскомъ закона, и во всякой чистой совъсти и правде, с верою творяще волю Божию, и хранящи заповеди Его, себе утвержающе во всякомъ страсе Божии и въ законномъ жительстве, и жену поучающе, тако ж и домочядцовъ своихъ наказующе, не нуею, ни

⁷ Ср.: Хорихин В.В. Указ. соч. С.245–246.

ранами, ни работою тяшкою, имеюще яко дети во всякомъ покое, сыты и одены, и въ тепломъ храмъ, и во всякомъ устрое. и вдаю вамъ христьянскому жителству писание, на память и вразумление вамъ и чядомъ вашимъ. Аще сего моего писания не внемлете и нашего наказания не слушаете, и по тому не учнете жити, и не тако творити, яко ж есть писано, сами за собя ответъ дадите въ день Страшнаго Суда, и азъ вашимъ винамъ и греху не причястенъ... и аще восприимете сие мое худое учение и грубое наказание со всею чистотою душевною ... и начнете деломъ творити вся сии, будетъ на васъ милость Божия и Пречистый Богородици, и великихъ чудотворцовъ, и наше благословение отъ ныне и до века, и домъ ваш, и чада ваши, и стяжание ваше, и обилие, что вамъ Богъ подароваль отъ нашего благословения, и отъ своихъ трудовъ, да будетъ благословенно и исполнено всякихъ благъ во веки, аминь»⁸.

Как видно, структура данного фрагмента организована по схеме: *Делай А; если не будешь делать А, то Б; если будешь делать А, то С*. Анализируемая редакция Домостроя содержит 101 конструкцию такого рода: 28 непосредственных обоснований (надо делать так, потому что...), 43 обоснования, организованных по модели *если поступать так, то...*, и 30 обоснований, описываемых моделью *если не поступать так, то....* Содержательно эти обоснования распадаются на следующие группы:

А) Эсхатологический контекст, задаваемый понятиями Страшного суда, вечной жизни и, соответственно, вечных благ или мук (40 обоснований, 39,6% от всех обоснований). Наряду с приведенным выше фрагментом первой главы («за собя ответъ дадите въ день Страшнаго Суда»), эту группу можно проиллюстрировать следующими примерами:

- «...и те все дела неугодны Богу, беси написуютъ, и в томъ во всемъ человеку истязану бытии въ день Страшнаго Суда» (Гл.24. С.32);
- «...и сами мзду отъ Бога примете, и жизнь вечную наследите, яко совершители заповеди Его» (Гл.22. С.31);
- «все вкупе по деломъ своимъ примете. зло сътворше, муку вечную, а добро сотвориши и иже сущи с тобою, вкупе примеша с ними вечную жизнь, а себе болши венец примеша, понеж не о себе единомъ попечение имея къ Богу, но и сущихъ съ собою введъ въ жизнь вечную» (Гл.25. С.33).

⁸ Домострой. С.9.

Б) Более локальный контекст, характеризующий необходимость угождать Богу и влияние Бога на события земной жизни (39 обоснований, 38,6%). Примеры:

- «и та Богу приятна, и душе полезна» (Гл.26. С.36);
- «отъ Бога мзда, а душе польза» (Гл.32. С.39);
- «нечюственнаго духу гнушаемся, хмелного, чесночного, болного, и всякого смрада, коль мерзко Господеви нашъ смрадъ и обоняние, сего ради со опасениемъ сие творити» (Гл.3. С.10).

Часто (16 обоснований, 15,8%) этот контекст соединяется с эсхатологическим, охватывая все жизненное пространство человека:

- «и сами во благословении пребудуть въ веки, и от Бога великую мзду получать в семь веце и въ будущемъ, пребывающе в заповедехъ Господнихъ» (Гл.21. С.30);
- «и отъ нихъ отъ всякого обилия и плодовъ отъ таковыхъ Богу неприятна милостиня ни при животе, ни по смерти» (Гл.28. С.37)⁹.

В) Контекст, связанный с необходимостью избежать «стыда и позора», т.е. осуждения и насмешек со стороны других людей, составляющих непосредственное окружение человека (21 обоснование, 20,8%): «и в томъ во своемъ пьянстве и небрежении, платие на себе изгрязниши, и колпакъ и шапку истеряеши. аще ли будетъ денегъ в кошнице, или в калите, то вымутъ, а ножи соимутъ. ино въ томъ государю, у кого пивъ, въ тебъ кручина, а тебе наипаче, се истерялсе, а отъ людей срамота, и молвятъ, где пивъ ту и уснулъ, кому его беречь самому пьяну. видиши ли каковъ срамъ, и укоръ и тщета имению во мнозе пьянстве» (Гл.15. С.23). Заметим, что в большинстве случаев (15 обоснований, 14,9%) этот контекст следует за контекстом А) и/или Б):

- «...будеть и сам поруганъ и обезсчестень отъ Бога и отъ человекъ» (Гл.15. С.24);
- «ино Богу в даръ, а добрымъ людемъ в честь... а себе от Бога мзда, а отъ людей добрая слава» (Там же).

Г) Далее, большую группу обоснований составляют практические рекомендации разного рода (26 обоснований, 25,7%). Основной массив таких рекомендаций – советы по бережливому ведению хозяйства: покупать много, когда дешево, запасать все впрок, ничего не выбрасывать, все пускать в дело:

⁹ Особенно показательна в этом отношении восьмая глава, где алгоритм воздействия Бога на порочного человека, включающий и эсхатологическую перспективу, расписан, можно сказать, пошагово (Домострой. С.14–15).

- «а всякои товаръ и запасъ, коли ему навозъ всякому товару а дешево, хотя не надобе, а в ту пору купи. а свою нужу исполнишь, а чего запасено слишкомъ, на том денгы дадутъ с прибылю» (Гл.44. С.50);
- «...коли чему навозъ, или чего много и дешево у приездихъ людей, и у християнь, в те поры и закупить на весь годъ, ино у рубля четверти не додасть, а у десяти рублевъ потомуж. а у закупщика дороже купити, а не в пору купити двои денги дати, да не любое купишь, коли чего нетъ, а надобеть» (Гл.43. С.50).

Иногда эти рекомендации звучат вполне по-плюшкински:

- «а што портица, то напередъ изводить какъ пригож, семья кормити хорошенко уделавъ, и нищимъ дать, ино спасение, а згноивъ даром за ворота выкинуть» (Гл.53. С.57);
- «а дубникъ в запасе держати что починити, или изделати. а ветшаная бочка и извара, и высотокъ, донце, дощечки боченные, и вечка, и всякое судно, все бы было припрятано. а все то ся пригожает на худую потребу, и ты добраго не портишь» (Гл.55. С.58).

Д) В четырех случаях (4%) обоснование, погруженное в христианский контекст, не обращается непосредственно к самому читателю, а носит абстрактный, безличный характер: «Тако ж и княземъ покарися, и должную честь воздавай имъ, яко отъ него (Бога. – *В.Г.*) посланномъ въ отмщение злодеемъ, въ похвалу ж добродеемъ» (Гл.5. С.11).

Е) В одном случае в качестве обоснования служит ссылка на порядок вещей, на безличные представления о справедливости, не отсылающие непосредственно к воле Бога: «а чего бесхитростно, или недогадкою, и неразумением негораздо зделалъ, и попортилъ что, и в том словомъ наказати передъ люди всеми. все бы того береглися, ино отдати. а в другие и въ третье проступить, или ленитца, ино по вине и по делу смотря, по разсужению наказати и побити. доброму бы была честь, а худому наказание, а всему тому наукъ» (Гл.59. С.60).

Проведенный анализ приводит к следующим выводам:

1. Жизненное пространство человека в средневековой Руси определялось христианской системой координат, причем структурообразующим в этой системе был эсхатологический контекст. Страшный Суд и следующие за ним вечная жизнь или вечная погибель воспринимались не как отдаленная перспектива, о которой можно не думать до поры до времени, а как отчетливый образ, находящийся в пределах прямой видимости. При этом ставшая уже трюизмом фраза «Средневековый русский человек жил в постоянном ожидании Страшного Суда» искаженно отражает действи-

тельность. Она предполагает некоторую пассивность поведения и устремленность в будущее. Однако средневековый русский человек жил настоящим, и Страшный Суд присутствовал в его жизненном мире как элемент этого настоящего, задающий базовые поведенческие нормы, санкционирующий или, наоборот, запрещающий те или иные действия.

Можно проиллюстрировать данный тезис следующей условной аналогией. Ребенок, совершая определенные поступки, хорошо осознает, что его за них могут похвалить или отругать родители, но при этом некорректно говорить, что он живет в ожидании похвалы или наказания. Он живет настоящим, а похвала или наказание выступают в качестве регуляторов его поведения наряду с другими регуляторами. Страшный Суд оказывается так же вплетенным в повседневную жизнь средневекового человека, выступая в качестве указателя, характеризующего различные траектории в его повседневном жизненном пространстве: «Направо пойдешь – вечную жизнь найдешь, налево пойдешь – душу погубишь» и т.д. Постоянно присутствуя в сознании средневекового человека и вполне соглашаясь с повседневным ритмом его жизни, мотив конца света и грядущего Страшного Суда получает гипертрофированное значение в периоды социальных катастроф и потрясений и/или в хронологических узлах, культурно маркированных в качестве кризисных (нашествие татаро-монголов, раскол, конец седьмой тысячи лет и т.д.). Этот эсхатологический фон выступает как важное условие интерпретации процесса разрушения сложившегося социального порядка¹⁰.

1.1. При этом необходимо помнить, что Бог оценивает жизнь и поступки человека не только в момент Страшного Суда: каждое действие, каждое мгновение человеческой жизни находится под внимательным взглядом Бога, который воспитывает человека в целом так же, как и отец воспитывает своих детей. Описанное в восьмой главе воспитание человека Богом в целом соотносится с рекомендациями автора *Домостроя* по воспитанию детей и слуг: поощрять достойных и наказывать

¹⁰ Ср.: Плюханова М.Б. *О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. III (XVII – начало XVIII века). С. 380–459; Рудаков В.Н. *Отражение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII – XIV в.: Эволюция представлений, сюжетов и образов / Дисс. ... канд. филолог. наук. М., 1999; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 324–371; Данилевский И.Н. *Русские земли глазами современников и потомков (XIII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 95–180.***

недостойных, причем наказывать соразмерно проступку и постепенно увеличивать тяжесть наказания, если виновный не исправится.

2. Другим важным регулятором поведения для адресата *Домостроя* является мнение людей, т.е. группы, маркированной не социально, а по признаку непосредственной близости и прямых контактов с адресатом. Важно отметить, что мнение людей не противопоставляется воле Бога, а вполне согласуется с ней, часто выступая как дополнительный аргумент: «а себе от Бога мзда, а отъ людей добрая слава». В этом контексте можно сказать, что для человека допетровской Руси отсутствует частное пространство, он всегда на виду, под чьим-то пристальным взором, и жизнь за пределами дома для него принципиально не отличается от жизни в его стенах, определяясь тем, угодны ли его действия Богу и что скажут о них люди. Бог здесь не включается в частное пространство человека, противостоящее публичному, как это происходило, например, у Лютера.

2.1. Следует особо отметить, что царь и князь фигурируют в тексте *Домостроя* всего в одной главе и повинование им не является самодостаточным постулатом, а обосновывается через повинование Богу. Это говорит о том, что царь не занимает в повседневном пространстве адресата *Домостроя* место, сопоставимое с тем, которое занимают в нем Бог и люди. Конечно, *Домострой* – это книга о домашнем устройстве, но аналогичных по своей распространенности и влиянию текстов об общественном служении мы не находим. Размышления о служении царю, соотношении светской и духовной власти включены в допетровской Руси в довольно узкий регистр политических текстов и не выполняют той универсальной социальной функции, какую выполнял *Домострой*.

3. Еще одной характерной чертой текста *Домостроя* является предельно конкретный характер обоснований. Он не отсылает к абстрактной системе базовых ценностей, предполагающих ту или иную персональную идентификацию, включение себя в ту или иную социокультурную группу и осознанное принятие определенных социальных норм¹¹. Он обращается к вполне конкретным, описанным «весомо, грубо и зримо» последствиям для непосредственного или рассмотренного в эсхатологической перспективе будущего человека («люди скажут», «Богу угодно» или «Бог осу-

¹¹ «Христианин должен поступать так», или «это справедливо», «благородные люди не позволяют себе таких поступков» – фактически, здесь предполагается построение осознанного силлогизма: христианин должен поступать так; я – христианин; следовательно, я должен поступать так.

дит») ¹². Аргументация здесь строится через обращение к чувствам, а не к разуму и носит эгоцентричный характер. Абстрактные понятия закона, долга, справедливости не используются в ней в качестве аргументов ¹³. Ключевой категорией, заменяющей их, и главной нормативной характеристикой становится страх Божий, содержание которого определяется необходимостью помнить о неизбежности Страшного Суда и о своем ответе на нем перед Богом ¹⁴. Такая эмоционально-образная и индивидуально ориентированная система координат характеризует симпрактический тип культуры, где действие полностью подчинено повседневному контексту (в который, в данном случае, входит, как уже упоминалось, и Страшный Суд) и теоретическая рефлексия отсутствует ¹⁵.

4. Если говорить о практических обоснованиях, предлагаемых в *Домострое*, то все они, в основном, сводятся к призыву иметь все необходимое при себе, закупаая его впрок и подешевле. Отвечая на часто возникающий вопрос о сходствах и отличиях трудовой этики *Домостроя* и современной ему протестантской этики, необходимо обратить внимание на принципиальную разницу хозяйственных типов, стоящих за этими моделями. В основе *Домостроя* лежит представление о натуральном хозяйстве, в максимальной степени обеспечивающем себя и предполагающем сведенный к минимуму товарообмен ¹⁶. В основании протестантской этики лежит иная

¹² Эта черта проявляется и в других нормативных текстах того времени. См., например, «Монастырский устав» Иосифа Волоцкого, датированный концом XV – началом XVI века (Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С.296–322).

¹³ Это не означает, конечно, что человек в допетровской Руси лишен чувства долга или справедливости, а лишь подчеркивает, что данные категории заимствованы из культуры Нового времени и нерелевантны для описания ситуации в русском средневековье.

¹⁴ Сочетание «страх божий» встречается в тексте «Домостроя» 19 раз и заметно превосходит другие нормативные этические характеристики по частотности.

¹⁵ О симпрактическом и теоретическом типе деятельности и связи с ними базовых этических установок культуры см.: Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука. Главн. ред. вост. лит-ры, 1991. С.11–118, особ. С.58–59; Глебкин В.В. Мир в зеркале культуры. М.: Добросвет, 2000. Ч.1. Первобытная и традициональная культура, культура Древнего Египта, культура Древней Месопотамии. С.6–29; Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М.: Издатель Савин С.А., 2003. С.59–299.

¹⁶ Замечаемые в «Домострое» элементы «предпринимательства» («а чего запасено слишком, на томъ денгы дадутъ съ прибылюю». – Гл.44. С.50) не выступают как самоцель, а предполагают реализацию общей установки на максимально эффективное исполь-

модель, базовая для раннего капитализма. Она предполагает активный товарообмен и предпринимательскую активность, связанную с посреднической деятельностью, в центре которой лежит не изобилие товаров, обеспечивающих хозяйственную независимость, а деньги. В *Домострое* же деньги выполняют вспомогательную функцию¹⁷.

Для того чтобы специфика этической системы *Домостроя* стала более отчетливой, можно обратиться к появившемуся где-то за век до него произведению с близким содержанием – трактату Леона Баттисты Альберти «О семье». При определенном сходстве самих моральных наставлений, система обоснований здесь принципиально иная (в частности, Альберти нигде не упоминает Страшный Суд и страх Божий). Для иллюстрации рассмотрим две выдержки из трактата:

«Я согласен с тобой, что более чем кто-либо другой, именно отцы должны руками и ногами, всеми силами, всем своим старанием и благоразумием стремиться, насколько в их возможностях, к тому, чтобы дети были благовоспитанны и добропорядочны, как потому, что это на пользу самим детям – благовоспитанность в молодом человеке ценится не менее чем богатство, – так еще и потому, что этим они послужат украшению и славе своего дома, отечества и самих себя. Благовоспитанные дети – похвальное свидетельство усердия их отцов. И считается, если не ошибаюсь, что для отечества лучше иметь граждан добродетельных и порядочных, нежели очень богатых и могущественных»¹⁸.

«Пусть отец наблюдает и замечает, куда влечет сына с самого раннего возраста, и запрещает ему следовать по пути, который малопохвален и небезопасен. Пусть родители не допускают в детях раздражительности, не позволяют им усваивать всякого рода дурные и бесстыдные нравы. Пусть отцы стараются всегда выглядеть именно отцами, предстают не ненавистными, но строгими, не чересчур добродушными, но человеческими. И каждый отец пусть помнит, что власть, держащаяся на силе, всегда менее прочна, чем та, которая основана на любви. Никакой страх не может длиться слишком долго, любовь же длится очень и очень долго. Со временем страх убывает, любовь день ото дня непрерывно растет. Итак, кто

зование продуктов: если останутся излишки, их можно продать подороже, но покупаю я много не для того, чтобы продать подороже, а для того, чтобы максимально обеспечить себя и быть независимым от внешних обстоятельств.

¹⁷ Ср.: Колесов В.В. Указ. соч. С.333–334; Найденова Л.П. Указ. соч. С.118–135.

¹⁸ Альберти Л.Б. *О семье // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы.* М.: Юрист, 1996. С.376, пер. О.Ф.Кудрявцева.

будет столь безумен, чтобы полагать необходимым выказывать себя во всех отношениях суровым и строгим? Строгость без человечности возбуждает, скорее, ненависть, нежели почтительность. Чем более человечность обходительна и чужда всякому жестокосердию, тем более она заслуживает благорасположения и доброго отношения»¹⁹.

Мы видим здесь, во-первых, появление среди базовых ценностей новой категории – «Отечество»; во-вторых, – систему рациональной аргументации, выраженной уже в виде безличных максим без отсылки к личному опыту и чувствам человека. Отмеченные черты нехарактерны для *Домостроя*, но оказываются востребованными русской культурой позднее, в XVIII столетии.

**СИСТЕМА
БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ЮНОСТИ ЧЕСТНОГО
ЗЕРЦАЛА**

Как уже было отмечено во Введении, для описания происходящих трансформаций мы обратимся к тексту *Юности честного зеркала*. Книга была издана в 1717 году (видимо, по

прямоу указанию Петра I), в этом же году выдержала еще одно издание и потом неоднократно переиздавалась²⁰. Ее авторы не установлены точно, но в подготовке книги, вероятно, участвовали епископ Рязанский и Муромский Гавриил (Бужинский), ученый, педагог (в начале XVIII века он недолго был ректором немецкой школы в Москве) и переводчик Иоганн Паузе, а также один из ближайших соратников Петра Яков Брюс, который курировал и проект в целом. Сборник представляет собой набор этикетных правил и базовых норм, которыми должны руководствоваться в жизни молодые дворяне мужского (по тексту, отроки) и женского (по тексту, девицы) пола (в отличие от *Домостроя*, указания для отроков и девиц строго разнесены). Принято считать, что текст является компиляцией западноевропейских этикетных сборников, адаптированной к российским реалиям²¹.

¹⁹ Там же. С.387.

²⁰ Большинство экземпляров книги состояло из двух частей. Само «Зерцало» составляло вторую часть, присоединенную к азбуке (в нее входили образцы нового гражданского алфавита, дополненные пословицами на каждую букву, и примеры различных форм записи чисел).

²¹ См.: Пекарский П. *Наука и литература в России при Петре Великом*. СПб.: Изд. тов-ва «Общественная польза», 1862. Т.2. С.381–383; Перетц В.Н. *Историко-литературные исследования и материалы*. СПб.: Типография Ф.Вайсберга и П.Гершунина, 1902. Т.3.

Анализ *Юности честного зеркала* будет строиться нами по схеме, использованной при анализе *Домостроя*: мы будем анализировать принципы и систему аргументации, выявляя, что выступает для нее в качестве оснований. Следуя структуре текста, имеет смысл анализ предписаний для отроков и для девиц проводить отдельно. Начнем с предписаний для отроков. В тексте встречается 47 случаев

Фрагмент издания *Юности честного зеркала*

обоснований, и полученные результаты существенно отличаются от результатов анализа *Домостроя*. Базовые группы, на которые распадутся обоснования, можно выделить следующим образом:

а) Основной массив составляют практические рекомендации, связанные с непосредственной выгодой или ущербом – 28 случаев из 47 (59,6% от общего числа). Примеры:

- «Съ своими или съ посторонними служители гораздо не сообщаяся, но ежели оные прилежны, то такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ верь, для того, что они грубы и невежи [неразсудливи] будучи, незнають держать мъры. но хотять при случае выше своего господина вознестись, а отшедши прочь на весь свет разглашаютъ, что имъ поверено было. Того ради смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить опасайся, чтоб при том слуг и служанок не было. а имянь не у поминаи но обиняками говори чтобъ дознатца было невозможно, потому что такая люди много приложить и прибавить искусны» (С.8–9)²²;

С.151–186, особ. С.230–231; Описание изданий гражданской печати. 1708–1725 г. / Сост. Т.А.Быкова, М.М.Гуревич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С.205–206, 209, 263–264, 417–418; Кошелева О.Е. «Юности честное зеркало» // Российская педагогическая энциклопедия. М.: Большая рос. энцикл., 1999. Т.2. С.650.

²² Все цитаты из «Юности честного зеркала» приводятся с указанием страниц по изданию: Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению. Факсимильное издание. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина; Худож. лит-ра, 1976.

- «Умный придворный человек намерения своего и воли никому не объявляет, да бы не упредилъ его другои, которой иногда къ тому же охоту имеетъ» (С.14–15);
- «Непристойно на свадьбе въ сапогахъ и острогахъ быть, и тако танцевать, для того что темъ одежду деруть у женского полу, и великий звонъ причиняють острогами, къ тому же мужъ не такъ поспешень въ сапогахъ, нежели безъ сапоговъ» (С.36).

б) Следующий по частотности блок составляют отсылки к нормам поведения дворянина, за которыми стоят понятия чести, достоинства и т.д. – 10 случаев из 47 (21,3%). Примеры:

- «Имеетъ отрокъ наипаче всехъ человекъ прилежать, какъ бы себя могъ учинить благочестна и добродетелна; ибо не славная его фамилия, и высокои родъ приводитъ его въ шляхетство, но благочестныя и достохвальныя его поступки» (С.10–11);
- «Имеетъ прямыи [сущии] благочестный кавалеръ быть смиренъ, приветливъ и учтивъ. ибо гордость мало добра содеваетъ [приносить] и кто сихъ трехъ добродетелей не имеетъ, оныи не можетъ превзоити, и ниже между другими просиять, яко светило в темномъ месте или каморе. понеже что выше чиномъ, то ниже смирениемъ быть должно. для того и три оныя добродетели: приветливость, смирение и учтивость, украшаютъ не мало шляхетскую славу. а понеже искони старыя честныя люди оное сохраняли, того ради и юныя имеютъ оному подражать» (С.11–12)

в) В 6 случаях из 47 (12,8%) происходит отсылка к ценностям христианина: «Никакое неполезное слово, или непотребная речь да не изыдетъ изъ устенъ твоих. всякои гневъ, ярость, вражда, ссоры, и злоба да отдалится отъ тебя. и неделаи, ни приуготовляи ни какихъ ссор: все, что делаешь, делаи с прилежаниемъ, и с рассуждениемъ, то и похваленъ будешь. Когда ты верно обходисся, то и богу благоприятно, и такъ благополучно тебе будетъ. А ежели ты не верно поступаешь, то наказания божия не минуешь, ибо он видитъ все твои дела» (С.44–45).

г) В трех случаях из 47 (6,4%) речь идет о выгоде и ущербе для человека, но (в отличие от пункта а) не непосредственных, а растянутых или смещенных по времени: «Имеютъ младыя отроки всегда началствующихъ своихъ какъ при дворе, такъ и вне двора, въ великомъ почтении и чести содержать. подобно какъ сами себе хотять, чтоб они въ такой службе превознесены были. Ибо честь какову они ныне онымъ показываютъ, со временемъ и имъ такая же показана будетъ» (С.24).

Сопоставляя приведенные данные с результатами анализа *Домостроя*, можно отметить следующее:

1. В тексте *Юности честного зерцала* в разделе, обращенном к отрокам, заметно ослабляется христианская составляющая; Бог уже не выступает в качестве главного регулятора поведения. Прямые ссылки на Страшный суд отсутствуют и косвенно мотив Страшного суда можно предположить лишь в двух фрагментах. Сочетание «страх Божий» встречается всего один раз, причем в невозможном для *Домостроя* контексте: «В церкви имеет оной (отрок. – *В.Г.*) очи свои и сердце весма къ богу обратит и устремит, а не на женской поль, ибо домъ божи, домъ молитвы, а не вертепъ блудничей... кто хочеть быть знатнейшии въ чину, онои долженъ везде в страхе божиемъ и благочинстве первымъ себя содержать» (С.30–31). Мы видим, что здесь страх Божий выступает не как самодостаточный и не требующий дополнительных обоснований регулятор поведения, не как категория, задающая контекст предельного смысла, а как норма, требующая дополнительного обоснования. В данном случае контекст предельного смысла определяется понятием «быть знатнейшим в чине».

С другой стороны, неправильно было бы на основании этих наблюдений преувеличивать степень секуляризации культуры начала XVIII века. Соблюдение христианских традиций, безусловно, должно являться важной нормой для адресата *Юности честного зерцала*, но эта норма перестает быть определяющей, уступая свое место кодексу чести дворянина (человек – в первую очередь, дворянин и лишь потом христианин), тогда как в *Домострое* картина была обратной (сословная честь была подчинена христианским нормам).

2. В данном разделе *Юности честного зерцала* существенно изменяются базовые модели построения аргументации. В тексте *Домостроя* приводимые аргументы в основном были связаны с личным опытом человека и непосредственной или отдаленной пользой или вредом для него (общие формулировки не слишком часты и обычно выражаются цитатами из Отцов церкви). Здесь же мы видим, что значительная часть обоснований носит безличный характер, отсылая к общим нормам или порядку вещей.

Картина существенно изменяется, когда мы переходим к предписаниям для девиц. Это различие становится заметным уже в начале раздела «Венец девической чести и добродетелей, заключающийся в следующих двадцати добродетелях», где идет перечисление добродетелей: «Охота, и любовь къ слову, и службе божеи, истинное познание бога,

страхъ божи, смирение, призывание бога, благодарение, исповедание веры, почитание родителемъ, трудолюбие, благочиние, приветливость, милосердие, чистота телесная, стыдливость, воздержание, целомудрие, бережливость, щедрота, правосердие, и молчаливость, и протчая» (С.47). Далее эти пункты раскрываются более подробно:

«1. Первая добродетель, которая благонравной и благочестной девице прилична и пригожа. есть охота и любовь къ слову божию, и правои вере, охотно ходить въ церкви, и въ школы, учитца читать, писать, и молитца прилежно, слушать словеса божия, оное размышлять и примечать охотно, къ исповеди и святому причастию ходить, катихисисъ просто и со истолкованиемъ с некоторыми псалмами, и притчи святаго писания наизусть уметь, и протчая.

2. Вторая добродетель девицы есть: истинное познание бога, и слова его, правое разумение в творении божи, и въ артикулахъ, или членахъ нашея православныя веры.

3. Третья добродетель девическая есть, девической страхъ къ богу, когда человекъ размышляя гневъ божи за грехи своя, от сердца убоится, и гнева божия, и страшнаго его суда усташится, греха убежеть, богу и родителемъ съ должнымъ почтениемъ и послушностию покорится. а наипаче по воли божиеи, и по слову его, все свое намерение управлять будетъ...» (С.47–49).

Уже по этим фрагментам видно, что «девическая честь и добродетель» гораздо ближе, чем отроческая, к нормам *Домостроя*. Анализ аргументации подтверждает это. В 7 случаях из 11 основанием для действия служит воля Бога, страх Божьего гнева. Этот мотив дополняется необходимостью следовать родительской воле (2 случая), мнению честных людей (2 случая), всенародной пользой (1 случай, «богу въ честь и во всенародную пользу»). В одном случае аргументом служит ссылка на Григория Назианзина, в одном – на конкретную пользу, еще в одном – на закон природы с отсылкой к мнению древних («Природа устроила намъ токмо одинъ ротъ, или уста, а уши даны два. темъ показуя, что охотнее надлежитъ слушать, нежели говорить, сему и древняя дети своихъ обучали» /С.62/) и еще в одном случае – на абстрактное представление о правильном поведении девицы («которыя добродетели выше всехъ меръ украшаютъ девицу» /С.57/). Изменяется и система аргументации, которая здесь также оказывается близкой к аргументации *Домостроя*. В основном, рекомендации обращаются к личному опыту и личной выгоде или вреду для человека. Отсылка к объективным нормам встречается лишь в двух случаях из 11 (18,2%).

Объяснение отмеченного различия в социальных нормах для отроков и девиц может быть следующим. Женщины остаются за рамками социальной структуры петровской России, поэтому у них отсутствует сословная этика, формирующаяся у мужчин, и базовыми для них остаются христианские ценности, не зависящие от места в социальной иерархии. Женщины не попадают в поле начатых Петром преобразований, и модель их поведения оказывается вполне традиционной, следующей уже устоявшейся традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

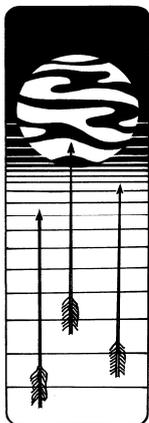
В заключение хотелось бы вернуться к поставленным в начале статьи задачам, разделяя при этом содержательный результат и методологию.

Говоря о содержательной стороне, необходимо отметить, что выявленные различия между *Домостроем* и *Юности честным зеркалом* хорошо согласуются с исследованиями, описывающими трансформации русской культуры в XVII веке, эксплицируя две базовые линии этих трансформаций. А именно: рост рефлексии, переход от симпрактической к теоретической культурной модели и секуляризация культуры²³. Другими словами, специфика аргументации и контекстов предельного смысла *Юности честного зеркала* соотносится со спецификой происходивших в XVII веке изменений. Это дает дополнительные основания в пользу тезиса о преемственности между XVII и XVIII веками, об отсутствии кардинального культурного разрыва.

С другой стороны, предложенная методология, основанная на выявлении базовых категорий предельного смысла, при необходимой корректировке и уточнении кажется продуктивной для анализа широкого круга текстов, принадлежащих различным культурам, давая возможность зафиксировать важные для этих культур ценностные доминанты.

²³ См.: *Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века)*.

Дмитрий Антонов

ЦАРЬ ИЗБРАННЫЙ И ЦАРЬ СВЕРЖЕННЫЙ:

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ
В РОССИИ КОНЦА XVI – XVII ВЕКА¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
304.4
93/94

The idea of tsar as an autocrat whose God-blessed reign is rooted in his God-chosen dynasty, was fully formed in Russia in the 16th century. Still at the end of the century, after the death of Feodor Ivanovich who left no successor, the model collapsed. The new ritual and symbolic system of choosing the tsar was rapidly created. This step signified the radical shift of notions that concerned the origins and the system of reign. The article is focused on this new model and the way it influenced the culture of the 17th century.

Ключевые слова: Смутное время; избрание царя; крестоцелование; Борис Годунов; Василий Шуйский.

Keywords: Time of Troubles; election of tsar; cross-kissing; Boris Godunov; Vasily Shuysky.

E-mail: antonov-dmitriy@list.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта «Идеологические модели культуры в истории России Средневековья и Раннего Нового времени (исторические и историографические аспекты) в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России. 2009–2013», а также при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

Смутное время XVII века – череда социальных и культурных катаклизмов, которые привели к резкой смене многих традиционных представлений и устоев Московского царства; наибольшие изменения коснулись при этом комплекса идей и символических практик, окружавших царскую власть. Образ прирожденного государя, властителя-самодержца, оказался разрушен уже после смерти бездетного Федора Ивановича в 1598 году, когда выяснилось, что царем может быть не только данный Богом наследник прежнего монарха, но и избранный человек. Вскоре стало ясно, что государю можно ставить условия, ограничивая его самовластие, требовать от него присяги и даже сводить с престола. Все это резко меняло контуры устоявшихся в Московской Руси представлений о власти и подданстве. Я хотел бы очертить в статье основные «моменты слома», которые определили многие более частные аспекты в столь необычной, происходившей в очень сжатые сроки трансформации мировоззрения².

САМОВЛАСТИЕ ИЛИ ДОГОВОР?

В 1606 году из Москвы были разосланы грамоты с известием об избрании на престол нового царя, Василия Ивановича Шуйского, а также традиционные крестоцеловальные записи, по которым людей следовало приводить к присяге. Однако этим дело не ограничилось: еще одна грамота, текст которой разошелся из столицы по городам, была совершенно уникальной. Речь шла о том, что новый государь не только ждет присяги от своих подданных, но и сам уже присягнул им на кресте в том, что будет царствовать в совете с боярами, без самоуправства и жесткости³. Очевидно, что такая идея была чужда Московской мифологеме власти, сложившейся в XVI веке:

² Подробнее об этом см.: Антонов Д.И. *Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII в.* М., 2009.

³ *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук (далее – ААЭ).* СПб., 1836. Т.2. С.101–103; *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел (далее – СГГД).* М., 1819. Т.2. С.299–300. – *Списки XVII века см. в Портфелях Миллера (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.199. Порт.133. Ч.1).* Ср. в «Ином сказании»: *Русская историческая библиотека.* СПб., 1909. Т.13. Стб.71–72.

государь-самовластец, чтимый как образ Божий на земле, был «волен в холопах» и не скреплял себя никакими публичными обязательствами. Действие Шуйского оказалось беспрецедентным, и при этом оно не было подкреплено отсылками к священной или византийской истории или какими-либо разъяснениями. Людям предлагалось целовать крест государю, который целовал крест своим подданным.

После завершения Смуты такой акт начали безусловно осуждать и авторы «публицистических» произведений, и авторы летописцев. Пожалуй, самый яркий пример – рассказ князя Ивана Хворостинина о том, как Шуйский поклялся и согрешил: «В церковь соборную Божия матери вшед, безстрашием дерзновения исполнився и не положи Бога пред собою, по писанному, но взял честное всемирное наше оружие Божественное, Христа Бога нашего святой поклоняемый крест, рече самодержец, новоизбранный царь людем, благодарение творящее, лукаво крест лобза, клятву сам на ся возда. И тако всему миру клянется потребу творити всем, во царствии его живущим». Это действие немедленно привело к трагическим последствиям: «О беда! О скорбь! Единаго ради малого времени жития сего светом лститца царь и клятву возводит на главу свою, никто же от человек того от него не требуя; но самоволне клятве издавися, властолюбец сый, а не боголюбец. Точию хотя прославитися на земли, а не на Небеси. И что человеческое естество весть хотение свое? И яко же тое клятвы коснувся владыко, и предаст его Бог в неискусен ум, во еже творити неподобное и преступи клятву свою. И воздвижесе нань держава его, и преступиши клятву, ею же кляшася ему; и во дни его всяка правда успе...»⁴.

Хворостинин осуждает царя в том, что он *поклялся*, хотя клятва запрещена в Евангелии как грех: люди не знают будущего, не властны над ним, и не должны клясться в чем-то вместо того, чтобы уповать на Бога⁵. В средневековой книжности бытовало множество текстов, осуждавших божбу и клятву, однако присяга – клятва на кресте – была широко распространенной и важной общественной практикой, которую часто пытались отделить от греховной божбы. Ситуация начала меняться в XVI веке, когда о нормативности присяги начали спорить: появились яркие осуждения присяги как акта, нарушающего евангельскую заповедь, и не менее яркие попытки оправдать крестоцелование. В XVII

⁴ Памятники литературы древней Руси. Кон. XVI – нач. XVII в. М., 1987. С.446. Ср.: Рим. 1:28.

⁵ Мф. 5:33-37, Иак. 5:12. – Эту идею развивали Иоанн Златоуст, Ефрем Сирийский и другие авторитетные богословы.

ЦАРЬ ИЗБРАННЫЙ И ЦАРЬ СВЕРЖЕННЫЙ

столетии позиция противников клятвы возобладала, и присягу на кресте начали активно заменять другими процедурами⁶. Обвинения Хворостининым Шуйского совершенно понятны в контексте эпохи: князь осуждает не только властолюбие и лукавство (популизм) царя, но и сам его поступок, как страшный грех, вызвавший Божий гнев.

В летописной традиции клятву Шуйского, в свою очередь, представляли как греховное начинание, не имевшее аналогов в истории: «Он же нача говорити въ Соборной церкви, чево искони век в Московском государстве не повелось, что целую де всей земле крест на том, что мне ни нат кем ничево не зделати, без собору никакова дурна: отец виноват, и над сыном ничево не зделати; а будет сын виноват, отец тово не ведает, и отцу никакова дурна не зделати; а которая де была грубость при царе Борисе, никак никому не мститель. Бояре же и всякие людие ему говорили, чтоб он на том креста не целовал, потому что в Московском государстве тово не повелося. Он же никово не послуша и поцелова крест на том всем»⁷; «И его запись тут же, по которой он крест целовал всем православным хрестьяном. Понеже есть ни царственные книги глаголют, что царю крест целовати подручником своим, ни в безбожных бо языцех обретатца так. И по воле его быша тако»⁸.

Василий Шуйский. Миниатюра из Лицевого летописца XVII в.

⁶ Подробно об этом см.: Антонов Д.И. Указ. соч. С.181–198; Клятва на кресте как феномен русской средневековой книжности // *Источниковедение культуры. Альманах*. М., 2007. Вып.1.

⁷ Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т.14. Ч.1. С.69 (Новый летописец).

⁸ Там же. СПб., 1978. Т.34. С.213 (Пискаревский летописец). – Ср. краткое упоминание о «взаимной присяге» Шуйского и бояр в Мазуринском летописце (Там же. М., 1968. Т.31. С.151). Традиции оценки этого акта в историографии см., например: Черепнин Л.В.

Однако в период Смуты крестоцелование Шуйского не осталось уникальным явлением: уже через несколько лет сама идея о том, что царь клянется подданным, стала казаться закономерной многим русским людям. Это видно в массе текстов 1610–1611 гг., посвященных призыванию на российский престол иноземных правителей. Документы, составленные тушинским, а затем «великим» посольствами и отправленные Сигизмунду под Смоленск, с просьбой прислать на Московский престол его сына Владислава, как и грамоты, рассылавшиеся в это время по России, содержали подробное описание того, «...а ему *государу по которой мере быть на росишском государстве*»⁹. В 1611 году то же самое происходило в Новгороде при переговорах со шведами и подготовке договора новгородцев с Делагарди.

Ключевую роль в грамотах, направляемых польскому королю, а также в Посольском наказе 1610 г. играл вероохранительный аспект: Владислав должен был обязаться хранить веру, не строить в России инославных церквей (в документах второго посольства запрещалось даже возведение единственного католического храма в Москве), не пускать в страну «жидов» (иудеев), казнить православных за переход в иную веру, не иметь сношений с римским понтификом по вопросам веры, жениться на православной. Жесткие меры, направленные на охрану веры, безусловно, должны были начаться с перекрещивания самого Владислава, однако в договоре, заключенном под Москвой, этот принципиальный вопрос был отложен до переговоров, «как бы меж государями и их государствы о всем докончание учинилось». Королевич должен был венчаться по чину московских государей и не изменять их титулатуру; жаловать и судить, как было при прежних царях. Кроме этого, оговаривались условия межгосударственного взаимоотношения: вывод войск Сигизмунда из России, возвращение захваченных территорий, обмен пленными, запрет жаловать поляков землями на границе между государствами и т.п.¹⁰ Отдельно Владиславу была направлена грамота от патриарха с убеждением принять истинное крещение.

Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С.155.

⁹ СГГД. Т.2. С.392 (Здесь и далее курсив в тексте источников мой. – Д.А.).

¹⁰ См.: Там же. С.392–405. – В рассылаемых по России грамотах о крестоцеловании Владиславу подчеркивалось, что «ему быть государем царем в нашей православной христианской вере греческого закона» (См., например: ААЭ. Т.2. С.279. Ср. в разрядных записях: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. (7113–7121 гг.). М., 1907.

Таким образом, в соответствии с этими документами, а также с августовским договором 1610 г., скрепленном взаимными присягами бояр и Станислава Жолкевского, будущий русский государь должен был получить целый набор предписаний о том, как необходимо править (причем один из пунктов обязывал царя совещаться с боярами для принятия важных решений). В подобных текстах представления о характере власти были уже совершенно иными, нежели в памятниках XVI столетия.

К моменту составления этих договоров в сознании людей существовала идея не только о том, что государя возможно ограничить во власти, но и о том, что его можно «свести с государства». В Окружной грамоте 1610 года прямо говорится, что люди не хотели служить Шуйскому и били ему челом, «чтоб государь государство оставил»¹¹. Похожие утверждения повторяются в массе документов этого периода.

Несмотря на беспрецедентность всего происходящего в стране в последние годы Смуты, низложение человека, помазанного на царство, не могло не вызвать резкой отповеди у многих современников. Ярким обличителем такого акта стал патриарх Гермоген, составивший «воззвание ко всему русскому народу» о незаконном сведении с престола царя Василия Иоанновича. Уже вводная фраза «воззвания» заставляет понять весь драматизм события: «Бывшим братьям нашим, ныне же и неведаем как и назвати вас, понеже во ум наш не вмещается сотворенная вами, ни слуха наши никогда же таковых прияша, ни в летописаниих видехом, каковая невместимое человеческому уму содеяшася вами»¹². Восстание на Богом помазанного правителя – прямое отступление от веры и прилепление к сатане. Грамоты включают характерные утверждения относительно царской власти и греха клятвопреступников: «и аще и живи, а отпадением от веры паче же и от Бога мертвы суть»; «всякая власть от Бога дается», «туне или не знаючи, яко *Всеvyšний владеет царством человеческим и ему же хочет и дает*», «восташа бо на царя, его же избра и возлюбил Господь, забывшее писаного: существом телесным равен есть человеком царь, властью же достойнаго его величества

С.57). *Об отличиях между февральским и августовским договорами см., например: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн.2. С.159–162.*

¹¹ ААЭ. Т.2. С.389.

¹² Там же. С.286–288. – Ср. начало послания Гермогена тушинцам: Карташев А.В. *История русской церкви. М., 2004. С.535.*

приличен Всевышнему, иже надо всеми Богу, и паки писано: *царьское поставление Божий жребий есть, кому хочет, тому дает*¹³. Патриарх апеллирует к известной идее византийского дьякона Агапита (VI в.) о том, что государь подобен своей властью Богу, а кроме того, дважды использует топонимическую фразу о Божественной природе власти, восходящую к Писанию (Дан 4:22; 5:21; ср.: 1 Кор. 12:11). В «Повести временных лет» тот же топос включен в традиционную модель, объясняющую установление как праведной, так и неправедной власти Божьей волей: «Аще бо кая земля управит пред Богом, поставляеть цесаря и князя праведна, любяща суд и правду, и властеля устрает, судью, правяща суд. Аще бо князи правдиви бывають на земли, то много отдаються согрешения, аще ли зли и лукави бывають, то большее зло наводит Бог на землю ту, понеже глава есть земли»¹⁴. Идея восходит к творениям Иоанна Златоуста: царь-мучитель посылается людям в наказание; судить его может лишь Бог, подданные должны со смирением нести этот крест¹⁵. Самовольное низложение правителей расходится с типичным для русского Средневековья представлением о богопоставленности власти.

И присяга Василия Шуйского, и насильственное лишение его власти (без убийства и «разоблачающего» мифа, как произошло с Лжедмитрием) оказались действительно уникальными событиями. Ни клятва царя подданным, ни четко прописанные условия, ограничивающие власть самодержца, ни возможность на легальных основаниях низложить неугодного царя не вошли в русскую политическую культуру XVII века. Эти яркие прецеденты лишь свидетельствовали об общем изменении в восприятии власти, о десакрализации фигуры правителя. Более важное событие, определившее контуры многих будущих процессов, заложившее основу для трансформации всей системы власти и подданства, случилось гораздо раньше, в момент избрания на престол Бориса Годунова. В январе 1598 года смерть бездетного

¹³ ААЭ. Т.2. С.286–289.

¹⁴ Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). СПб., 2000. Т.1. С.182.

¹⁵ См., например: *Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание*. М., 1983. Кн.1. С.144; *Мерило праведное по списку XIV века*. М., 1961. Л.29. Ср.: Дьяконов М.А. *Власть московских государей*. СПб., 1889. С.26–53; Свобода М. *Образ царя во «Временнике» Ивана Тимофеева // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ)*. СПб., 2001. Т.52. С.393; Чичерин Б.Н. *История политических учений*. М., 1869. Ч.1. *Древность и Средние века*. С.98–110.

Федора Ивановича положила конец наследственной системе – передаче власти от отца к сыну. На престол готовился взойти не прирожденный государь. Патриарх Иов и люди, причастные к организации избирательной кампании Годунова, сделали все возможное, чтобы убедить современников в том, что царем может быть не только представитель прервавшейся Богоизбранной династии (которую возводили к «обладателю вселенной» Октавиану Августу), но и боярин, бывший государев слуга и холоп; что царя можно избрать на царство; наконец, что Борис – единственный человек, угодный Богу и достойный занять священный престол «Третьего Рима».

Результат усилий оказался неоднозначным. Годунов получил Мономахов венец и правил более пяти лет, однако перед смертью начал проигрывать в борьбе за умы «воскресшему» царевичу Дмитрию. После внезапной кончины Бориса самозванец легко занял трон: люди поддерживали сына прирожденного царя (Грозного), а не сына выбранного государя. Новый для культуры избирательный канон, созданный в 1598 году, оказался слабее традиционного мифа о наследственной природе власти. Именно этот миф, с большим или меньшим успехом, год за годом воспроизводили новые самозванцы.

Казалось бы, модель избрания еще больше дискредитирует себя после насильственного низведения с престола Василия Шуйского. Оба избранных государя, по мнению многих современников, были ложными и грешными царями. В начале 1610-х годов популярность набирала другая идея: призвать на царство инославного правителя, перекрестить его и получить православного государя царских кровей («прирожденного» царя) – в контексте этих представлений и велись переговоры с Речью Посполитой и со Швецией. Тем не менее избирательная модель оказалась более успешной и в феврале 1613 г. привела на престол Михаила Романова. Более того, объяснения, сведенные воедино весной–осенью 1598 г., оказались настолько продуманы, логичны и востребованы в контексте будущих событий, что их воспроизводили вновь и вновь на протяжении всего XVII столетия. Так прецедент (возведение на трон Годунова) превратился в канон – канон избрания царя. Этот непредсказуемый в 1598 году результат стал несомненной удачей патриарха Иова и его сторонников – удачей не меньшей, чем коронация Бориса.

Ключевые документы, в которых утверждались права Годунова на престол, – Соборное определение об избрании на царство (весна 1598 г.) и две редакции Утвержденной грамоты (первая датирована июлем, ос-

новая часть составлена, видимо, раньше – в марте–апреле; во второй значится дата 1 августа, а подписи проставлены на рубеже 1598–1599 годов, после венчания Годунова)¹⁶. Авторы этих текстов впервые попытались обосновать права выборного лица на престол Московского государства. Их аргументы дополнялись от памятника к памятнику, но развивали одну логическую нить, успешно найденную уже в начале года.

В Соборном определении рассказано о том, как Иван Грозный «передал» Федора, своего сына, Борису Годунову («его же изначала предъизбра Бог и возлюбил»), а затем «приказал» ему и все царство. Затем сам Федор, исполняя волю отца и «по своему приятельству», вручил царство Годунову¹⁷. Следовательно, Борис получил власть по завещанию истинных государей. Далее авторы перечисляют достоинства боярина и приводят примеры избрания царей из мировой истории (библейские Давид и Иосиф Прекрасный, византийские императоры). Наконец, внезапно порывая с традицией, заявляют: «не на благородство зрит Бог любящих Его, но благоверия предъизбирает сохранением Божественных заповедей»¹⁸ – смелое утверждение для людей, которых с детства убеждали, что власть может принадлежать исключительно «природным» царям.

Следующий аргумент связан с обстоятельствами самого избрания. В тексте подробно перечислены все представители общества, «чины», которые единогласно молили Годунова, чтобы он взошел на престол. Увидев единодушное желание людей, патриарх Иов произнес ключевую фразу: «глас бо народа – глас Божий»¹⁹. Годунов предъизбран на царство

¹⁶ Две редакции Утвержденной грамоты сохранились в ряде списков; ранняя – в списках Навроцкого и Малиновского, поздняя – в Соловецком, Строгановском, Плещеевском, Толстовском списках (См.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С.227–228; Мордовина С.П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С.127–141; Павлов А.П. Соборная Утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т.10. С.206–225; Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978. С.103–105; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып.2. Ч.1. С.166–169; Шмыкова М.Л. Избирательная кампания 1598 года и обоснование прав Бориса Годунова на престол // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. Ижевск, 2005. №7. С.136–146.

¹⁷ ААЭ. Т.2. С.14. – Ср., например, в Повести о житии царя Федора Ивановича (БЛДР. СПб., 2006. Т.14. С.86).

¹⁸ ААЭ. Т.2. С.16.

¹⁹ Ср. то же у Конрада Бусова (Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитри

Всевышним²⁰. Речь идет не о демократической процедуре, где большинство определяет лучший выбор. По сути, воля народа – только внешнее проявление Божьей воли²¹.

Та же аргументация была развернута в ранней редакции Утвержденной грамоты. Ее составители подробно рассказывают о правителях России – с императора Августа, к которому возводился род киевских и московских князей, по смерть бездетного Федора. Они утверждают, что и Иван Грозный, и сам Федор завещали царство Годунову²²; рассказывают, как овдовевшая царица Ирина отказалась править и приняла постриг под именем Александры; как Освященный собор, царский синклит и «всенародное множество» молили Бориса взойти на престол, указывая боярину, что его предызбрал Господь и ему необходимо подчиниться Божьей воле; цитируют Библию, говоря, что царская власть – Божий дар, и приводят примеры избрания из библейской и византийской истории (на царство были избраны Давид, Иосиф, Константин и другие праведники, в том числе византийский император Василий I Македонянин, который был «конюшим», как и Борис)²³. По сути, авторы апеллируют к византийской модели власти: императором может стать любой человек, если он признан Божьим избранником. В Заздравной Чаше Годунова, которую составили осенью, после коронации, эту идею подчеркнули уже в первой фразе: «...Богом избранного и Богом почтенного, Богом преукрашенного, Богом дарованного, Богом венчанного, Богом помазанного великого государя и великого князя Бориса Федоровича...»²⁴.

Самозванце. СПб., 1831. Ч.1. С.8).

²⁰ ААЭ. Т.2. С.14.

²¹ *Идея неизменно повторяется в памятниках, описывающих «истинное» избрание царя (Годунова, Шуйского, Романова). Л.В.Черепнин выделял это представление в Новом летописце (Черепнин Л.В. «Смута» и историографии XVII в. (из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. М., 1945. №14. С.83).*

²² *Древняя российская вивлиофика (далее – ДРВ). М., 1788. Ч.VII. С.38–39.*

²³ ААЭ. Т.2. С.16. См. также: Успенский Б.А. *Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С.139 (примечание).*

²³ *Ср. то же у Конрада Буссова (Устрялов Н.Г. Указ. соч. С.8).*

²⁴ *БЛДР. СПб., 2004. Т.10. С.558. – Многие эпитеты были заимствованы из Утвержденной грамоты (ДРВ. Ч.VII. С.87, 101, 102). В Чаше Ивана IV таких фраз нет (см.: Там же. С.556). Похожие эпитеты применялись к царям и прежде – «Богодарованный», «Боговенчаный» (См., например, в Степенной книге: БЛДР. СПб., 2003. Т.12. С.516), однако*

Борис Годунов. Миниатюра
из Лицевого летописца XVII в.

После этого в Утвержденной грамоте говорится, что Борис отказался от царства и удалился из столицы. Решение проблемы отложили до созыва в Москве собора, на котором через людей должна была проявиться святая Божия воля²⁵. 17 февраля съехавшиеся со всей страны люди слушали патриарха Иова и бояр. От лица Освященного собора и всех, бывших при смерти Федора, патриарх говорил, что никто не видит иного кандидата, кроме Годунова. Бояре рассказали, что Иван Грозный «приказал своих детей и царство Борису», а сам Федор, после победы над Казы-Гиреем, возложил на «царского слугу» золотую цепь русских государей. В этом усмотрели действие Святого Духа, указание на грядущие события²⁶. Наконец, все

участники Собора «единомысленно» решили молить Годунова взойти на престол. Увидев абсолютное единодушие людей, патриарх убедился, что оно послано Богом, и «разрешил» Бориса от клятв, которыми он отрекался от царства. Более того, Иов решил отлучить его от церкви и прекратить служение в храмах, если боярин будет упорствовать и дальше. Участники Собора договорились целовать крест Борису, обещая не искать иных государей и не творить измену. После этого люди всех чинов, ведомые патриархом, взяв с собой чудотворную икону Владимирской Богоматери, пошли молить Годунова и вновь получили отказ. Однако инокиня Александра, после многочасовых слезных просьб, согласилась благословить брата – это сломило Бориса, и он дал согласие.

Рассказ Утвержденной грамоты хорошо продуман и выстроен: каждое логическое звено удачно дополняет предыдущее. Основа всей модели –

добавление фразы «Богом избранного» создало новый контекст.

²⁵ ДРВ. Ч. VII. С. 51.

²⁶ Там же. С. 58–59. – Ср. также в Повести о жизни царя Федора Ивановича патриарха Иова (БЛДР. Т. 14. С. 86).

известное представление о том, что подлинным источником власти является лишь Господь. «Преемственная» идея («завещание» прирожденных государей) сближает акт избрания и традиционную систему передачи власти. «Историческая» (примеры из священной и византийской истории) свидетельствует, что избрание не новое и не уникальное явление, а, следовательно, угодно Богу. Третье обоснование прав Годунова на трон – единодушие людей, «единомысленно» возжелавших видеть его царем. Мысль о том, что это действие Святого Духа, повторяется в самых разных формулировках²⁷. При этом действие Промысла авторы усматривают в целом ряде событий – от возвеличивания Годунова при Иване и Федоре до всеобщего желания людей видеть его на царстве.

Четвертый аргумент не так очевиден. Это рассказ об отказах Годунова от царства. Искреннее нежелание боярина покуситься на «высокое» царское место должно свидетельствовать о его глубоком смирении (в средневековом православии смирение почиталось как ключевая и важнейшая добродетель). Подлинным избранником становится человек, который не смел даже помыслить о столь высокой чести. Эта идея подчеркивается библейским примером: Иосиф царствовал в Египте против своего желания, подчиняясь лишь Божьему промыслу. В более кратком виде та же мысль повторялась в грамотах, рассылавшихся из Москвы²⁸.

Естественно, что долгие отказы и долгие уговоры избранника укрепляют авторитет его власти и повышают «кредит доверия», полученный от общества. В древнерусской культуре похожая практика известна по рассказам об «умолении и понуждении» людьми избранного митрополита, отказывавшегося встать во главе Церкви. Такие описания (а вероятно, и модель поведения святителей) были связаны с 14-м апостольским правилом, где говорится о невозможности перехода епископа с одной епархии на другую – это признавалось допустимым, только если было необходимо для Церкви, сопровождалось особым «приговором» епископов и «понуждением» самого пастыря²⁹. В ситуации, когда потребовалось избрать не святителя, а государя, сработали те же принципы.

²⁷ Ср. в Библии: 2 Пар. 30:12.

²⁸ См., например, грамоты патриарха Иова о восшествии Годунова на престол (РГАДА. Ф.156. №76; ААЭ. Т.2. С.144–151; СГГД. Т.2. С.1–6).

²⁹ Л.В.Черепнин предполагал, что сын Ивана IV Федор был также избран на царство, и существовала Утвержденная грамота 1584 г. Источники действительно упоминают «собор», проходивший в Москве после смерти Ивана Грозного, однако гипотеза о том,

Вторая редакция Утвержденной грамоты разворачивает аргументацию предыдущих документов. Повествовательная канва, за исключением некоторых деталей³⁰, остается той же. Главное отличие – в крайнем усилении трех идей: о всеобщем единодушии при избрании (проявление Божьей воли), о глубоком смирении претендента (долгие отказы) и о том, что мольбами людей руководит Высший промысел.

Прежде всего, по-новому описан февральский Собор. Оказывается, что кандидатуру Годунова предложил не патриарх Иов и не бояре, которые хвалили конюшого. Идею об избрании Бориса выдвинули люди всех чинов и «все христиане», находившиеся в абсолютном единomyслии. Бориса изначально молили все, включая младенцев³¹.

Далее оказывается, что Годунов не только упорно отказывался от царства, но предлагал править патриарху с боярами, а сам хотел лишь помогать им управлять страной. В конечном счете, Борис «неволей» стал государем³².

Наконец, мысль о том, что всенародное единство было не выбором, а чудом, которое случилось «неисповедимыми судьбами Божиими», повторяется многократно. В уста инокини Александры вложена «программная» речь: вся власть исходит от Бога, и, не убедившись со всей очевидностью, что над людьми действует Высший промысел, нельзя и думать о возведении кого-то на престол. Рассказав это и увидев «единомысленное множество», Александра поняла, что в людях действует Божья воля. Последним поверил в это сам Годунов³³.

Главные идеи обеих Утвержденных грамот резюмированы в нескольких фразах: *«Искони мнози христианскии цари неводом судьбами*

что целью собора было избрание на царство законного наследника, не находит серьезных обоснований (См.: Черепнин Л.В. Земские соборы... С.126–131). Критику идеи Черепнина см., например: Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 2002. С.202. О 14-м апостольском правиле и «умолении» епископов см.: Успенский Б.А. Царь и патриарх... С.64–66.

³⁰ Вначале указывается, что Иван Васильевич «приказал» Годунову своего сына, но не царство, рассказано, что Федор наложил на Годунова не только цепь, но «царские багряницы его царьских плеч» и передал правителю «судно», обретенное Дмитрием Донским после победы над Мамаем (ААЭ. Т.2. С.25–28).

³¹ ААЭ. Т.2. С.19–20, 24–25. – Изменения в рассказе о февральском Соборе отмечала С.П.Мордовина (Мордовина С.П. Указ. соч. С.130–140).

³² ААЭ. Т.2. С.36.

³³ Там же. С.21, 32.

Божиими, и нехотяше скифетроцарствия предержати, царствоваху, на се наставляюще народ единогласие имети, о нем же Бог во ум положи ти им, якоже пишет: глас народа глас Божий»; Иосиф Прекрасный «аще и неволю влеком, но судьбами Божиими царствова во Египте»³⁴.

Так в 1598 году сформировался новый комплекс идей. Его составные части – отдельные мотивы и представления – были не новы, но, объединившись, они превратились в своеобразный чин избрания (предваряющий Чин венчания). Модель начала повторяться и варьироваться в самых разных текстах.

ПОСЛЕ ГОДУНОВА

Сын Бориса, Федор Годунов, ненадолго сменил отца на троне: Лжедмитрий быстро занял Москву, расправившись с семьей прежнего царя.

На один год была актуализирована традиционная модель передачи власти от отца к сыну (от Ивана Грозного к псевдо-Дмитрию Ивановичу). Но уже через год, после свержения Отрепьева, на престол взошел Василий Шуйский, и ситуация изменилась.

В 1606 году никакие соборы не проводились и Утвержденные грамоты не составлялись: Василий венчался в спешке, защищая столицу от войск Ивана Болотникова. Обоснование его прав на престол можно найти в Чине венчания и в известительных грамотах, составленных в конце мая 1606 года и разосланных по городам. Интересно, что Шуйский пытался утвердить свои права как прирожденный государь (так как род Шуйских родствен правившему роду Даниловичей-Калитичей). В грамоте «ко всем воеводам» говорится, что он получил престол «по степени» – от Рюрика и «римского кесаря» (Пруса, легендарного брата императора Августа). Жителям Перми сообщали, что Шуйский стал царем «по степени прародителей». То же утверждалось и в Чине венчания³⁵. При этом Василий использовал традиционную формулировку «старина наша», говоря о

³⁴ Там же. С.22; ДРВ. Ч.VII. С.44, 52; СГГД. М., 1813. Т.1. С.622, 623.

³⁵ СГГД. Т.2. С.303–304. – Ср.: ААЭ. Т.2. С.101, 105. Ср., например: Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина // БЛДР. Т.14. С.134.

наследственной передаче власти в Московском царстве³⁶ (в Чине венчания Годунова эту формулировку заменили на «старина их».)

И все же целый ряд документов 1606 года в кратком виде включал идеи, необходимые в рамках канона избрания, оформившегося восемь лет назад. В Окружной грамоте от бояр об убиении Лжедмитрия и избрании Шуйского говорится, что Господь «показал милость» людям и «объявил» им государя³⁷. В грамоте в Пермь кратко рассказано о том, что митрополит, весь Освященный собор и все люди, «прося у Бога милости», били челом Шуйскому, и тот принял всенародное прошение, становясь царем «по коленству» и по Божьей воле³⁸. Здесь мысль о Божественном избрании только намечается. Однако другой автор, составляя введение для Посольской книги, предпочел развернуть всю модель Утвержденных грамот. Он поведал о единогласном молении людей всех чинов по действию Святого Духа, об отказе Шуйского, о том, как его убеждали не противиться воле Всевышнего и помнить, что глас народа – глас Божий, и о конечном согласии смиренного боярина³⁹.

Книжники, которые видели в Шуйском законного правителя, обращались к тем же идеям. Сказание о царстве царя Федора Иоанновича говорит читателям, что люди всех чинов молили Бога о милости, после чего Господь явился многим из них и вложил всем в сердца желание видеть на престоле именно Василия. Народ «едиными устами» молил боярина принять царство, Шуйский отказывался. Ведомые Святым Духом, люди убеждали претендента: «Не мы тебя избираем, но Бог тебя избрал нам», боярин согласился лишь после долгих всенародных молений⁴⁰. Это не мешает автору упомянуть и то, что Шуйский происходит от «царского корня».

³⁶ ААЭ. Т.2. С.105. – Ср., например, в чине венчания Ивана Грозного (Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т.1. С.43–44), Дмитрия-внука (*L'idea di Roma a Mosca: secoli XV–XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale Russo / Идея Рима в Москве XV–XVI века: Источники по истории русской общественной мысли / Отв. ред. П.Каталано, В.Т.Пауто. Roma, 1993. С.68*). В Чине венчания Михаила Романова эти формулировки были попросту опущены (СГГД. М., 1822. Т.3. С.70–87).

³⁷ СГГД. Т.2. С.301.

³⁸ ААЭ. Т.2. С.101.

³⁹ Сборник имп. Русского исторического общества. М., 1912. Т.137. С.196–197.

⁴⁰ Русская историческая библиотека. Т.13. Стб.832–833.

Но самое интересное произошло в 1613 году, при избрании на царство Михаила Романова, когда ситуация 1598 г. оказалась повторена во всех ключевых деталях. В Москве действовал Избирательный собор. К претенденту организовали крестный ход. Выбранный боярин также находился в монастыре (на этот раз не подмосковном Новодевичьем, а костромском Ипатьевском). Люди так же несли чудотворные иконы. Так же умоляли о согласии не только будущего царя, но и его ближайшую родственницу (на этот раз не сестру, а мать). Михаил, как и Борис, долго отказывался...⁴¹ Вполне вероятно, что участники сознательно воспроизвели чин избрания, ориентируясь на прецедент 1598 г. Члены посольства подробно описывали свои многократные мольбы и отказы смиренного юноши⁴². В массе документов, рассылавшихся от имени Земского собора (грамоты об избрании Михаила Романова, Наказ костромским послан и др.) утверждалось, что новый царь избран Богом, а единомышленное движение сердец – посланное людям чудо. В итоге была составлена Утвержденная грамота, которая полностью копировала грамоту Бориса Годунова. Историю развернули по готовому сценарию: идея о родстве боярина с прежней династией, «завещание» престола «царскому брату» Федору Никитичу Романову⁴³, единодушное моление людей всех чинов и возрастов по действию Святого Духа, долгие отказы инокини Марфы и Михаила в Костроме, мысль о том, что многие люди царствовали судьбами Божиими «и не хотяще» и т.п. При этом избрание Бориса в 1598 году представи-

⁴¹ Л.Е.Морозова охарактеризовала повторившиеся события 1598 и 1613 годов как «сложную и растянутую во времени процедуру возведения на престол», разработанную на рубеже XVI–XVII вв. (Морозова Л.Е. Монастырь как место наречения на царство выборных царей в России конца XVI – начала XVII века // Церковь в истории России. М., 1997. Сб.1. С.149).

⁴² См., например: Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. Приложения. С.289–357; особ.: 310, 315, 319, 330–333, 346, 353, и др.

⁴³ В Утвержденной грамоте 1613 года Борис Годунов упоминается в «завещании» Федора на третьем месте, после Ф.Н.Романова и патриарха Иова. Годунов и Шуйский рассматриваются в документах, созданных в начале правления Михаила Романова как законные правители, однако прямая связь выстраивается между Федором Ивановичем и Михаилом Федоровичем (См. также: Тарабарина Ю.В. Чин воцарения Михаила Федоровича как часть символической программы утверждения династия Романовых // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции. 2000. М., 2002. Вып.IV. С.10–14).

ли как праведный акт, а самого Годунова (несмотря на массу обличительной литературы, появившейся после 1605 г.) – как благого правителя⁴⁴.

Появились в тексте и некоторые любопытные изменения. Мысль о том, что судьба Михаила predeterminedена Богом, подчеркнута новой формулировкой: молодой Романов, отказывавшийся от престола, назван *царем, не хотящим царства*. По действию Святого Духа люди узнали единственно верного человека, которому от рождения было суждено править Россией⁴⁵. Кроме того, авторы упомянули, что избранию царя предшествовал трехдневный пост и всенародное покаяние. Идея чудесным образом получить истинного государя после всенародного поста и молитвы возникла и распространилась в «видениях» Смутного времени⁴⁶. Участники Собора, по всей вероятности, действительно постились, а в Утвержденной грамоте этот факт использовали как дополняющий аргумент.

Отдельные элементы избирательного канона можно встретить в разных текстах XVII века⁴⁷. Они использованы в документах 1682 года об избрании Петра, а затем (после бунта стрельцов) Петра и Ивана Алексе-

⁴⁴ В документах, созданных зимой–весной 1613 года, Годунов и Шуйский не подвергались осуждению, однако в отписке костромских послов о согласии Михаила взойти на престол избрание Романова противопоставляется избраниям царей в 1598 и 1606 годы: «А прежние государи, царь Борис сел на государство своим хотением, изведчи государственной корень, царевича Дмитрея <...> А царя Василия выбрали на государство немногие люди...» (Морозова Л.Е. *Россия на пути из Смуты... Приложение*. С.333).

⁴⁵ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1906. Кн.3. Отд.1. С.56–59. – Как отмечал Д.В.Цветаев, примирить современников с самой идеей избрания государя могло лишь представление о родстве претендента с прежней династией и мысль о том, что избрание являлось «не чем иным, как способом проявления воли Божией, кому быть царем, средством познания этой воли» (Цветаев Д.В. *Избрание Михаила Федоровича Романова на царство*. М., 1913. С.71). Ср. также: Успенский Б.А. *Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Этюды о русской истории*. СПб., 2002. С.154.

⁴⁶ БЛДР. Т.14. С.212. Ср.: С.200.

⁴⁷ См., например: Белокуров С.А. *Разрядные записи... С.63; Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии*. СПб., 1850. Т.1. Стб.13–14; 21, 41 и др. – Идеи, определившие канон, могли принимать разную форму и сочетаться с иными представлениями (прежде всего о наследственном характере истинной власти).

вичей на царство⁴⁸. В одной из редакций (конца XVII в.) переводной Повести о преподобном папе Григории⁴⁹ по той же модели оказывается избран римский понтифик: на единственного верного претендента чудесным образом указал Господь, избранник не соглашался, ему говорили, что недопустимо противиться воле Бога, и, в конце концов, насильно возвели на кафедру⁵⁰. Однако самый интересный для нас случай имел место при избрании на патриарший престол Никона в 1652 году. Новгородский митрополит и будущий патриарх, по собственному описанию, разыграл чин избрания не хуже Бориса Годунова и Михаила Романова: отказывался от предлагаемого сана, провоцировал долгие мольбы «всех людей» и указывал на Божий промысел. Кроме прагматических мотивировок (получить санкцию на готовящиеся нетипичные действия – модель поведения Ивана Грозного в 1564/1565 гг., перед введением опричнины), Никон явно мог

⁴⁸ В документах 1682 года об избрании Петра на царство говорится о Высшем промысле, о челобитье патриарха, людей всех чинов и всех православных христиан, причем патриарх, рассказывая историю Романовых, спрашивает у думы, служилых людей и народа, кому быть преемником Федора Алексеевича и получает боговдохновенный ответ от «всенародного множества» (ДРВ. Ч.VII. С.375–377; СГГД. М., 1828. Т.4. С.413–414). Избрание на престол Ивана вместе с Петром, произошедшее вскоре в результате бунта, получило схожие обоснования (РГАДА. Ф.156. №87. Л.1–4 об.). Ср. описания выборов Василия Шуйского и Михаила Романова в «Рукописи Филарета» (Сборник Муханова. Изд.2. СПб., 1866. С.265, 329–330 и др.).

⁴⁹ Редакция Московской типографской библиотеки. Повесть (под разными названиями) сохранилась более чем в ста списках, датированных XVII–XIX веками. Это самое популярное на Руси сочинение, в основе которого лежит Эдипов сюжет. Основная часть списков тяготеет к тексту Римских деяний либо (большинство известных) к так называемой Краткой редакции (Опубликована В.Н.Перетцем по списку Ундольского №632); наиболее ранние списки датируются началом XVII в., вопрос о времени появления на Руси окончательно не прояснен (См.: Гудзий Н.К. Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т.15. С.177–191; Краткая редакция: Университетские известия. Киев, 1907. №9. С.49–52; Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып.3. Ч.3. С.157–161. См. также: Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. (Проблемы средневековой народной культуры. Культура и общество средневековой Европы глазами современников). СПб., 2007. С.514).

⁵⁰ Гудзий Н.К. Указ. соч. С.182–184. – О западном варианте Жития см.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехетрла XIII века). М., 1989. С.332.

руководствоваться прецедентами Смутного времени, демонстрируя обществу: он обретает власть на тех же основаниях, что и цари.

Рассказ об избрании содержится в «перехваченной грамоте» 1665 г. (текст которой Никон пытался переправить восточным патриархам в ожидании Московского собора 1666 г.)⁵¹. Замечательно, что здесь чин избрания представлен не со стороны (в описаниях организаторов / очевидцев процедуры), но изнутри, в самоописании избираемого претендента. «И по неколиких днех бысть слово во благочестивейшем царе и великом князе Алексие Михайловиче, всея Великия России самодержце, и во всем сигклите, и во всем священном чину, в митрополитех, и во архиепископех, и епископех, и во всех людех, яко да изберется на Московское патриаршество патриарх, *о нем же Бог благоволит. И бысть слово, яко от единых уст, во царе и в честном его сигклите, и во всем священном соборе, и во всех людех о нашем смиренши, яко да будет наша худость патриархом Московским и всеа России. Яве же и нам бысть. Сего ради не восхотехом и на собор приходити. И убо званным нам от царского величества и от его царского сигклита, от бояр, и от священнаго чина не единою, ни дващи, но многажды, и не восхотехом приити. Потом же благочестивейший царь присла честных своих бояр несколько и от митрополитов, и архиепископов, и от священных архимандритов, и игуменов, и протопопов, и от протчих честных людей, без воли моя от дому моего извлекше мя на собор нуждею <...> И благочестивейшему царю со всем собором молившу нас много, яко да будем патриархом Московским и всеа России. И мне намного отрицающуся, яко несмы таковыя меры да архипастырем буду, *занеже есмь смирен и неразумен* и не могу паствити стадо Христово словесных овец. И многу тому времени бывшу, Господь Бог свидетель, яко тако есть. Царю преклоншуся на землю и лежащее со всеми людьми, и со многими слезами моляше нас, яко да будем архипастырем. И не могах презрети царского моления, помянух писанное яко *"царево сердце в руце Божии"*»⁵². Веря,*

⁵¹ См. подробнее: Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. С.610–611.

⁵² Там же. С.612–613. – О последовавшем (по требованию Никона) обещании царя «ни во что священное не вступаться» упоминается в посланиях патриарха Алексею Михайловичу (Ср.: Там же. С.423). В то же время рассказ о действиях самого Никона известен только в приведенном варианте.

Описания избрания патриарха в 1652 г. в историографии традиционно основываются на

ЦАРЬ ИЗБРАННЫЙ И ЦАРЬ СВЕРЖЕННЫЙ

что избание произошло по Божьей воле или, по крайней мере, рассчитывая, что так воспримут это участники процедуры, Никон мог действовать резко и решительно. Это вполне соответствовало и его характеру, и его планам.

* * *

Сложившийся в 1598 году чин избания – одно из самых важных и ярких явлений Смуты. Эта модель отразила трансформации и в политической ситуации, и в политической философии Московской Руси. Она легитимировала династию Романовых, но одновременно открыла путь для конкурирующей модели – самозванства. Миф о возвращении истинного правителя воспроизводился вплоть до XX столетия. И все же, несмотря на определенную уязвимость (и в XVII, и в XVIII вв. многие простолюдины с готовностью встречали вести о появлении очередного «природного» царя), избирательный канон был великолепно продуман и обладал необходимой устойчивостью, обеспечившей ему долгое историческое существование.

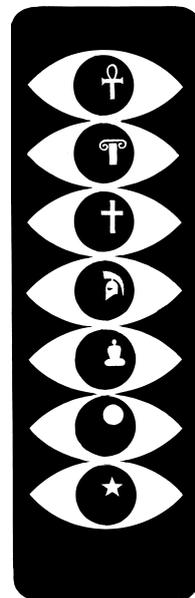
рассказе из «перехваченной грамоты». Предполагается, что Никон достоверно описывал события, так как впоследствии упоминал о них на суде перед царем, не боясь обличения во лжи (См., например: Андреев И.А. Алексей Михайлович. М., 2006. С.192–193; Богданов А.П. Патриарх Никон // Вопросы истории. 2004. №1. С.63; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч.1. С.8–9; Митрополит Макарий (Булгаков). История русской Церкви. М., 1996. Кн.7. С.19; Его же. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881. С.4–8; и др.).

При Екатерине показались первые искры
национального самолюбия,
просвещенного патриотизма, при ней
родились вкус, общественное мнение,
первые понятия чести, о личной свободе,
о власти законов.

В.О. Ключевский

История показывает нам, что великие государственные люди для успешного выполнения своих задач гораздо более нуждаются в общении с широкими кругами людей и в большем житейском опыте, чем в глубокой эрудиции...

Эдмунд Бёрк

Анна Зернова

«ВЛАСТЬ БЕЗ ДОВЕРИЯ НАЦИИ — НИЧТО»

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА
ЕКАТЕРИНЫ II В ПРОПОВЕДЯХ НА
ОТКРЫТИЕ НАМЕСТНИЧЕСТВ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

The author analyzes principal strategies the Church hierarchs of the Catherine the Great reign employed at the ceremonies of vicegerency openings for substantiation of the provincial governance reform as well as for explanation of ideas related to the role of justice and court bodies in life of the society and the state. A sermon is considered as an effective instrument that allowed providing information about domestic and foreign policies actions of the supreme power. Though the principal aim of a sermon had to be spiritual instruction on the execution of Christian virtues by the flock, the civic function of s sermon, i.e. conveying of the state ideology and its fastening in conscience of the Russian sovereign subjects of various standings was increasing in a quite visible way.

Ключевые слова: Губернская реформа; проповедь; государственная идеология; Екатерина II, судопроизводство.

Key words: provincial government reform, sermon, the state ideology, Catherine II, legal proceedings

E-mail: a-zluchka@mail.ru

¹ Статья написана в рамках проекта «Идеологические модели культуры в истории России Средневековья и раннего Нового времени (исторические и историографические аспекты)», финансируемого федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013.

Работая над «Наказом Уложенной комиссии»², императрица Екатерина II уже в первые годы своего правления размышляла над тем, насколько важно понимание ее подданными законов, которым должно подчиняться, а также сколь важно сделать понимание законов доступным всеобщему разумению. «Желаю не рабов, но чтобы повиновались законам. Власть без доверия нации – ничто» – писала императрица. В итоге в «Наказе» появилась статья о том, что, написанные «простым языком», российские законы должны были быть собраны в книгу, «которую бы за малую цену достать можно было наподобие букваря»³. Но для разъяснения подданным проводимых преобразований такого «букваря» (так, кстати, и не появившегося) явно было недостаточно; а потому требовалось обращение к традиционному каналу передачи нравоучений и назиданий – к церковной проповеди⁴.

Проповедь являлась целостным коммуникативным инструментарием, позволявшим в понятном, авторитетном для православных подданных ключе донести информацию о важнейших внутри- и внешнеполитических акциях верховной власти, снять порожденное противоречиями переходной эпохи напряжение, создать ощущение равновесия между современностью и духовной традицией. Эту функцию проповеди использовали российские правители XVIII столетия и до Екатерины II; не случайно, что этот инструментарий был востребован и в ее правление.

Естественно, основной задачей проповеди по-прежнему оставались катехизация паствы и постоянные наставления об исполнении общехри-

² *Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб., 1907.*

³ *Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII. Ч. 2. С. 614–615.*

⁴ *Общезвестна ключевая роль риторики в разрешении культурных и коммуникативных кризисов: «Возрастание интереса ко всему аппарату классической риторической теории <...> предполагает кризис коммуникации: между королем и советником, между противоборствующими политическими или религиозными партиями или группировками, между личными врагами, между педагогами с противоположными воззрениями, между конфликтующими профессиональными классами и общественными группировками, между носителями христианской истины, их оппонентами и остальной массой человечества» (Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // *Новое литературное обозрение*. 1999. №38. С.67).*

стианских добродетелей, но в XVIII веке у проповеди появляется и четко выраженная гражданская функция, заключающаяся в трансляции идеологии и закреплении государственных идей в сознании подданных различного социального статуса. Церковное поучение в эту эпоху перестает быть только жанром церковного красноречия – оно все более чутко реагирует на запросы светской власти, следуя не только церковному, но и государственному календарю.

Практически каждое значительное событие в жизни государства и общества – восшествие на престол Екатерины, дни ее и членов императорской семьи тезоименитств, секуляризация церковных имуществ, путешествия монархини, созыв Уложенной комиссии, Чумной бунт, Русско-турецкие войны – находили отражение в проповедях виднейших церковных иерархов. Но ни одно событие, произошедшее за двадцатичетырехлетний период правления Екатерины II не нашло такого подробного истолкования в проповедях, как Губернская реформа 1775 года.

Безусловно, Губернская реформа относится к числу важнейших вех в модернизации России; она должна была унифицировать систему органов местного управления, отделить административные учреждения от судебных и, в перспективе, привить подданным вкус к гражданской активности на губернском и уездном уровнях. Чтобы добиться осознания подданными необходимости и значимости происходящих преобразований, заручиться их доверием к создаваемым в губерниях административным и судебным учреждениям, а также вселить готовность принять участие в выборах на гражданские должности в качестве избирателей и избираемых, верховная власть активно использовала «символические ресурсы культурного пространства»⁵. Государственно значимые идеи утверждались в сознании подданных через тщательно продуманный и регламентированный *церемониал* открытия наместничеств, очевидно, рассматривавшийся императрицей как «один из важнейших актов коммуникации царской власти и городского общества»⁶.

⁵ Ибнеева Г.В. *Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий*. М., 2009. С.360.

⁶ Куприянов А.И. *Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX в.* М., 2007. С.220.

Роль высшего духовенства в церемониале открытия наместничеств

Екатерина позаботилась о том, чтобы придать церемониям открытия наместничеств «характер дела государственной важности и официального торжества»⁷, каждый элемент которого нес в себе определенное смысловое и символическое значение. Для губерний составлялись специальные проекты, в которых по часам расписывались все мероприятия, начиная с утренних сигналов пушек и заканчивая ночными балами и фейерверками, а также действия всех основных участников торжества.

Значительная роль в церемониале открытия наместничеств отводилась высшему духовенству.

За несколько дней до начала церемонии губернскому архиерею направлялось уведомление о начале подготовки к открытию наместничества с объявлением о его участии в торжестве. Он должен был не только отслужить литургию «с благодарственным молебствием и колено преклонением» вместе с другими представителями «знатного духовенства» в соборной церкви, но и привести участвующих в выборах (а при окончании церемонии уже выбранных на общественные должности) к присяге, а также сказать «приличную сему торжественному дню проповедь»⁸, а в некоторых случаях – и речь при освящении присутственных мест.

В случае если в городе, где должна была состояться церемония открытия, не было архиерея, приглашали другого церковного иерарха; а если архиерей был в отъезде, ему направляли уведомление о необходимости приехать для участия в церемонии. Например, епископ Нижегородский и Алаторский Антоний (Зыбелин) принимал участие и читал проповеди на церемониях открытия Сибирского, Казанского, Нижегородского наместничеств.

Церковные иерархи приглашались на церемонии как лично императрицей, так и будущими губернаторами. Так, 25 января 1780 г. епископу Вологодскому и Белозерскому Иринею (Братановичу) был отправлен рескрипт Екатерины II «об оказании содействия генерал-губернатору А.П.Мельгунову в открытии Вологодского наместнического правления».

⁷ Там же.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.796. Оп.60. Д.311. Л.150, 154.

Монархиня писала: «я удостоверена, что ваше Преосвященство не оставите его (А.П.Мельгунова. – А.З.) в сем на пользу отечества устрояемом деле поспособствовать...»⁹. Аналогичное высочайшее указание получил и синодальный член Иннокентий, архиепископ Псковский и Рижский, сообщивший 22 ноября 1777 года во время очередного заседания Синода, что «Ея императорское величество Высочайше соизволила уволить его для присутствия при открытии новоучреждаемого во Пскове наместничества на оное время во Псков»¹⁰.

Сходные приглашения церковные иерархи получали и от генерал-губернаторов. 4 мая 1778 года в канцелярию Синода пришло доношение от епископа Смоленского Парфения (Сопковского) просившего «во исполнение высочайшей воли» позволить ему выехать в Псков, объясняя свой отъезд полученным от архиепископа Псковского и Рижского Иннокентия и графа Захара Григорьевича Чернышева сообщением о том, что «в силу высочайшаго Ея императорского величества именного повеления... господин губернатор в белорусском городе Полоцке в наступившем сего года мае месяце имеет открыть наместничество, а при том открытии рекомендует и мне бытии в Полоцке с моею свитою...»¹¹.

Проповеди церковных иерархов являлись неотъемлемой частью торжественного церемониала открытия наместничеств. Хотя в ходе церемонии подданным не раз зачитывались выдержки из «Учреждений для управления Губерний»¹², этого было недостаточно для утверждения в сознании слушателей понимания значимости происходящих масштабных преобразований. Именно проповедь просвещенного церковного иерарха, способного совместить в своем тексте идеи, взятые из манифеста императрицы, с христианской топикой и донести их до слушателей в понятной и доступной им форме церковного поучения, должна была воздействовать на восприятие подданными новой реформы. Таким образом, став частью проповеднического дискурса, идеи светской власти получали церковное освящение и утверждались в сознании паствы. Правда, не всей паствы, а лишь «благопристойной».

⁹ Государственный архив Вологодской области. Ф.496. Оп.1. Д.3380. Л.2.

¹⁰ РГИА. Ф.796. Оп.58. Д.443. Л.1.

¹¹ Там же. Оп.59. Д.178. Л.1.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т.XX. №14392.

Благодаря проектам об открытии наместничеств и отчетам об уже прошедших церемониях, мы точно знаем, кому были адресованы проповеди. В ходе литургии, молебна и проповеди в городской соборной церкви должны были присутствовать «губернские члены и благородное дворянство, купечество и поселянские поверенные», то есть все те, кто принимал активное участие в процессе выборов в новые учреждения. Кроме них, «дабы от множества народа не последовало... тесноты и помешательства», было разрешено пускать «только одних благопристойно одетых по рассмотрению Господина Обер-полицмейстера»¹³.

Корпус проповедей, произнесенных в связи с проведением Губернской реформы 1775 года, примечателен еще и тем, что состоит более чем из двадцати пяти «Слов», в то время как из поучений архиереев на другие реформы публиковались лишь по три–четыре наиболее выдающихся «Слова»¹⁴. В отличие от других проповедей, публикация которых могла растянуться на несколько лет, эти тексты направлялись в печать практически сразу после произнесения, что также выдавало стремление верховной власти как можно быстрее сделать их достоянием обществу. Например, «Слово о великих предметах высочайших учреждений» архиепископа Ростовского и Ярославского Самуила (Миславского) было опубликовано по указу Екатерины II, объявленному обер-прокурору Синода С.В.Акчурину через тайного советника

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 311. Л.151.

¹⁴ *Проповедь – это ораторский жанр, предполагающий однократное устное исполнение, но при этом устному произнесению проповеди всегда предшествует письменный текст. Этот момент для проповеди был конститутивным. Руководства по гомилетике предполагали, в первую очередь, составление письменного текста, а уж затем его запоминание и произнесение. Причем долгое время проповеди читались по тетради и только после указов императрицы Елизаветы Петровны от 17 марта 1745 года и 23 декабря 1751 г. начали заучиваться наизусть. Письменный текст нередко был рассчитан на публикацию: по указу Елизаветы Петровны от 27 марта 1742 г. публичные проповеди, произнесенные в высочайшем присутствии монарха, должны были издаваться отдельными книжками, дешевыми и доступными для подданных различного социального статуса. Наиболее выдающиеся проповеди, содержание которых по тем или иным причинам синодальные члены, а иногда и сама императрица считали нужным донести до подданных, печатались вне зависимости от присутствия при их чтении императрицы. Нами были исследованы все опубликованные проповеди, сказанные на открытие наместничеств в разных городах Российской империи.*

С.М.Козьмина, со специальным требованием «напечатать как можно скорее точно против манускрипта и с наивернейшею корректурой»¹⁵. Слово было напечатано в типографии Синода одним заводом менее чем за месяц и сразу же поступило в продажу.

Привлечение корпуса проповедей, сказанных на открытие наместничеств, позволило выявить основные стратегии, используемые церковными иерархами для:

- обоснования важнейших государственных идей о значимости производимых верховной властью преобразований;
- разъяснения слушателям сущности правосудия и судопроизводства и их роли в жизни общества и государства;
- утверждения необходимости активного участия подданных в жизни губерний.

Подходы к утверждению значимости Губернской реформы и государственных преобразований в целом

Утверждая в сознании слушателей представление о значении проводимой верховной властью реформы, архиереи прибегали к четырем основным стратегиям.

Во-первых, политические мотивы власти в проповедях облекались в более понятную и к последней четверти XVIII века уже прочно закрепившуюся в политическом, а через него и в проповедническом дискурсе категорию *общего блага*. По мысли философов-просветителей, усвоенной и активно используемой Екатериной в манифестах и указах, все действия верховной власти должны быть направлены на достижение *общего блага* и, как следствие, счастья всех подданных¹⁶. Эта идея присутствует и в «Наказе» императрицы, где она вслед за Ш.Л.Монтескье и Ч.Беккариа, утверждавшими, что хорошие законы уже в силу своей природы направлены на достижение общего блага, пишет, что законы должны быть «наполнены всеми способами к достижению самого большого для людей блага» (Ст.43), и в ее манифестах. В «Учреждениях...»

¹⁵ РГИА. Ф.796. Оп.58. Д.490. Л.1.

¹⁶ Мысль о том, что главная задача правительства состоит в том, чтобы «сделать граждан как можно более счастливыми», присутствует в рассуждениях К-А.Гельвеция, Ч.Беккариа, Д.Бентама и других просветителей (См.: Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С.145).

Екатерина заявляет, что реформа органов местного управления обусловлена стремлением укрепить «общую тишину и безопасность, снабжая разными выгодами частное и личное состояние и пребывание в недрах Государства живущих разного рода людей»; а через это вновь продемонстрировать подданным, «сколь наполнены Мы человеколюбивым призрением к народу и горячим попечением о общем благе и добром устройстве»¹⁷.

Церковные иерархи, в сочинении проповедей опиравшиеся на «Учреждения...» Екатерины, развивают эти идеи, рассуждая не просто о желании императрицы «видеть всех и каждого в благоденствии»¹⁸. Но, что более важно в ситуации реформ, – о необходимости и ценности ее законотворческой деятельности, являющейся одним из важнейших источников *общего блага*, наряду с божественным законом. Эта идея выражена в «Слове на открытие Казанского наместничества» епископа Антония (Зыбелина). Он, сравнивая закон Божий с законом гражданским, писал, что первый – это «источник добродетели и всех чистейших нравов», но второй не менее полезен, так как «обузывает страхом сердца... направляет ноги наша на путь мирен, предметом его есть благоденствие вожделенное»¹⁹.

Законотворческая деятельность Екатерины в этом контексте часто описывается через метафору созидания *храма блаженства*. Этот образ встречается в текстах многих проповедников. Например, архиепископ Иоасаф (Заболоцкий), разъясняя значение Губернской реформы, сравнивает процесс открытия наместничеств со строительством *храма блаженства*, который «каждому дает место по достоянию, должность по избранию, почесть по трудам»²⁰. Образ *храма блаженства* перекликается с *заповедями блаженства*. Последние, согласно христианскому ве-

¹⁷ ПСЗ. Т. XX. №14392.

¹⁸ Иннокентий (Нечаев). Слово на открытие наместничества в Риге, проповеданное Святейшаго Синода членом Иннокентием, архиепископом Псковским и Рижским. СПб., 1783. С.5.

¹⁹ Антоний (Зыбелин). Слова при начале и окончании открытия Казанскаго наместничества, сказыванная преосвященным Антонием, епископом Нижегородским и Алаторским. СПб., 1781. С.4.

²⁰ Иоасаф (Заболоцкий). Разныя поучения и речи, сказыванныя на пришествие... Государыни Екатерины Вторыя в 1787 год, а притом и в другия разных годов высокоторжественныя дни... М., 1787. С.63.

роучению, были произнесены Иисусом Христом во время Нагорной проповеди и получили свое название в связи с надеждой, что следование им в земной жизни ведет к посмертному вечному блаженству. Следовательно, определяя преобразованное реформами императрицы государство как *храм блаженства*, проповедники сравнивали его с раем на земле, где подданные обретают «благоденственную жизнь»²¹.

Во-вторых, чтобы убедить подданных в необходимости реформ, проповедники говорили не только о ценности, но и о *неизбежности замены устаревающих* с течением времени *законов* более актуальными, соответствующими изменяющемуся положению государства. Епископ Антоний (Зыбелин), перефразируя манифест²², утверждал необходимость вводить новые законы в тех случаях, когда в сферах жизни или общественного устройства, которые они регламентировали, происходят принципиальные изменения: «Законодательная власть главным званием своего почитает предметом оскудевающие узаконения дополнять своим благоразумием, древние по требованию обстоятельств перемещает и устанавливает новые законоположения, дабы оными обуздать своевольство душ к развращению привыкших»²³.

В-третьих, епископ Парфений (Сопковский), разъясняя необходимость реформ, сравнивает государство с человеческим телом, одолеваемым болезнями. Иногда оно «требует... подкрепления», и тогда монархи, ведомые «всесильной десницей вышнего», проводят реформы. Примечательно, что, говоря о Екатерине II, проповедник начинает с заявления о том, что Бог ее, «яко сосуд избранный... на дело царствования уготованный... возвел, посадил и утвердил на Всероссийском престоле»²⁴, т.е. объясняет божественным промыслом и таким образом делает

²¹ Антоний (Зыбелин). Слова при начале и окончании открытия Казанскаго наместничества... С.5.

²² «...соображая прежние и нынешние многообразствующие обстоятельства, перемены, состояние, постановления, нужды или необходимости... вразумиться легко чрез сие соображение состояния прежнего и нынешнего России, сколь неоспоримо и в оной действуют умножение и просвещение народное ...умножающие по мере того и заботы Правительств» (ПСЗ. Т. XX. №14392).

²³ Антоний (Зыбелин). Слова при начале и окончании открытия Симбирскаго Наместничества, сказыванная преосвященным Антонием, епископом Нижегородским и Алаторским. СПб., 1780. С.8.

²⁴ Парфений (Сопковский). Слово о новом учреждении правления, его важности, силе и порядке... СПб., 1779. С.5.

недоступной для критики не только последнюю реформу Екатерины II, но и все предыдущие, а также государственный переворот, благодаря которому она оказалась на троне.

Те же идеи богоизбранности императрицы и боговдохновенности написанных ею законов находим в проповедях митрополита Платона (Левшина)²⁵, архиепископа Самуила (Миславского)²⁶, епископа Антония (Зыбелина)²⁷ и др.

Следует отметить, что легитимации власти императрицы уделяется большое внимание практически во всех проповедях, произнесенных на церемониях открытия наместничеств. Возможно, это объясняется тем, что слушателями этих проповедей являлась большая часть жителей города. И хотя к 1775 году необходимость легитимации власти Екатерины II, остро стоявшая в начале ее царствования, постепенно исчезла, это была возможность одновременно донести мысль о ценности и сакральности монаршей власти практически до всех слоев населения, включая жителей тех городов, в которых ранее не было просвещенных архиереев, способных к чтению проповедей.

В-четвертых, еще одним действенным способом подчеркнуть значимость происходящих преобразований стало установление **преемственности** проводимых монархиней реформ с преобразованиями преды-

²⁵ «Разные человеческие состояния, разные о вещах понятия, разные сложения... придали более силы действовать страстям, и тем превращать порядок и общества покой. Блаженство рода человеческого требовало, чтоб сии различныя и несходныя части во единой главе были соглашены ... преимущества царскою властью облек благодетельный Божий промысел Великую Монархиню нашу». (Платон (Левшин). Слово при открытии новаго в Калуге наместничества // Платон (Левшин). Поучительные слова... М., 1780. Т. III. С. 260).

²⁶ «Таковых повелителей посылает Бог на землю, когда хочет какой стране дать новое приращение, новое просвещение и новую славу» (Самуил (Миславский). Слово о великих предметах высочайших учреждений ... сказыванное 1777 года, Декабря 4 дня, в Соборной Успенской Ярославской церкви, при открытии Ярославского наместничества Святейшаго Синода членом, преосвященным Самуилом, архиепископом Ростовским и Ярославским. СПб., 1777. С. 6).

²⁷ «Промысел небесный... даруя» подданным «попечительных Государей; содержит сердце их в руке своей; изливает в души их при священном помазании от недр своих Духа премудрости и разума, Духа света и крепости; пишет их перстом священные законы и уставы, дабы силою оных располагали сердца подчиненных к добродетели» (Антоний (Зыбелин). Слова при начале и окончании открытия Казанскаго наместничества... С. 10).

дущих правлений. В этом контексте большинство реформ Екатерины рассматривается как продолжение незавершенных деяний великих предшественников.

В правление Екатерины II происходит переосмысление образов российских правителей прошлого: они предстают просвещенными и милосердными монархами²⁸. Наибольшее внимание, конечно, уделялось Петру Великому. Новое осмысление его образа было тесно связано и с необходимостью легитимации власти Екатерины, и с насущными задачами ее правления. По мнению В.Ю.Проскуриной, такое внимание к наследию Петра не было добровольным выбором императрицы. Оно было навязано ей «в качестве своего рода субституции династического мифа. В ситуации 1762 года петровская парадигма приравнивалась к сакральной: «Приобщенность к ней оказывается выше и влиятельнее всякой юридической легитимности»²⁹. Уже во втором Манифесте по случаю воцарения Екатерины II произошедший переворот открыто связывался с восстановлением дела Петра I, забытого и попранного Петром III, оскорблявшим и извращавшим все то, что «что Великий в свете Монарх и Отец своего Отечества... Государь Император Петр Великий, Наш вселюбезный дед, в России установил»³⁰.

Многие проповеди, сказанные «на открытие наместничеств», включают обоснование наследования Екатериной II дела Петрова. К этому проповедников подталкивали «Учреждения...» императрицы, в которых она вновь выступает продолжательницей его реформаторских устремлений, не реализованных в полной мере «по блаженной Его кончине»³¹. Так, епископ Антоний (Зыбелин) сравнивает Петра I с одушевленным камнем, с которого вся Россия «пила <...> воду прохладения <...> изведенную его трудами и подвигами», но «судьба <...> скрыла от нас сей дражащий Камень в земных недрах рановременно»³². Проповедник проводит здесь параллель с апостолом Петром, названным Иисусом камнем

²⁸ Подробнее см.: Уортман Р.С. *Сценарии власти*. М., 2000. Т.1.

²⁹ Проскурина В. *Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй* // *Новое литературное обозрение*. 2005. №72. С.103.

³⁰ ПСЗ. Т.XVI. №11582.

³¹ См.: ПСЗ. Т.XX. №14392.

³² Антоний (Зыбелин). *Слова при начале и окончании открытия Казанскаго наместничества...* С.12.

веры, на котором он создаст свою церковь. Соответственно, как апостол Петр стал основанием для христианской церкви, так император Петр I становится основанием для обновленного государства. Развивая этот образ, епископ Антоний описывает преемственность деяний Екатерины как «древо жизни нашей благоденствия», выросшее «от сего источника»³³. В Библии *древо жизни* – это дерево, посаженное Богом в центре рая и приносящее плоды, дарующие вечную жизнь. Этот образ перекликается с вышеупомянутым *храмом блаженства*. И тот и другой обещают подданным императрицы уже в земной жизни обретение блаженства (сопутствующего вечной жизни), к которому ведут реформы Екатерины, «устраивающие... благоденственную жизнь, ограждающие оную спокойствием и утверждающие благосостояние»³⁴ подданных.

Ту же идею проповедует митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров), называя правление Екатерины II возвращением к «златому веку» Петра I. Он призывает Великого реформатора в свидетели процветания России под скипетром Екатерины, воспринявшей от него «великость мыслей»: «...ты не все намерения твои исполнил? Они исполняются ныне: начатия твоих трудов приводятся в совершенство; победы на море и земле обезопасили пределы России; законы устраивают ея внутреннюю тишину»³⁵.

Архиепископ Самуил (Миславский) идет дальше в сравнении Петра I и Екатерины II, отодвигая великого «предка» на второй план. В «Слове о великих предметах высочайших учреждений» он сравнивает императрицу с Александром Македонским, напрасно сокрушавшимся, будто его отец «ничего великого сделать более не оставил», и со временем «в подвигах своих отменно» превзошедшим его. Примечательно, что проповедник говорит не просто о преемственности, а об «увенчании исполнением» дел, «предпринятых основателем... благополучия»³⁶. Здесь проявляется ставшее очевидным с конца 1760-х годов изменение в культурной парадигме: «заслуги Екатерины перемещаются на первый

³³ Там же.

³⁴ Там же. С.5.

³⁵ Гавриил (Петров). Слова при начатии открытия Санктпетербургской Губернии по высочайшим учреждениям Благочестивейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны... СПб., 1781. С.4, 18.

³⁶ Самуил (Миславский). Слово о великих предметах высочайших учреждений... С.7, 8.

план», а «Петровы завоевания... служат лишь респектабельным фоном для новой центральной фигуры мифа»³⁷.

В-пятых, некоторые проповедники для разъяснения слушателям значения законов в государстве обращались не только к традиционному для церковной аргументации Божественному промыслу, но и к **«теории общественного договора»**³⁸ (любую сакрализацию власти в своем оригинальном варианте отвергающей). Объясняя слушателям устройство государства, они, переосмысливая идеи философов-просветителей, описывали добровольный переход человека от «свободности естественной» к свободе цивилизованной, то есть ограниченной законами. В «Слове на открытие Казанского наместничества» собрание людей в общества объяснялось потребностью во «взаимном вспомоществовании», то есть неспособностью человека существовать в одиночку. Но пока в этих новообразованных обществах не было законов, сковывающих «страсти и пороки» людей, в них разрастались «раздоры и нестроения», разрушающие общественное благосостояние. Тогда «первобытные народы, добровольно отказавшиеся от естественной вольности... за нужное признали возложить на себя обуздание... зависеть и повиноваться повелениям подобного себе человека, почитая его направителем своих деяний... нежели жить в состоянии необузданного самовластия»³⁹. Причем если в текстах просветителей граждане делегируют защиту своих прав обществу и некоему абстрактному правительству, то, по мысли проповедника, с появлением общества появляется и фигура монарха.

Отдельно останавливаясь на сущности «уз» законов, возлагаемых на себя каждым членом общества, проповедник замечает, что они «не суть стесняющие его с насилием в действиях свободных, но побуждения святыя к делам, на здоровом смысле и честности основанным, и отвлекающие

³⁷ Проскурина В. Указ. соч. С.108.

³⁸ Идеи философов эпохи Просвещения, а также их предшественников (представителей рационалистической философии конца XVII – начала XVIII в. С.Пуфендорфа, Г.Гроция, Дж.Локка) активно включались церковными иерархами в тексты проповедей. Но там эти понятия реинтерпретировались в христианском ключе и доходили до основной массы подданных в форме традиционного церковного наставления, сопровождаемые православной аргументацией, опирающейся на Св. Писание и творения отцов церкви.

³⁹ Антоний (Зыбелин). Слова при начале и окончании открытия Казанскаго наместничества... С.6.

от несообразных воле»⁴⁰ Божьей. Они побуждают его исполнять гражданские обязанности и удерживают от поступков предосудительных.

Аналогичные рассуждения о том, как «человек сделался предметом нравоучения и законодательства»⁴¹ присутствуют у архиепископа Иннокентия (Нечаева). Он утверждает, что гражданина⁴² «должно... содержать в пределах, которых требует всеобщее благосостояние», ограничивая его дурные склонности законами. Для того же, чтобы гражданин мог «по предназначенной ему стезе... беспрепятственно простираться», усилиями монарха были открыты должности, а «собственность и права обезопасились»⁴³.

Роль судопроизводства и образ идеального судьи

В связи с организацией в губерниях новых административных и судебных органов верховной власти было необходимо добиться доверия подданных к создаваемым учреждениям, их готовности участвовать в выборах, а в дальнейшем трудиться на благо общества на гражданской службе. Отклик на этот призыв находим в текстах проповедников. Причем обращает на себя внимание тот факт, что проповедники в абсолютном большинстве случаев концентрируют свое внимание на судебной сфере, невзирая на то, что ею Губернская реформа отнюдь не ограничивалась⁴⁴.

⁴⁰ Там же. С. 7–8.

⁴¹ Иннокентий (Нечаев). Слово при случае выбора судей в Санктпетербургскую губернию. СПб., 1792. С. 3.

⁴² Мы понимаем сложность использования данного понятия. В данном случае использование термина «гражданин» не является утверждением наличия в Российской империи данного периода гражданского общества. В проповедях понятие «гражданин» употребляется наравне с «подданным» как синоним индивида, не неся в себе смыслов, которые вкладывали в это слово философы-просветители. Также термин «гражданин» употребляется, чтобы акцентировать внимание на наличии не только горизонтальных, но и вертикальных отношений между жителями империи, которые в данном случае называются «согражданами» (Подробнее см., например: Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 283–293).

⁴³ Иннокентий (Нечаев). Слово при случае выбора судей... С. 3.

⁴⁴ Даже рассуждая о реформе в целом, проповедники, перефразируя «Учреждения...»

Такое пристальное внимание проповедников к сфере правосудия объясняется значимостью этой темы для политико-правовой и философской мысли этого времени⁴⁵, а также декларациями самой императрицы, объявлявшей обеспечение правосудия «первостепенной обязанностью верховной власти и необходимейшим условием стабильного функционирования государства и общества»⁴⁶.

В «Учреждениях...» именно «заведение лучшего порядка» в государстве и «беспрепятственное течение правосудия»⁴⁷ было объявлено

императрицы, ограничиваются упоминанием о том, что «судилища умножены, разнородные дела разделены на многих, медлительность в производстве тем прекращена. Число ревностных неповинности заступников увеличено» (См.: Антоний (Зыбелин). Слова при начати и окончании открытия Нижегородскаго наместничества... СПб., 1781. С.6). Сравните: «Попечительная душа Ее... устрояет суд и правду человеколюбием сопряженную, и для скорейшего дел течения, и всякому своего доставления, разделяет премудроной на части» (Иероним (Фармаковский). Слова при начале и окончании открытия Владимирскаго наместничества... М., 1779. С.11).

⁴⁵ Споры о праве и значении судопроизводства велись на протяжении всего XVIII столетия. Во многих европейских странах с той или иной степенью очевидности была выявлена необходимость радикальной реформы судебной системы, слабость и медлительность которой препятствовала дальнейшему развитию государств, составлению кодексов права, которые бы собрали воедино разнородный юридический материал (Подробнее см.: Мир Просвещения. Исторический словарь. С.142–152). Выработывалась новая концепция взаимоотношений между верховной властью и гражданами. Так, свобода и равенство граждан в трудах умеренной ветви философов-просветителей определялись через равенство перед законом и «вольность» делать то, что не запрещено законами, а судебная система представлялась основой жизни государства и общества, способствующей установлению порядка, благоденствия и счастья граждан (Эти идеи являются одними из основополагающих в трудах Ч.Беккариа, К.-А.Гельвеция, Д.Бентама). Ш.Л.Монтескье писал, что «в природном состоянии люди рождаются равными, но они не могут сохранить этого равенства; общество отнимает его у них, и они вновь становятся равными лишь благодаря законам» (Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С.103). Отражение этих идей находим в Наказе императрицы (Ст.98), утверждавшей, что главная задача судебной системы состоит в обеспечении «свободы и безопасности граждан».

⁴⁶ Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011. С.102.

⁴⁷ ПСЗ. Т.XX. №14392.

главной целью реформы. В связи с этим разъяснение сущности правосудия было включено практически в каждую проповедь, произнесенную на церемонии открытия наместничества. Митрополит Платон (Левшин) утверждал, что основная функция правосудия состоит в том, чтобы «определять каждому свое»⁴⁸. Говоря о равенстве подданных перед законом, заявленном еще в «Наказе» императрицы⁴⁹, проповедник поясняет, что, употребляя слово «каждый», он подразумевает людей «всякого чина... и состояния, сколько б оно низко ни казалось»⁵⁰. Утверждение равенства граждан перед законом ликвидировало проблему различия личного статуса потерпевшего и обвиняемого, ставившую решение суда в зависимость от общественного положения сторон.

Все произносившие проповеди архиереи настаивают на том, что благоденствие общества возможно лишь при наличии в государстве прочной системы судопроизводства, опирающейся на учрежденные монархом законы. Архиепископ Иннокентий (Нечаев) объясняет это тем, что «благоустройство и порядок» могут сохраняться только там, где каждый пребывает в своих пределах. А человека, склонного к порокам, может удержать в рамках только страх Божий и правосудие, которое «посрамляет и истребляет пороки, охраняет невинность, пресекает наглости... всем и каждому дает наслаждаться ему принадлежащим в тишине и желанном удовольствии»⁵¹.

Архиепископ Самуил (Миславский) использует другую риторическую стратегию: говоря о роли правосудия, он действует от противного, объясняя, что произойдет, если «узды», которой «аки бороздами востягиваются страсти и пороки» и связываются воедино «все части тела политического», ослабеет. Он утверждает, что за этим последует разрушение всех «союзов естества и человечества»⁵². Развитие этого подхода находим в проповеди епископа Антония (Зыбелина), заявлявшего, что общество, в котором не соблюдается «равновесие правосудия», начинает постепенно разрушать-

⁴⁸ Платон (Левшин). Слово при открытии присутственных мест в новоучрежденном Калужском наместничестве...// Поучительные слова... Т. III. С.267.

⁴⁹ «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» (Ст.34).

⁵⁰ Наказ императрицы Екатерины II...

⁵¹ Иннокентий (Нечаев). Слово на открытие наместничества в Риге... С.5, 6.

⁵² Самуил (Миславский). Слово о великих предметах высочайших учреждений... С.9.

ся: в нем рождаются «ропот, неудовольствия, жалобы, вздыхания», за которыми могут последовать народные «возмущения»⁵³.

Но церковные иерархи не ограничивались утверждением значимости судопроизводства в жизни государства и общества. На первое место в проповедях выходит фигура судьи, который рассматривается как орудие правосудия⁵⁴, «инструментальная причина общественной тишины и благосостояния народного, сопряженного с существенным соблюдением законов»⁵⁵. В своих текстах проповедники дают пояснения к процедуре выбора судей, разъясняют, какими качествами должны обладать люди, избираемые на эту общественно значимую должность (и в чем ее особенности), с какими трудностями могут столкнуться новоизбранные судьи в своей работе и как их избежать. То есть фактически инструктируют будущих судей и их избирателей, которым предстояло определить, кто из кандидатов больше подходит на эту должность. «Учреждения...» Екатерины не давали ответов на все эти вопросы, ограничиваясь регламентацией деятельности нововведенных судов и служащих там чиновников; тексты проповедников существенно дополняли его, делая акцент на более близкой жанру церковного поучения нравственной и практической стороне вопроса.

Необходимость столь подробного описания должности судьи объясняется тем, что судопроизводство вручалось не профессиональным юристам, а выборным лицам из различных социальных слоев, не обладавших соответствующим образованием, соответственно, не слишком хорошо представлявшим, в чем заключается должность судьи⁵⁶.

⁵³ Антоний (Зыбелин). Слова при начале и окончании открытия Симбирскаго наместничества... С.7.

⁵⁴ Такое представление о роли судей также являлось отражением политико-правовой мысли эпохи Просвещения. Отныне судьи рассматривались не как толкователи норм права, но как чиновники, полностью подчиненные закону и правительству. Эти идеи Екатерина включила в свой «Наказ», утверждая, что власть судей состоит в «одном исполнении законов» (Статья 98, практически дословно цитирующая Ч.Беккариа) и определении того действия, которое «...противно предписанным законам или сходно с оными» (Ст.155).

⁵⁵ Григорий. Слово 1 при начале выбора судей в Пензенском наместничестве в губернском городе Пензе. М., 1793. С.3.

⁵⁶ В связи со сходством проблем, включенных в этот корпус проповедей, нам кажется разумной гипотеза о существовании некоего (возможно, как это часто случалось, словесно

Проповедники подробно разбирают саму идею *передачи судебной власти* на местах в руки подданных. Они по-разному интерпретируют этот шаг императрицы:

- как желание монархини разделить с подданными «бремя государственных дел»⁵⁷;
- как предоставленную подданным возможность самим «решить свою судьбу» и «начертать правила нашего благоденствия»⁵⁸.

При этом, рассуждая о готовности монархини к передаче части властных полномочий в руки подданных, проповедники, в первую очередь, обращаются к дворянству. Так, в проповеди архиепископа Самуила (Миславского) находим адресное обращение к «благородному обществу», в рядах которого монархиня «желает найти усердных исполнителей своей воли»⁵⁹. Необходимость привлечения к гражданским должностям именно дворян объясняется тем, что законы могут быть «повреждены... если не будут вверены просвещенным и добродетельным людям... кого сама природа к тому устроила и отменными способностями украсила»⁶⁰. Проповедник акцентирует внимание дворянства⁶¹ на том, что если раньше их «жребий был ограничен общими пределами», то теперь монархиня «отличает» их «отделением судебной власти» в их руки⁶².

Сходное обращение находим в проповеди архиепископа Иоасафа (Заболоцкого), призывающего передать общественные должности в руки тех, «которых отличает сама кровь»⁶³. Соответственно, проповед-

переданного через обер-прокурора) Указа императрицы с требованием к архиереям: в проповедях, готовившихся к церемониям открытия наместничеств, осветить определенные темы. Но, к сожалению, поиски этого документа пока не дали результатов.

⁵⁷ Самуил (Миславский). Слово о побуждениях, служащих к принятию судейской должности, и о удовольствии, оттуда проистекающем. М., 1778. С.17.

⁵⁸ Гавриил (Петров). Слова при начатии открытия Санктпетербургской губернии... С.7.

⁵⁹ Самуил (Миславский). Слово о великих предметах высочайших учреждений... С.17.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Еще в наказах Уложенной комиссии дворяне заявляли о необходимости упрощения судебной системы, улучшения судопроизводства и расширения сословного участия в суде (Подробнее см.: Воропанов В.А. Указ. соч.; Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993).

⁶² Самуил (Миславский). Слово о великих предметах высочайших учреждений... С. 17.

⁶³ Иоасаф (Заболоцкий). Разныя поучения и речи... С.60.

ники пытались внушить дворянам мысль о том, что сама принадлежность к благородному сословию обязывает их к государственной службе на благо отечества.

Эта идея была особенно актуальна для верховной власти как в связи с освобождением дворянства от обязательной государственной службы, так и в связи с нехваткой кадров для заполнения новоучрежденных должностей. Опасаясь, что заинтересованности благородного сословия (отличавшей европейскую аристократию) в участии в общественной жизни страны будет недостаточно для привлечения дворян на гражданскую службу, верховная власть разными путями пыталась их мотивировать⁶⁴. Одной из таких мер было присвоение выборным лицам городского самоуправления на время службы разрядов согласно «Табели о рангах». «Чиновничьи мундиры» становились для этих деятелей защитой «от произвола местной власти» и «поднимали их реноме в глазах граждан всех сословий»⁶⁵.

Эта «милость» императрицы нашла отражение и в текстах проповедников. Признавая, что «действиями человеческими» преимущественно управляют «награждения», и стремясь заинтересовать потенциальных чиновников, проповедники обращали внимание слушателей на «выгоды», которые они получают от занимаемой должности. Помимо традиционно упоминавшегося в подобном контексте счастья, которое должен испытывать каждый член общества, ставший «делателем народного благополучия»⁶⁶, и обещания посмертного блаженства, они напоминали слушателям о повышении в чине избранных на эти должности. Архиепископ Самуил (Миславский) говорил о желании императрицы «умножить сияние» нововведенных должностей «новыми чинами», которые станут наградой новоизбранным чиновникам «за будущие труды»⁶⁷. Аналогичное упоминание находим в «Слове при начале выбора судей в Пензенском наместничестве...». Протопоп Николаевской церкви Григорий объяснял слушателям, что монархиня, желая облегчить тяжесть

⁶⁴ См.: Уортман Р.С. *Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России*. М., 2004. С.75–87.

⁶⁵ Куприянов А.И. *Указ*. соч. С.221.

⁶⁶ Антоний (Зыбелин). *Слово на случай избрания судий в Санктпетербургскую губернию*. СПб., 1795. С.2.

⁶⁷ Самуил (Миславский). *Слово о великих предметах высочайших учреждений...* С.18.

своего труда, передает часть властных полномочий избранным гражданам, а за это «сим людям по свойству носимого звания налагаются новые имена»⁶⁸.

Так как проповеди, читавшиеся в начале церемонии открытия наместничеств, предваряли избрание будущих судей, проповедники в своих текстах отдельно останавливались на проблеме *выборов*, пытаясь добиться от слушателей осознания гражданской и духовной ответственности, которую они берут на себя в момент голосования. Архиепископ Иннокентий (Нечаев) призывал избирателей задуматься о том, что они выбирают судью для самих себя и выбор, сделанный «с пристрастием, или с небрежением»⁶⁹, причинит вред в первую очередь им самим. Архиепископ Иоасаф (Заболоцкий) заявлял, что создание новых судебных учреждений не принесет ожидаемых плодов, если судьями станут люди, непригодные к этой должности⁷⁰, при этом ответственность за «сию измену» ляжет не только на судей, но и на «уполномочивших»⁷¹ их на эту должность.

Практически каждая проповедь включает перечень качеств, которыми должен обладать человек, претендующий на должность судьи. Таким образом, проповедники дополняют «Учреждения...» Екатерины, акцентирующие внимание лишь на пороках, которые следует избегать судье: «провождение времени в роскоши и во всяких иных пороках, нравы развращающих», «леность, нерадение и неприлежность ко всякому порученному делу... упущение должности и нерачение о части блага общего»⁷², но оставляющие без ответа актуальный для избирателей вопрос, каким же должен быть человек, подходящий на должность судьи.

Этот ответ находим в текстах проповедников. Архиепископ Иоасаф (Заболоцкий) в проповеди, произнесенной на открытие тверского наместничества, следующим образом описывает потенциального судью. Это «муж мудрый... который боится Бога... чтит Царя, яко лице Вышнего на

⁶⁸ Григорий. Указ. соч. С.1.

⁶⁹ Иннокентий (Нечаев). Слово на открытие наместничества в Риге... С.9.

⁷⁰ «Что пользы в законе, когда расслаблена рука, держащая скрижаль оного? Что правда возможет, ежели она своими защитниками будет изменяема?» (Иоасаф (Заболоцкий). Разныя поучения и речи... С.63).

⁷¹ Иоасаф (Заболоцкий). Разныя поучения и речи... С.63.

⁷² ПСЗ. Т.XX. №14392.

себе носящего, хранит к нему верность... всех почитает, братство любит, всем воздаст должная... отечеству, начальству, родству по всей возможности, должности, обязательству»⁷³. Архиепископ Иннокентий (Нечаев) приводит список черт «истинного судии»; ему должна быть присуща:

- во-первых, «способность удобно открывать истину и... охранять оную», как некую «первородную правоту», не зависящую от статуса людей и воли властителей;
- во-вторых, внимательность и неутомимость, без которых судья не справится с возложенной на него должностью;
- в-третьих, образ мыслей «учению Христа сообразный»⁷⁴.

Не будучи истинным христианином, судья не сможет пойти на жертвы, которые потребует от него должность. Ради сохранения истины ему придется на время отринуть дружеские и кровные узы, забыть о корыстолюбии и трепете перед «важностью лица предубеждающего и влиятельного»⁷⁵.

Некоторые проповедники делали акцент на каком-либо одном, кажущемся им наиболее важным, качестве. Например, епископ Антоний (Зыбелин) утверждал, что судье «паче всего нужна твердая, чистая и... непорочная совесть», потому что она не только способствует выбору «правильнейшего из наших суждений», но и помогает человеку бороться с одолевающими страстями. При этом проповедник замечает, что разум, превозносимый философами-просветителями, который, казалось бы, должен стоять на одном уровне с совестью, на самом деле не столь полезен, так как страсти могут его «хитро употребить против него самого»⁷⁶. В другой своей проповеди (на церемонии открытия Казанского наместничества) епископ Антоний акцентирует внимание на «беспристрастии»⁷⁷. Последнее должно, «аки некая спутница», сопровождать все

⁷³ Иоасаф (Заболоцкий). *Разныя поучения и речи...* С.62.

⁷⁴ Иннокентий (Нечаев). *Слово при случае выбора судей...* С.5.

⁷⁵ Там же. С.6.

⁷⁶ Антоний (Зыбелин). *Слова при начале и окончании открытия Нижегородскаго наместничества.* С.2, 4.

⁷⁷ Под которым проповедник понимает скорее не отказ от поддержки какой-либо из противоборствующих сторон, а борьбу с внутренними страстями – «мщением, лицепрятанием, корыстолюбием».

размышления и действия судьи, вести его к точному исполнению «существа законов». Даже ревность судьи к своей должности, не уравновешенная беспристрастностью, а значит, основанная на страстях, «опровергнет стол судейский», заставит его «превращать законы по своему произволению»⁷⁸.

Примечательно, что проповедники, традиционно рассуждающие лишь о моральных аспектах должностей, на этот раз идут дальше и включают в свои тексты описание конкретных *практических навыков*, необходимых будущим судьям для исполнения их должности. Митрополит Платон (Левшин) дает настоящее руководство к исполнению судейской должности. Он объясняет слушателям, что судья не может принимать решения, опираясь лишь на свои силы и знания: всем его собственным рассуждениям должны предшествовать законы, которые он обязан прилежно изучать, чтобы они стали и «мыслей его, и слов... неизменяемым правилом». Если же судья в своей практике столкнется со случаем, не оговоренным законом, он должен «следовать Божественного закона руководству». Чтобы избежать ошибок, следует избегать «поспешности» и уделять внимание всем обстоятельствам дела, поскольку даже малейшее упущение может изменить все его «существо». Принимая решение, человеколюбивый судья должен учитывать не только очевидные обстоятельства дела, но и искреннее раскаяние преступника, двигавшие им мотивы и «следствия, из всякого дела впредь произойти могущие»⁷⁹, но при этом сохранять беспристрастность. В русле популярных гуманистических идей просветителей, воспринятых императрицей, утверждавших, что «цель наказания не в искуплении вины, а в исправлении виновного»⁸⁰, митрополит Платон заявлял, что наказание должно быть не мезтью за прегрешение, уже оставшееся в прошлом, которое нельзя изменить, а толчком «к исправлению духа»⁸¹ преступника.

⁷⁸ Антоний (Зыбелин). *Слова при начале и окончании открытия Нижегородскаго наместничества*. С.35.

⁷⁹ Платон (Левшин). *Слово при открытии присутственных мест в новоучрежденном Калужском наместничестве...* С.272.

⁸⁰ *Мир Просвещения: исторический словарь*. С.147.

⁸¹ Платон (Левшин). *Слово при открытии присутственных мест в новоучрежденном Калужском наместничестве...* С.272.

Аналогичные рассуждения находим в проповеди протопопа Григория, который утверждает, что для успешного исполнения должности судьи, помимо знания «прав и законов своего Отечества», следует изучить «решения предшествовавших дел»⁸². Таким образом, даже не имея юридического образования, он получит определенные представления о ходе судебного разбирательства. Особое значение изучению законов перед вступлением в должность судьи придает и митрополит Гавриил (Петров), акцентировавший внимание слушателей на том, что «познание» закона состоит не только в простом заучивании основных его положений, но и в умении употребить его в соответствии с намерениями, которые вложил в него монарх, то есть «согласить пользу законов со всеобщую пользой»⁸³.

Убеждая слушателей в необходимости наличия у претендующего на должность судьи всех вышеперечисленных качеств, проповедники приводят примеры того, что произойдет, если должность судьи займет человек, не обладающий должными способностями. Архиепископ Иннокентий (Нечаев), описывая судью, исполняющего свою должность без ревности и человеколюбия, утверждает, что, даже видя горе и угнетение своего «согражданина», он останется равнодушен, «не выйдет из дремоты своей»⁸⁴ даже на те несколько минут, которые могут решить судьбу обвиняемого. Архиепископ Иоасаф рисует еще более мрачную картину, утверждая, что без всех вышеописанных качеств судья будет лишь внешне, «без внутреннего покорения ума и воли предержавшей власти» выполнять возложенную на него должность, внутри оставаясь врагом обществу.

Проповедники также уделяют значительное внимание трудностям, с которыми сталкиваются судьи при исполнении должности. Митрополит Гавриил (Петров) признает одной из главных сложностей необходимость постоянно изучать законы; ведь чем больше он будет «упражняться во исполнении должности», тем больше он встретит «затруднений»⁸⁵, требующих вникнуть в детали законоположений. Аналогичным вопро-

⁸² Григорий. Указ. соч. С.6.

⁸³ Гавриил (Петров). Слова при начатии открытия Выборгского наместничества. СПб., 1784. С.5.

⁸⁴ Иннокентий (Нечаев). Слово при случае выбора судей... С.5–6.

⁸⁵ Там же.

«ВЛАСТЬ БЕЗ ДОВЕРИЯ НАЦИИ – НИЧТО»

сом задается и протопоп Григорий, заявляя, что одна только общественная значимость должности не может долго подогреть желание человека ревностно исполнять свои обязанности. Со временем он устает от необходимости постоянно вникать «в существо» дел и законов и в его сердце могут зародиться «хладнокровие, уныние, скука и леность»⁸⁶. Примечательно, что главным средством борьбы с этими пороками проповедник считает просвещение, а дворяне, в его представлении, вовсе не могут быть подвержены этим опасностям в силу полученного ими благородного воспитания.

* * *

Анализ корпуса проповедей, сказанных на церемониях открытия наместничеств, позволяет утверждать, что, несмотря на происходящие в обществе и культуре процессы секуляризации, светская власть продолжала искать поддержку православной церкви в разъяснении своей политики и церковная власть облекала идеи монархии в форму проповеди. Просвещенные проповедники екатерининского времени преуспели в сочетании традиционного наставления о христианском благочестии с разъяснением подданным самого разного социального статуса сложных понятий и неясных формул государственных манифестов. Таким образом, церковная проповедь оказывается действенным инструментом как в обосновании важнейших для развивающейся империи идей о значении правосудия в жизни государства и общества, так и в формировании представлений о пользе новосоздаваемых «гражданских» институтов и о необходимости монарших преобразований.

⁸⁶ Григорий. Указ. соч. С.14.

Анастасия Готовцева, Оксана Киянская

К ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА:

К.Ф.РЫЛЕЕВ
НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929
93/94

The authors deal with the situation in the Russian army after the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813 and 1814. Relations in mass of army officers are examined on the example of K. Th. Ryleev, the poet and conspirator, service activities. The authors reconstruct the circle of the army officers' interests and their attitude to the military service and come to the conclusion that the post-war officers' service could not meet aspirations of young gentlemen to the full in the later years of Alexander I reign.

Ключевые слова: К.Ф.Рылеев; конная артиллерия; П.О.Сухозанет; карточная игра; фрунтовая служба; А.А.Косовский; волнения в армии.

Key words: K.Th.Ryleev; horse artillery; P.O.Sukhozanet, gambling; general field service, A.A.Kosovsky, unrest in the army.

E-mail: brunhilda@yandex.ru; kianoks@inbox.ru

¹ Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

**«НЕТ МИНУТЫ ЗАНЯТЬСЯ
ПОЛЕЗНЕЙШИМ»:
ВВЕДЕНИЕ**

И современники, и историки давно уже вынесли свой приговор русской армии, победительнице Наполеона, вернувшейся в Россию после Заграничных походов 1813–1814 гг. Так,

цесаревич Константин Павлович, воспитанный своим отцом Павлом I в «гатчинской» муштре, с нескрываемой иронией писал начальнику штаба Гвардейского корпуса генералу Николаю Сипягину: «Я более двадцати лет служу и, могу правду сказать, даже во время покойного государя был из первых офицеров во фронте, а ныне так перемудрили, что и не найдешься... Я таких теперь мыслей о гвардии, что ее столько учат и даже за десять дней готовят приказами, как проходить колоннами, что вели гвардии стать на руки ногами вверх, а головами вниз и маршировать, так промаршируют; и не мудрено: как не научиться всему – есть у нас в числе главнокомандующих танцмейстеры, фехтмейстеры»².

Командир 6-го пехотного корпуса 2-й армии генерал-лейтенант Иван Сабанеев, известный своими либеральными взглядами, писал начальнику армейского штаба Павлу Киселеву: «Учебный шаг, хорошая стойка, быстрый взор, скоба против рта, параллельность шеренг, неподвижность плеч и все тому подобное, ничтожные для истинной цели предметы, столько всех заняли и озаботили, что нет минуты заняться полезнейшим. Один учебный шаг и переправка амуниции задушили всех от начальника до нижнего чина». И добавлял в другом письме: «Каких достоинств ищут ныне в полковом командире? Достоинство фронтового механика, будь он хоть настоящее дерево... Нигде не слышно другого звука, кроме ружейных приемов и командных слов, нигде другого разговора, кроме краг, ремней и вообще солдатского туалета и учебного шага»³.

Сабанееву вторил генерал Иван Паскевич, в будущем знаменитый покоритель восставшей Польши: «Что сказать нам, генералам дивизий, когда фельдмаршал (Михаил Барклай де Толли. – *А.Г., О.К.*) свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадеров? И какую потому глупость нельзя ожидать от армейского майора?... В год времени войну забыли, как будто ее никогда не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью»⁴.

² Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1898. Т.4. С.16–17.

³ Цит. по: Заболоцкий-Десятовский А.П. Граф Киселев и его время. СПб., 1882. Т.1. С.86.

⁴ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование: в 2 кн. М., 1996. Кн.1. С.100.

Конечно, русская армия последнего десятилетия Александровского царствования не была однородной, далеко не все офицеры были, говоря словами Паскевича, «экзерцирмейстерами». Рядом с беспрецедентной муштрой и шагистикой существовали вольнодумные идеи, усвоенные в заграничных походах. Идеи эти поддерживали армию в состоянии постоянного недовольства, «наэлектризовывали» ее. Гвардейские офицеры, к примеру, брали уроки у известных профессоров, собирались в артели и обсуждали политические события в России и в Европе. Федор Глинка, один из таких офицеров, называл это время «прекрасной порой», когда

*Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе – покой, в устах: «ура!»,
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки,
И всякий был и бодр и свеж,
Пристрасть к форме пригасало,
О палке и вестей не стало,
Дремал парад, пустел манеж...⁵*

Увлеченные желанием принести пользу своему отечеству, одушевленные высокими представлениями о чести и благородстве, они организовывали тайные общества: в 1816 году возник Союз спасения, два года спустя – Союз благоденствия.

У офицеров армейских не было возможности носить фраки, нанимать столичных профессоров, вступать в тайные общества и следить за большой политикой. В провинции далеко не всегда можно было достать свежие газеты, купить новые книги. Соответственно, жизнь провинциальных офицеров была серой и скучной, а время, свободное от фронтowych учений, офицеры проводили за игрой в карты, в попойках и ухаживаниях за дочерьми соседей-помещиков. Исследователи многократно описывали «беспросветную атмосферу скуки и однообразия жизни провинциальных гарнизонов и далекие от уставных требований и столичных образцов методы несения воинской службы»⁶.

⁵ Глинка Ф.Н. Воспоминанье о былом // Глинка Ф.Н. Стихотворения. М., 1986. С.113.

⁶ Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1997. С.27.

**«УМОЛЯЮ ВАС,
ПОЙМИТЕ РЫЛЕЕВА»:
БУДУЩИЙ ЗАГОВОРЩИК
СРЕДИ СОСЛУЖИВЦЕВ**

Кондратий Рылеев был выпущен из кадетского корпуса в феврале 1812 г., через 12 лет после поступления в это учебное заведение⁷.

Согласно «Высочайшим приказам о чинах военных», артиллерийский прапорщик Рылеев был определен в 1-ю конно-артиллерийскую роту 1-й резервной артиллерийской бригады. Рота в тот момент воевала во Франции, в составе отдельного отряда под командованием генерала Александра Чернышева. Однако Рылеев повоевать не успел: сразу после выпуска из корпуса он попал в Дрезден, где служил при собственном родственнике, генерал-майоре М.Н.Рылееве. Рылеев-старший, русский комендант Дрездена, принял племянника под свое покровительство⁸. Кондратий Рылеев, как явствует из его переписки, находился в Саксонии, по крайней мере, до конца сентября 1814 г.

Однако война закончилась, войска вернулись в Россию, и будущий поэт продолжил службу в той же самой конно-артиллерийской роте, в которую был выпущен из корпуса. Правда, рота несколько раз меняла свой номер, «переименовывалась». В 1816 году рота стала 11-й, два года спустя – 12-й. Рота квартировала, по преимуществу, в местечке Белогорье Острогожского уезда Воронежской губернии.

Вид города Воронежа. Гравюра XIX века

⁷ Подробнее о годах обучения Рылеева в корпусе см.: Готовцева А.Г., Киянская О.И. К истории военного образования в России в начале XIX века: К.Ф.Рылеев в 1-м кадетском корпусе // *Россия XXI*. 2013. №1. С.90–113.

⁸ Подробнее об этом см.: Готовцева А.Г., Киянская О.И. *Правитель дел: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К.Ф.Рылеева*. СПб., 2010. С.21–27.

Ротой, а с 1818 года и бригадой командовал подполковник Петр Онуфриевич Сухозанет (1788–1830), представитель известного в военной истории России рода белорусских дворян-артиллеристов. Его старший брат, Иван, с 1820 года занимал пост начальника артиллерии Отдельного гвардейского корпуса, был одним из «усмирителей» восстания 14 декабря, дослужился до чина генерал-лейтенанта и на старости лет стал директором Императорской военной академии, Пажеского и всех сухопутных корпусов. Младший брат ротного командира Рыле-ева, Николай, сделал головокружительную карьеру: в 1856 году, после Крымской войны, стал военным министром и членом Государственного совета. Все три брата отличались на полях сражений 1-й половины XIX в. Согласно послужному списку, Петр Сухозанет – «кавалер орденов российских: Св. Анны 2 и 4 классов, Св. равноапостольного князя Владимира 4 ст. с бантом, золотой шпаги с надписью "За храбрость", королевско-прусского "За заслуги" и в память 1812 года серебряной медали». У военных властей и Сухозанет, и его рота были на хорошем счету: в июле 1816 г., например, роту лично осматривал главнокомандующий 1-ой армией Михаил Барклай де Толли, который нашел ее «в самом лучшем состоянии по всем частям, и особенно отличною в учении». Барклай просил императора поощрить ротного командира – и 20 июля 1816 г. Сухозанету была объявлена высочайшая благодарность⁹.

Однако, в отличие от братьев, заметной карьеры ротный командир Рылеева не сделал: в 1820 году ушел с командных должностей, продолжая «числиться по артиллерии». В 1830 году он скоропостижно скончался. Смерть его ускорили тяжелые ранения, полученные в ходе войны с Турцией в 1810 году: штурмуя летом этого года крепость Руцук в качестве добровольца, Сухозанет получил тяжелые ранения «в левую руку и под левый глаз пулями»¹⁰.

В роте Сухозанета вместе с Рылеевым служили еще с десяток офицеров. Имена большинства из них историки давно уже выяснили: это прапорщик Федор Миллер, поручик Александр Косовский, братья Густав и Федор Унгерн-Штернберги (поручик и прапорщик), а также капитан Костомаров, прапорщик Буксгевден и некие В.В.Сливичий и Гардовский¹¹.

⁹ *Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.395. Оп.60. 2 отд. 1 ст. 1816 г. Д.818. Л.1.*

¹⁰ *Там же. Оп.71. 2 отд. 3 ст. 1820 г. Д.1668. Л.9 об., 11.*

¹¹ *См. об этом: Из неизданной переписки Рылеева // Литературное наследство. М., 1954.*

С некоторыми из них Рылеев поддерживал приятельские отношения, даже выйдя в отставку. Другом его остался однокашник прапорщик Миллер. Согласно переписке, Рылеев поддерживал отношения и с братьями Унгерн-Штернбергами и Александром Косовским¹². Густав Унгерн, переведясь в 1819 году в гвардейскую конную артиллерию, стал адъютантом начальника артиллерии Отдельного гвардейского корпуса, генерал-майора Козена. Вскоре Козен вышел в отставку, его сменил в должности Иван Сухозанет, а Унгерн-Штернберг продолжил службу во фрунте. 15 февраля 1822 г., согласно «Приказам о чинах военных», «лейб-гвардии конной артиллерии 2-й легкой батареи Унгерн-Штернберг исключен из списков умершим»¹³. По-видимому, до самой смерти Унгерна живший в столице Рылеев поддерживал с ним приятельские отношения.

Приятеlem Рылеева был и Александр Андреевич Косовский, 1793 года рождения, происходивший «из дворян Слободско-Украинской губернии». Косовский начал службу в 1813 году с нижних чинов. Как нижний чин, «фейерверкер» 3-го, а затем 2-го и 1-го классов, в составе 1-й конно-артиллерийской роты Косовский прошел Заграничные походы, за храбрость получил солдатского Георгия и в октябре 1815 г. стал офицером, прапорщиком. В декабре 1819 г., через год после отставки Рылеева, он стал подпоручиком, а еще 4 месяца спустя – адъютантом начальника артиллерии 2-го резервного корпуса; начальством Косовский аттестовался как «отличный по службе офицер»¹⁴. Впоследствии он упорно служил, воевал, получал чины и ордена, и к началу 1850-х годов был полковником артиллерии «в должности начальника первых 4-х кавалерийских округов Новороссийского военного поселения», считался в армии «лучшим батарейным командиром». В середине 1850-х годов он, по-видимому, стал генерал-майором¹⁵ – и на этом следы его теряются.

Косовский и Рылеев общались весьма близко. Через четыре года после отставки, в декабре 1822 г., поэт писал жене из Харькова: «Косов-

Т.60: Декабристы-литераторы. Т.1. С.159; Удодов Б.Т. К.Ф.Рылеев в Воронежском крае. Воронеж, 1971. С.16–20.

¹² *Из неизданной переписки Рылеева. С.156–164.*

¹³ *Высочайшие приказы о чинах военных. 1822. Январская треть. 15 февраля. [СПб., 1823]. С.98.*

¹⁴ *РГВИА. Ф.395. Оп.73. 1822 г. Д.1137. Л.2–2 об, 10–10 об.*

¹⁵ *Там же. Оп.160. 1854 г. Д.5. Л.10 об.–11.*

ского не застал, его теперь нет в городе»¹⁶. Из этого фрагмента следует, между прочим, что и Наталья Рылеева была знакома с этим сослуживцем мужа. Считается, что именно Косовскому Рылеев посвятил стихотворение «К К-му (В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться на Украине)»:

*Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!*¹⁷

И Косовский, и сам Рылеев, и другие офицеры роты служили в артиллерии, и это означало, что они – на фоне в общем малограмотного российского офицерства – были хорошо образованы, знали математику и военные науки. Однако сразу после войны выяснилось, что их способности и знания в мирное время никому не нужны. После войны особую ценность приобрели любовь к фрунтовым занятиям, к муштре, умение составить о себе выгодное впечатление у начальства.

Трудно сказать, какие политические взгляды были у сослуживцев Рылеева. Неизвестно, знали ли те из них, кто впоследствии поддерживал отношения с бывшим однополчанином, о его литературной и конспиративной деятельности и насколько далеко простиралось это знание. По крайней мере, следствие по делу о тайных обществах не обнаружило ни одного факта, свидетельствующего о включенности кого-нибудь из однополчан в разрабатывавшиеся Рылеевым планы переворота.

О Рылееве в годы его артиллерийской службы рассуждать непросто: документов, характеризующих этот период его жизни, немного. Те из них, которые доступны исследователям, свидетельствуют: Рылеев на службе был не совсем таким, как его ротные товарищи.

Сохранилось уникальное свидетельство о Рылееве-артиллеристе, это – мемуары, созданные одним из его однополчан. В 1954 году А.Г.Цейтлин опубликовал в 59-м, «декабристском» томе «Литературного наследства» «Воспоминания о Рылееве его сослуживца по полку А.И.Косовского

¹⁶ Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С.463.

¹⁷ Там же. С.96–97.

(1814–1818)»¹⁸. С тех пор текст этих воспоминаний был несколько раз републикован. Исследователи биографии и поэзии Рылеева пользуются этими публикациями, доверяя им и не перепроверяя по хранящемуся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) автографу.

Между тем, публикация Цейтлина выглядит более чем странно. Прежде всего, обращает на себя внимание ее заголовок: как известно, Рылеев никогда не служил в «полку». После выпуска в феврале 1814 г. из 1-го кадетского корпуса Рылеев до самой отставки служил в 1-й конно-артиллерийской роте (впоследствии переименованной в 11-ю и в 12-ю) 1-й резервной артиллерийской бригады.

Офицеры конной артиллерии

Бросаются в глаза и купюры в опубликованном в «Литературном наследстве» тексте. По поводу их публикатор во вступительной статье замечает: «Косовский явно недоброжелателен к Рылееву и легко взваливает на молодого офицера различные обвинения. В печатаемом ниже тексте воспоминаний эти обвинения в основном не воспроизводятся, так как являются клеветой реакционно настроенного николаевского генерала на одного из вождей декабристского движения»¹⁹. В опубликованном тексте содержится 12 купюр – именно столько раз, по мнению Цейтлина, реакционный николаевский генерал оклеветал вождя тайного общества.

Настораживает и приведенное в публикации имя автора мемуаров – А.И.Косовский.

На первой странице хранящегося в РГАЛИ автографа сделана запись: «Воспоминания генерал-лейтенанта Косовского Александра Ивановича о К.Ф.Рылееве». Однако запись эта явно позднейшая, выполненная по современной орфографии. И ее вряд ли стоит принимать во внимание. Одна-

¹⁸ *Воспоминания о Рылееве его сослуживца по полку А.И.Косовского (1814–1818) // Литературное наследство. М., 1954. Т.59. С.238–250.*

¹⁹ *Цейтлин А.Г. Предисловие к «Воспоминаниям о Рылееве его сослуживца по полку А.И.Косовского» // Литературное наследство. Т.59. С.237.*

ко, как следует из послужного списка Косовского, звали его не Александр Иванович, а, как уже говорилось выше, Александр Андреевич.

Кроме того, из несомненного факта знакомства и совместной службы Рылеева и Косовского еще не следует, что именно этот сослуживец поэта был автором мемуаров. Более того, документы свидетельствуют о дружеских отношениях между ними, переписке, обмене стихотворными посланиями. Мемуары же, согласно их автору, писались спустя 28 лет после выхода поэта в отставку, т.е. в середине 1840-х годов, и непонятно, почему Косовский (тогда полковник, а вовсе не «реакционный генерал») вдруг вздумал негативно отзываться о своем давно погибшем друге в явно не предназначенном для печати тексте.

Учитывая все, сказанное выше, можно утверждать: авторство Косовского в данном случае представляется недоказанным. Для того, чтобы установить автора воспоминаний (которым может быть и Косовский, и любой другой из офицеров конно-артиллерийской роты), следует провести дополнительный научный поиск. Бесспорно одно: написал мемуары о Рылееве его сослуживец, близко общавшийся с поэтом, но не питавший к нему особых дружеских чувств.

Мемуары эти весьма информативны: в них мы находим яркие эпизоды послевоенной жизни Рылеева. Их автор рассказывает, например, как «однажды, гуляя с товарищем по улице местечка Белогорье (где была расположена батарея), они подошли к небольшому домику почтовой станции, чтобы в растворенное окно сказать хозяину, содержателю почты, прислать наутро тройку лошадей ехать по порученности батареинного командира в г. Острогжск». В окне Рылеев и его товарищ увидели старое ружье, стоявшее в углу – и решили осмотреть его. «Товарищ, осмотревши замок, который также был особой конструкции, и, видя, что на полке нет пороха, взвел курок, прося Рылеева посторониться, на что сей отвечал: "Да стреляйте из пустого ружья; я стоял уже два раза противу пистолетных пуль, так не приходится прятаться от заржавленного ружья!" Комната эта была весьма маленькая, едва помещалась одна только кровать, а ружье было слишком длинное, дуло которого лежало почти над правым плечом Рылеева, – когда же, по настоянию Рылеева, товарищ спустил курок и последовал нечаянный выстрел (весь заряд волчьей дроби врезался в стену), то Рылеев, сделавши невольный шаг влево, сказал, смеючись: "И убить-то не умел"».

Есть рассказ и о том, как «Рылеев, сидевший на борту лодки, увидел, что по воде несет убитую утку», «без всякой предосторожности хотел схватить ее, но, потерявши равновесие, упал за борт» и начал тонуть – его с трудом спасли. «Много стоило труда избавить их от очевидной

гибели!.. Рылеев долго не мог прийти в себя и потом выдержал горячку», – резюмирует мемуарист²⁰.

Смакуя подробности, мемуарист описывает и историю сватовства Рылеева к Наталье Тевяшевой, дочери помещика Михаила Тевяшева – «человека прошлого столетия времен Екатерины, преисполненного доброты сердца, но прожившего в глуши более 30 лет, с плохим здоровьем; он решительно отстал от тамошнего общества»²¹.

Однако мемуары эти – отнюдь не просто перечисление фактов из жизни Рылеева в Острогжском уезде. Из текста их следует, с одной стороны, что образ жизни Рылеева-артиллериста мало чем отличался от образа жизни его однополчан – и экстремальные ситуации, подобные случайному выстрелу из ружья или падению с лодки, были в его жизни крайне редки. С виду прапорщик был таким же, как все: «при случае любил и покутить на чужой счет, и выпить лишнее», был страстным, но неудачливым картежником, проигрывал в карты деньги, которые присылала ему мать. Сослуживец утверждает: «Страсть к игре в карты и преимущественно в банк ставила его много раз в безвыходное положение пред командиром батареи и товарищами. И в батарее никто с ним не играл, как неумеющим владеть собою; при проигрыше он выходил из себя и забывался; весьма редко случалось ему выигрывать небольшую сумму, которую недолго удерживал при себе, при первой возможности спускал с рук, постоянно жил без денег и был в долгах, – будучи беспечен к самому себе, он не хотел знать, чего у него нет и что есть, жил кое-как, более на чужой счет и – не стыдился»²².

Согласно воспоминаниям, Рылеев был вспыльчив и далеко не всегда умел держать себя в руках: «два раза дуэлировал на саблях и на пистолетах, причем получил хорошие уроки за свою заносчивость и интриги»; «в одном месте, по приказанию его, солдаты-квартирьеры наказали фухтелями (плоской стороной шпаги или сабли. – *А.Г., О.К.*) мужика литовца за грубость, но так жестоко, что стоило больших усилий привести его в чувство и в самосознание. Жалоба дошла до генерал-губернатора, и дело едва кончилось мировою; Рылеев заплатил обиженному сто руб[лей] за увечья; в противном случае он был бы под судом и, конечно, разжалован»²³.

²⁰ Воспоминания о службе К.Ф.Рылеева в конной артиллерии // *Готовцева А.Г., Киянская О.И. Правитель дел. С.219–220.*

²¹ Там же. С.217.

²² Там же. С.211, 212–213.

²³ Там же. С.220, 216.

Служил прапорщик из рук вон плохо: «он не полюбил службы, даже возненавидел ее и только по необходимости подчинялся иногда своему начальству. Он с большим отвращением выезжал на одно только конно-артиллерийское ученье, но и то весьма редко, а в пеший фронт никогда не выходил; остальное же время всей службы своей он состоял как бы на пенсии, уклоняясь от обязанностей своих под разными предлогами. Часто издевался над нами, зачем служим с таким усердием; называя это унижительным для человека, понимающего самого себя, т.е. подчиняться подобному себе и быть постоянно в прямой зависимости начальника; говорил – вы представляете из себя кукол, что доказывают все фрунты, в особенности пеший фрунт; он много раз осыпал нас едкими эпиграммами и не хотел слушать дельных возражений со стороны всех товарищей его»²⁴.

Далеко не все товарищи по роте любили и уважали Рылеева: виной тому были лень, «заносчивость и интриги» – отличительные черты артиллерийского прапорщика; «характер его был скрытным и мстительным, за что никем не был любим». Впрочем, и Рылеев не был откровенен с сослуживцами, «избегая сотрудничества товарищей своих, которые только по необходимости держали его в обществе своем»²⁵.

Вполне возможно, что, описывая Рылеева подобным образом, его сослуживец несколько сгущает краски. Однако смысл этих воспоминаний вовсе не в том, чтобы очернить будущего заговорщика. Смысл воспоминаний другой, по-человечески вполне понятный. Автор, считавший себя умным человеком, дельным офицером, весьма полезным для службы, искренне удивляется тому, что он и большинство его сослуживцев оказались лишь рядовыми участниками исторического процесса. А тот из них, которого все вокруг «привыкли разуметь за человека обыкновенного, с недобрим сердцем, дурным товарищем и бесполезным для службы офицером», – сумел прославить свое имя в веках. «Думал ли он или кто из товарищей, бывших из его сослуживцев в течение шести лет, что Р[ылеев] выйдет, к удивлению всех, человеком замечательным и потребует от каждого из нас передать потомству малейшие подробности жизни его?!», «могли ли мы когда думать, чтобы прапорщик конной артиллерии, без средств к жизни, с такими наклонностями, непостоянным характером, мог затевать что-либо, похожее на дело серьезное?» – риторически вопрошает мемуарист²⁶.

²⁴ Там же. С.211–212.

²⁵ Там же. С.211, 212.

²⁶ Там же. С.212, 222–223.

Сослуживцы Рылеева не могли понять, чем вызвана скрытность и заносчивость младшего офицера, игравшего, как все, в карты, выпивавшего и в порыве гнева могущего отдать приказ наказать «мужика литовца за грубость». Так, например, автор мемуаров, пытаясь объяснить странное поведение прапорщика, задним числом приписывает «замечательному человеку» мысли явно более позднего времени. Оказывается, уже в годы службы Рылеев написал многие из своих стихотворных произведений, в том числе и поэму «Войнаровский» (на самом деле замысел поэмы возник у Рылеева через четыре с половиной года после отставки), стремился служить в Российско-американской компании (в которой он реально начал служить с апреля 1824 г.), мечтал удалиться от управления империей Алексея Аракчеева (который тогда вовсе не был «временщиком» с неограниченной властью) и поставить во главе управления адмирала Николая Мордвинова (отголосок позднейших планов заговорщиков ввести адмирала в состав временного правительства) и т.п.

«Для меня решительно все равно, какую бы смертью ни умереть, хотя бы быть повешенным; но знаю и твердо убежден, что имя мое займет в истории несколько страниц!» – так, по мнению мемуариста, Рылеев оценивал свое будущее²⁷. Естественно, в данном случае автор воспоминаний воспроизводит опубликованное в открытой печати «Донесение следственной комиссии». Именно там воспроизведены слова друга Рылеева Александра Бестужева, сказанные товарищам по заговору: «По крайней мере об нас будет страничка в истории»²⁸. В годы службы Рылеев никак не мог знать и о своем будущем повешении.

Однако и в этих мемуарах, и в других документах присутствует одна существенная психологическая подробность, о которой уже говорилось выше: с юных лет его одушевляла страсть к славе. Сослуживец передает разговор Рылеева с одним из офицеров роты. «Скажите, пожалуйста, Кондратий Федорович, довольны ли вы своею судьбою, которая, как кажется, лелеет и хранит вас на каждом шагу? Мы завидуем вам!» – спросил этот офицер. «Что же тут мудреного, когда она так милостива ко мне! Я убежден, что она никогда не перестанет покровительствовать гению, который ведет меня к славной цели!» – ответил Рылеев²⁹. Очевидно, в годы послевоенной службы он сумел осознать свой особый путь, который может привести его к славе.

²⁷ Там же. С.219.

²⁸ Восстание декабристов. М., 1980. Т.17. С.52.

²⁹ Воспоминания о службе К.Ф.Рылеева в конной артиллерии. С.221.

Впоследствии, в 1823 году, Рылеев напишет, обращаясь к великому князю Александру Николаевичу:

*Военных подвигов година
Грозою шумной протекла;
Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела.
Затмится свод небес лазурных
Непроницаемою мглой;
Настанет век борений бурных
Неправды с правдою святой³⁰.*

Отрывок этот отражал собственный опыт поэта: после войны стало ясно, что на службе прославиться или даже сделать сколько-нибудь заметную карьеру сложно. Мирное время требовало новых героев, тех, кто будет сражаться за социальную справедливость, во имя «святой правды». Эту истину первыми осознали столичные гвардейцы, бравшие уроки политических наук и создававшие тайные общества. До осознания этой же истины Рылеев дошел своим, особым путем.

Так, например, его острогожский знакомый Александр Никитенко, будущий цензор, литератор и академик, а в конце 1810-х годов – «образованный» крепостной графа Шереметьева, описывает случайную встречу с ним на книжной ярмарке: «Я с одним из приятелей не преминул заглянуть в лавочку, торговавшую соблазнительным для меня товаром. Там, у прилавка, нас уже опередил молодой офицер. Я взглянул на него и пленился тихим сиянием его темных и в то же время ясных глаз и кротким, задумчивым выражением всего лица. Он потребовал "Дух законов" Монтескье, заплатил деньги и велел принести себе книги на дом. "Я с моим эскадром не в городе квартирую, – заметил он купцу, – мы стоим довольно далеко. Я приехал сюда на короткое время, всего на несколько часов: прошу вас, не замедлите присылкою книг. Я остановился (следовал адрес). Пусть ваш посланный спросит поручика (ошибка мемуариста: в годы службы Рылеев имел чин прапорщика. – А.Г., О.К.) Рылеева"»³¹.

Сослуживцы прапорщика не видели – да и, в силу очень ограниченно-го круга интересов, не могли видеть происходившей в нем серьезной нравственной работы. Очевидно, именно поэтому они ощущали в нем

³⁰ Рылеев К.Ф. Сочинения. Л., 1987. С.65.

³¹ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1980. Т.2. С.40–41.

дерзкого и заносчивого чужака, не понимали его, а зачастую просто смеялись над ним. И, как следует из мемуаров рылеевского сослуживца, прапорщик эту свою отчужденность чувствовал достаточно остро: «А как часто он говаривал нам: "Г[оспода], вы или не в состоянии, или не хотите понять, куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество ожидает от нас общих усилий для блага страны!! Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!"»³²

**«СЛУЧИЛАСЬ В РОТЕ
ВЕСЬМА НЕПРИЯТНАЯ
ИСТОРИЯ»: РЫЛЕЕВ
И П.О.СУХОЗАНЕТ**

За полгода до выхода Рылеева в отставку в роте произошло событие, всколыхнувшее в общем однообразную жизнь артиллеристов. У офицеров произошел резкий конфликт с

командиром, подполковником Сухозанетом. Конфликт этот опять-таки был типичным, подобные «истории» происходили после войны едва ли не в каждом подразделении. Заподозрив своего командира в личной корысти, оскорбительной невнимательности, желании обойти по службе кого-нибудь из них или просто из соображений мести офицеры вполне могли солидарно подать в отставку или прибегнуть к каким-нибудь другим коллективным действиям, вызвать командира на дуэль или просто избить его.

Один из инцидентов, произошедший в Одесском пехотном полку, приводит в своих мемуарах член тайного общества Николай Басаргин. Офицеры полка, недовольные жестокостью своего полкового командира, открыто выступили против него, причем сделали это очень простым и незамысловатым способом: избранный по жребию офицер избил полкового командира на дивизионном смотре перед строем³³. Подобное же происшествие было и в Нарвском драгунском полку³⁴.

В Пензенском пехотном полку поручик Игнатий Ракуза «не отвел на квартиры роту, когда ему было препоручено, а остался самовольно в полковом штабу, и когда майор (того же полка, батальонный командир Ракузы. – А.Г., О.К.) Говоров нашел его... то Ракуза, быв пьян, делал

³² *Воспоминания о службе К.Ф.Рылеева в конной артиллерии. С.220.*

³³ *Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С.63–64.*

³⁴ *Нечкина М.В. Движение декабристов: в 2 т. М., 1955. Т.2. С.19.*

грубости и не хотел идти на гауптвахту, и Говоров вынужден был приказать солдатам его вести, которых Ракуза в показаниях своих осмелился назвать шайкою, и чтобы замарать честь батальонного своего командира показал, якобы он его в сенях канцелярии и потом на улице бил рукою по лицу, чего свидетелями не доказано»³⁵.

В Полтавском пехотном полку штабс-капитан Дмитрий Грохольский отпускал «дерзкие грубости» в адрес батальонного командира майора Дурново; «история» закончилась банальной дракой между Дурново и вставшими на сторону Грохольского двумя офицерами того же полка³⁶.

В Новороссийском драгунском полку – после войны квартировавшем, кстати, там же, где артиллерийская рота Сухозанета, в Воронежской губернии – произошло сразу две подобные истории. Офицеры были недовольны строгостью полкового командира, полковника Евстафия Кавера – и это недовольство чуть не выплеснулось весной 1816 года в вооруженное столкновение между Кавером и одним из младших офицеров³⁷. Пять лет спустя офицеры начали травить нового полкового командира, полковника Сергея Зыбина – обвиняя его в излишней строгости с солдатами и неуважении к ним самим. Один за другим офицеры стали подавать рапорты о болезни и невозможности, таким образом, находиться в строю³⁸.

Такова же и знаменитая «норовская история» 1821 года. Василий Норов, капитан лейб-гвардии Егерского полка, член тайного общества, вызвал на дуэль своего бригадного командира великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I. «Я вас в бараний рог согну!» – будто бы крикнул Николай Норову. Это было воспринято не только как личное оскорбление, но и как оскорбление всех офицеров полка. Норов за это был выписан из гвардии в армию и посажен под арест.

Самой продолжительной была так называемая Варшавская история, длившаяся около года. Ее активным участником был декабрист Павел Граббе. Офицеры лейб-гвардии Литовского полка, квартировавшего в Варшаве, выступили против произвола, царившего в полках корпуса:

³⁵ РГВИА. Ф.16231. Оп.1. Д.432. Л.35 об.–36.

³⁶ Там же. Д.313.

³⁷ Потто В.А. История Новороссийского драгунского полка. СПб., 1866. С.63–68.

³⁸ См. об этом подробнее: Готовцева А.Г. К вопросу о настроениях в армии перед восстанием декабристов. Из истории Новороссийского драгунского полка // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Чернігів, 2008. Вип.52. Сер. Історичні науки. №5. С.65–72.

телесных наказаний и карточной игры, которую «уважали» некоторые ротные командиры. В конфликт был втянут великий князь Константин Павлович³⁹.

Собственно, в ряду подобных «историй» следует рассматривать и инцидент, случившийся в роте Сухозанета. Изложение обстоятельств инцидента находим в письме Рылеева к матери от 10 июня 1818 г.: «Должен я еще уведомить вас, что у нас было случилась в роте весьма неприятная история: Сухозанет, дабы перессорить между собой офицеров, представил младших к повышению чинов. Эти догадались, и все пошли к нему. Те, которых он представил, сказали ему, что они не чувствуют, дабы они сделали для службы что-либо отличное противу своих товарищей, а те, которых он хотел было обойти, сначала довольно учтиво, а наконец, видя, что он не унимается, с неудовольствием доказывали ему – как он несправедлив. Видя же, что и это его не трогает, все офицеры, и представленные и обойденные, подали к переводу в кирасиры... Федор же Петрович Миллер, находясь в числе обиженных, будучи им весьма дерзко оскорблен, вынужден был поступить с ним как с подлецом. Но, слава богу – все обошлось хорошо. Корпусной начальник артиллерии приезжал нарочно в Белогорье, дабы успокоить господ офицеров и уверить Сухозанета, что он кругом виноват. После сего, хотя он и примирил офицеров с ним, но этот мир не продолжится долго. Ибо все решились разными дорогами выбраться из роты. Федор Петрович выходит в отставку. Кажется, что и Сухозанет после полученного от него подарка должен оставить службу»⁴⁰. Рылеев объяснял матери, что сам он к этой истории не имеет ровно никакого отношения – поскольку в момент ее начала он отсутствовал в ротной квартире.

Эту же историю, но несколько по-иному рассказывает и сослуживец Рылеева по роте – автор воспоминаний. Акценты в его рассказе смещены: виноватым в «истории» оказывается сам Рылеев, «жестко отблагодаривший» ротного командира за хорошее отношение к себе. Согласно мемуаристу, Рылеев «прежде старался клеветать его повсюду и довел до того, что той же батарее прапорщик Миллер единственно по наущению Рылеева, как однокашника по корпусу, должен был принять дуэль на пистолетах, причем Рылеев у Миллера был секундантом. Сухозанет остался невредим, а Миллер был ранен в руку»⁴¹.

³⁹ Ланда С.С. *Дух революционных преобразований*. М., 1975. С.235–239.

⁴⁰ Рылеев К.Ф. *Сочинения*. С.283–284.

⁴¹ *Воспоминания о службе К.Ф.Рылеева в конной артиллерии*. С.212.

Никаких иных свидетельств об этой «истории» не сохранилось – поэтому сделать точные выводы о ее причинах, ходе и составе участников достаточно сложно. Можно говорить о том, что «история» была замята. Обычно следствием такого рода происшествий, особенно окончившихся дуэлью, бывал арест выступивших против командира офицеров, долгое разбирательство в военном суде, в лучшем случае отставка, а в худшем – разжалование «бунтарей» в солдаты (по итогам одной только «зыбинской истории» в Новороссийском полку 19 офицеров подверглись взысканию, 8 из них были разжалованы в рядовые). В отставку неминуемо должен был быть отправлен и командир – как не сумевший внушить к себе уважение со стороны собственных подчиненных.

Однако надежды Рылеева на то, что «после полученного подарка» подполковник Сухозанет уйдет в отставку, не оправдались. Более того, через две недели после произошедшего начальник артиллерии 1-й армии князь Лев Яшвиля представил ротного командира к производству в следующий чин, в чин полковника. Соглашаясь с представлением Яшвиля, военный министр и – по совместительству – инспектор артиллерии барон Петр Меллер-Закомельский рапортовал царю, что Сухозанет, как и несколько других особо отличившихся в службе офицеров-артиллеристов, вполне достоин стать полковником⁴². В сентябре того же года был подписан соответствующий высочайший приказ. Ни Яшвиля, ни Меллера-Закомельского, ни императора не смутил тот факт, что Сухозанет по правилам не должен был получать этот чин – поскольку в артиллерии на тот момент служили 25 подполковников, чья выслуга в подполковничьем чине была больше.

Не ушел в отставку и прапорщик Федор Миллер – который, согласно свидетельствам и Рылеева, и его сослуживца, – лично выступил против командира. В августе того же года его перевели – с чином подпоручика – в Учебный карабинерный полк, занимавшийся обучением рекрут для армейских подразделений⁴³. По Табели о рангах чин артиллерийского прапорщика как раз и равнялся чину пехотного подпоручика.

К этому следует добавить, что, по-видимому, роль самого Рылеева в этой истории вряд ли была значительной. Очевидно, что отставка его, последовавшая в декабре 1818 года, с «историей» в роте связана не была. По крайней мере, в цитированном выше письме к матери он ут-

⁴² РГВИА. Ф.395. Оп.66/328. 2 отд. 1819 г. Д.1809. Л.6–6 об.

⁴³ Высочайшие приказы о чинах военных. 1818. Майская треть. 19 августа. [СПб., 1819]. С.471.

верждает, что вообще не был свидетелем событий: «меня же тогда при штабе не случилось». «Я подаю в сентябре в отставку, Сухозанет не может причесть к последствиям случившихся в роте неудовольствий, ибо намерение мое ему давно было известно», – констатировал он⁴⁴.

Впоследствии, живя в столице после отставки, и Рылеев, и его жена живо интересовались судьбой Сухозанета. «Еще, милая сестрица, уведомляю вас: Сухазанет Петр Онуфирович произведен в полковники», – сообщила в 1819 году Наталья Рылеева оставшейся в деревне сестре Анастасии⁴⁵. А в опубликованной в 1820 году в журнале «Отечественные Записки» статье «Еще о храбром М.Г.Бедраге» Рылеев отзывался о своем бывшем начальнике как об офицере, «известном в артиллерии своею ревностию и усердием к службе»⁴⁶.

В конце 1818 г., выходя в отставку, Рылеев, очевидно, хорошо представлял себе, как он будет строить собственную жизнь, к чему будет стремиться. Через два года о нем – как о поэте и борце с несправедливостью – уже говорила вся образованная Россия.

⁴⁴ Рылеев К.Ф. Сочинения. С.283

⁴⁵ Рукописный отдел Института русской литературы. Ф.269. Оп.2. Ед.хр.47. Л.2 об.

⁴⁶ Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. С.296.

Наши авторы

1514 .

Our authors

Zimonin Vyacheslav Petrovich

D.Sci., historian, Professor, Academician of RANS,
honored scientist of the Russian Federation

Bit-Yunan Gevargisovich

Ph.D., philologist, senior lecturer of Chair
of literary criticism, faculty of journalism, Russian State University
for the Humanities

Fel'dman David Markovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of literary criticism,
faculty of journalism, Russian State University for the Humanities

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., historian, assistant Professor, Associate Dean of faculty
of environment and service, Saratov State Technical University

Glebkin Vladimir Vladislavovich

Ph.D., philosopher,
Head of Department of Theory and History of World
Culture in Gymnasium 1514, Moscow

Antonov Dmitriy Igorevich

Ph.D. in history, assistant Professor of the Institute of Russian History,
Russian State University for the Humanities

Zernova Anna Il'inichna

postgraduate, Chair of Medieval and Early Modern of Russian History,
faculty of archives, Russian State University for Humanities

Gotovtseva Anastasiya Gennad'evna

D.Sci., philologist, the assistant Professor, Chair of literary criticism,
faculty of journalism, Russian State University for the Humanities

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of literary criticism, faculty of journalism,
Russian State University for the Humanities

« », ., .12/27, .3;
« », , 7 ;
 , ., .3/5, 3-
;

 -
 « »,
 ., 11/5

 « XXI»
 - « », 6 ».
(: , « »,)
« »).
 : (495) 650-60-31,
 www.hamlet.ru

 . (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,

39363 -

83496 -

«

«

:

:

»

».

:

« -2003»
. (495)788-00-60, (495)225-67-64
« - » / (495)795-23-00

«

-

»:

. (495) 672-70-12, (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

:

www.eibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2013.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 30.07.2013. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.

Тираж 1500 экз (1з-д - 1000 экз.). Заказ №

«
140014,
./ : (495) 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.
»-«
- , . 403.

«

»

»(

«

)
Observer Research Foundation.

«

»

« XXI»

«

» www.hamlet.ru

: 123001,

, 22/21 .1-2.

..: (495) 691-74-79, E-mail: russia21@ecc.ru

4. 2013 iuly–august

Geopolitics and International Policy Issues

Vyacheslav Zimonin

«Cold» War was Born
in «Hot» War
(the end) _____ **6**

Labels and Myths

Yrii Bit-Yunan, David Fel'dman

Technologies of Myth Creation:
Notes on Publication of V.S.Grossman's Novel
"Life and destiny" _____ **26**

Vladimir Degoev

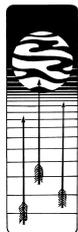
Sheikh-Mansour: A Glance through the Mist of Ages.
Reflections of a XXI Century Historian
(the continuance) _____ **54**

Russia in the World

Mikhail Kovalev

"During these conferences we
grew up in our and others' eyes".
Cases from the history of the Russian emigration's
scientific communication (1921–1930) _____ **76**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Vladimir Glebkin

From Christian to Noble.
The Sistem of Basic Values
in "Domostroi" and "Yunosti
Chestnoe Zercalo" _____ **96**

Dmitriy Antonov

Tsar Elected and Tsar Dethroned:
Transformation of Notions of Reign
in Russia at the End of the
16–17th c. _____ **114**

Pages of History

Anna Zernova

"The power bereft of popular
support is nothing".
The Provincial Government Reform
of Catherine II in Sermons Delivered
at the Opening of Vicegerencies
Events _____ **136**

*Anastasiya Gotovtseva,
Oksana Kiyanskaya*

A Contribution to the History of the
Early 19th Century Russian Army:
K.Th.Ryleev at the Military
Service _____ **160**

РОССИЯ XXI